джерри хопкинс дэнни шугерман

НИКТО ИЗ НАС НЕ ВЫЙДЕТ ОТСЮДА ЖИВЫМ

Джерри Хопкинс, Дэнни Шугермэн
Никто не выйдет отсюда живым

Джим Моррисон здесь во всей своей целостности – певец, философ, поэт, правонарушитель – выдающийся, харизматический и гонимый приверженец тьмы, который отвергал любые авторитеты, испытатель, исследовавший “границы реальности, чтобы посмотреть, что случится…”

Писавшаяся в течение семи лет, эта полная биография – работа двух людей, интерес которых к Джиму Моррисону и опыт общения с ним необычайно помогли им в изложении этой современной трагедии. Джерри Хопкинс, чья знаменитая биография Пресли “Элвис” была “вдохновлена” Моррисоном, и Дэнни Щугермэн, преуспевающий бизнесмен и помощник “Doors”. Они вместе рассказывают историю гения, который как комета пронёсся по музыкальному горизонту, а потом рассыпался на горящие осколки, когда его жизнь вышла из-под контроля.

Предисловие

Джим Моррисон успешно стал мифологическим героем еще при жизни – он был, это почти бесспорно, живой легендой. Его таинственная смерть и последовавшие за ней спекуляции завершили цепь событий, утвердивших за ним место в пантеоне одарённых художников, ощущавших жизнь слишком остро, чтобы выжить: Артюра Рембо, Шарля Бодлера, Ленни Брюса, Дилана Томаса, Джеймса Дина, Джими Хендрикса и других.

Эта книга не поддерживает и не опровергает миф о Моррисоне. Она просто напоминает о том, что Джим Моррисон (и “Doors”) – это больше, чем легенда; что легенда существовала на самом деле. Иногда прелесть этой книги – в резком противоречии мифу, иногда – в соответствии с ним. Таким был этот человек.

Лично я считаю, что Джим Моррисон был богом. Некоторым из вас это может показаться ненормальным, а кому-то – странным. Конечно, Моррисон говорил, что мы все – боги и что наша судьба зависит от нас самих. Я только хочу сказать, что, по-моему, Джим Моррисон был современным богом. На худой конец, господом.

До сих пор мы имеем слабое представление об этом человеке. Его деятельность в качестве участника “Doors” привлекает всё больше поклонников, в то время как настоящий талант этого человека и источники его вдохновения известны, но на них не обращают внимания. Рассказы об арестах и “подвигах” распространены шире, и эти рассказы сейчас более фантастичны, чем когда-либо, но наше представление о Моррисоне как о человеке тускнеет.

Моррисон изменил мою жизнь. Он изменил жизнь Джерри Хопкинса. Джим Моррисон действительно перевернул много жизней, не только тех, что непосредственно соприкасались с его жизнью, но и тех, кого он привлекал как неоднозначный поэт-певец “Doors”.

Эта книга рассказывает о жизни Джима, но не даёт ей оценки. Мы только попытались проникнуть внутрь этого человека, исследуя, откуда он пришел и как он попал в среду, где стал лидером.

В самом начале, в 1967-м году (когда большинство из нас услышало его впервые), понять Моррисона было не легко. Это было сложнее духовных поисков; в сравнении с предназначением Джима вы были посторонним, который предпочитал заглянуть внутрь. Рок-н-ролл всегда привлекал множество “негодников” с подобными замашками, но Моррисон продвинул таких “посторонних” на шаг

дальше. Он говорил, дословно: “Это прекрасно, что нам нравится здесь. Это причиняет боль, это ад, но это ещё и радость, гораздо более реальная, чем то путешествие, в котором я вижу вас ”. Он показывал пальцем на родителей, учителей и другие земные авторитеты. Он не говорил ничего определённого. Ненавидящий ложь, он не предупреждал – он громко, неистово бросал обвинения. Ещё он показывал нам, на что это было похоже: “Люди странные, когда ты странный / Лица уродливы, когда ты один ”. Он показывал нам, как могло быть: “Нам могло быть так хорошо вместе / Я расскажу тебе о мире, который мы придумаем / ненужном мире без жалоб / предприятия / экспедиции / приглашения и изобретения”. Он был эмоционален, яростен, грациозен и мудр в общении. Он редко шёл на компромиссы.

Проникновение внутрь определённо не интересовало Джима. Как и не интересно было ему пройти мимо или побыть рядом. Единственным побудительным мотивом Джима было прорваться насквозь всего. Он читал о людях, которым это удавалось, и верил, что это возможно. Он хотел взять нас с собой. “Мы войдём в ворота к вечеру”, – пел он. Несколько чудесных лет, первых в жизни “Doors”, значили чуточку больше, чем только то, что Джим и группа брали с собой аудиторию в недолгие путешествия на другую территорию, выходящую за пределы добра и зла, на чувственный и драматический музыкальный ландшафт. Конечно, последний прорыв на другую сторону – это смерть.

Вы можете балансировать на грани жизни и смерти, между “здесь” и “там”, очень долго. Джим это и делал, неистово махал нам рукой, зовя присоединиться к нему. Увы, кажется, он нуждался в нас больше, чем мы в нём. Мы абсолютно не были готовы идти туда, куда он нас звал. Мы хотели смотреть на него, мы хотели идти за ним – но не шли. Не могли. А Джим не мог остановиться. И шёл один, без нас.

Джим не хотел помощи. Он хотел только помогать. Я не верю, что Джим Моррисон шёл “путём смерти”, как говорили многие. Я верю, что “путь” Джима был путём жизни. И не временной жизни, а извечного счастья. Если он должен был убить себя, чтобы туда попасть, или хотя бы внести свою собственную лепту в исполнение своего предназначения, замечательно. Если и была какая-то печаль в конце жизни Джима, то это было горе неосознанного смертельного цепляния за жизнь. Но как бог, как провидец, он знал лучше.

История, которую вы прочитаете, может показаться трагичной,

но для меня это – история свободы. Неважно, что в последние дни Джиму пришлось пережить депрессию и разочарование; я верю, что с ним были и радость, и надежда, и спокойное знание того, что он почти дома.

Не важно, как умер Джим. И нет ничего особенного в том, что он покинул нас столь молодым. Важно только то, что Джим Моррисон жил, и жил с намерением, понятым им с самого рождения: раскрыть самого себя и свой собственный потенциал. Он делал это. Короткая жизнь Джима хорошо говорит сама за себя. А я сказал уже слишком много.

Никогда не будет другого такого, как он.

Дэнни Шугермэн Беверли Хиллз, Калифорния 22 марта 1979 г.

Глава 1

Однажды, когда неподалёку от Альбукерке в горах у пика Сандии лежал снег, Стив и Клара Моррисон взяли детей покататься на санках. Стив служил на здешней военновоздушной базе в Кёртленде – он был там офицером и человеком номер два по обслуживанию морского и военно-воздушного спецоружия. То есть, он работал с атомной энергией, которая была тогда секретной темой и говорить о которой дома он не мог.

Зима 1955-го года, прошло несколько недель после двенадцатого дня рождения Джима Моррисона. Меньше, чем через месяц его сестре Энн, которая постепенно превращалась в круглолицую девочку-подростка, должно было исполниться девять лет. Их брат Энди, бывший немного крупнее Джима, – наполовину её моложе.

Картинка по-зимнему непритязательна: на заднем плане – заснеженные вершины Сангр де Кристо (Нью-Мексико), на переднем – розовые щёки, тёмные волнистые волосы, хотя и спрятанные под тёплыми шапками – здоровые дети в тяжёлых пальто вскарабкиваются на деревянные санки. Снег не идёт, только сухие, жгучие порывы ветра сгор.

На краю горного склона Джим усадил Энди на санках спереди, за его спиной – Энн, а сам пристроился сзади. Они оттолкнулись руками и с радостными воплями поехали вниз.

Сани двигались всё быстрей и быстрей. Впереди показалась какая-то будка, которая стремительно приближалась.

Сани быстро катились вниз по склону, будто космический корабль, разрывающий холод открытого космоса. Энди задёргался.

Выпрыгивайте! – кричал он. – Выпрыгивайте! Выпрыгивайте!

Галоши Энди застряли за передней перегородкой саней. Он попытался толкнуться назад, чтобы освободиться, но Энн, сидевшая позади него, не могла сдвинуться с места. Джим навалился вперёд, оставляя их беспомощными.

Будка стремительно приближалась.

Выпрыгивайте! Выпрыгивайте!

До будки оставалось меньше двадцати метров; ужасное столкновение было неизбежно. Энн, ни жива ни мертва, глядела вперёд; лицо её изображало ужас. Энди захныкал.

Санки пронеслись под изгородью около будки и в полутора метрах от неё были остановлены отцом детей. Когда дети выбрались

из санок, Энн в истерике бормотала, как Джим навалился вперёд и не давал им выскочить. Энди продолжал плакать. Стив и Клара Моррисон пытались успокоить младших.

Джим стоял рядом и выглядел очень довольным. “Мы замечательно провели время”, – сказал он.

Мать Джима, Клара Кларк, была одной из пятерых детей в семье, немного взбалмошной, любящей повеселиться дочерью частного адвоката из Висконсина, который позже перешёл на общественную работу в коммунистических организациях. Её мать умерла, когда Клара была подростком. В 1941-м году, когда Кларе был двадцать один год, а её отец уехал на Аляску работать плотником, она съездила на Гавайи к своей беременной сестре. Там на флотской дискотеке она встретила отца Джима, Стива.

Стив вырос в маленьком городке центральной Флориды, одним из троих детей в семье, единственным сыном владельца прачечной. Когда он был ребёнком, ему делали инъекции в щитовидную железу для стимуляции роста, и в школе его звали (кузен и лучший друг) “ университетским ковбоем”: в этом было что-то ханжеское – ярый методист* [*последователь Методистской церкви], популярный, однако, среди девушек. Стив закончил Американскую Морскую академию за четыре месяца до встречи с Кларой, в феврале 1941-го года, после курса ускоренного обучения, набранного специально для подготовки нового выпуска офицеров к началу мировой войны.

Стив и Клара сошлись примерно в то время, когда японцы бомбили Пирл Харбор. Вскоре, в апреле 1942-го, они поженились. Это произошло незадолго до того, как сухие доки Стива были окончательно разминированы, и он отправился служить в северные районы Тихого океана.

На следующий год его послали в Пенсаколу, штат Флорида, на тренировочные полёты, и спустя ещё одиннадцать месяцев, 8 декабря 1943-го года Джеймс Дуглас Моррисон стал ещё одним представителем поколения детей военного времени – он родился в Мельбурне, штат Флорида, недалеко от нынешнего мыса Канаверал.

Когда Джиму было шесть месяцев, отец вновь уехал на Тихий океан служить на авианосце в отряде Ведьм. Последующие три года Клара и её маленький сын жили у родителей Стива в Клируотере. Дом на правом берегу Мексиканского залива содержался в раз и навсегда заданном порядке, а его обитатели воспитывались в духе викторианских времён: дети должны быть видимы, но не слышимы… Не думай о неприятностях, и они исчезнут сами собой… Чистота

исходит из благочестия. Дедушка и бабушка Джима по отцовской линии выросли в Джорджии. Они никогда не пили и не курили.

Поведение Клары в отсутствие мужа было безупречно, но среди скучных родственников скучного Клируотера она была очень рада видеть Стива, вернувшегося с Тихого океана примерно через год после войны в середине сырого лета 1946-го года.

Постоянные переезды и жизнь отдельно от отца, привычные семье Моррисонов в годы войны, продолжались всё детство Джима. Первым послевоенным назначением его отца был Вашингтон, федеральный округ Колумбия, но он пробыл там всего шесть месяцев и был послан – в первый раз из двух – в Альбукерке, где в течение года работал инструктором одной из программ по атомному оружию. В это время у Джима, которому было четыре года, появилась сестра.

Неподалёку от Альбукерке, во время поездки с родителями по шоссе из Санта Фе, Джим пережил то, что впоследствии он будет драматично описывать как “наиболее важный момент в моей жизни ”. Они поравнялись с перевернувшимся грузовиком и увидели раненых, умирающих индейцев, лежавших на асфальте на месте аварии.

Джим заплакал. Стив остановил машину, чтобы узнать, не сможет ли он чем-то помочь, и послал кого -то позвонить в больницу; Джимми (так звали его родители до семи лет) пристально смотрел на хаос через окно машины и всё время плакал.

Стив развернул машину, и они уехали, но Джимми не мог успокоиться. Он нервничал всё больше, всхлипывая в истерике.

Я хочу помочь, я хочу помочь…

Клара держала его на руках, а Стив успокаивал мальчика: “Всё хорошо, Джимми, всё в порядке ”.

Они умирают! Они умирают!

В конце концов отец сказал ему:

Это был сон, Джимми, этого не случилось на самом деле, это был сон.

Джим продолжал всхлипывать.

Много лет спустя он рассказывал своим друзьям, что, как только машина его отца уехала с перекрёстка, умер индеец, и его душа вселилась в тело Джима.

В феврале 1948-го года Стива направили на море “спецофицером по оружию” на другой авианосец, вдали от дома. Теперь Моррисоны жили в Лос-Олтосе (Северная Калифорния), в пятом по счёту доме Джима за четыре года его жизни. Там Джим пошёл в школу, и там родился его брат Энди.

В возрасте семи лет Джим переехал ещё раз, когда карьера Стива снова забросила его в Вашингтон. Годом позже, в 1952-м, Стива направили в Корею руководить воздушными атаками с авианосцев, а его семья вернулась в Калифорнию, поселившись на сей раз в Кларемонте близ Лос-Анджелеса.

Говорят, что негативные последствия такой бездомности сильно преувеличиваются, что ребёнок, семья которого всё время переезжает с места на место, теряет в традиционном воспитании, но зато приобретает больше различного опыта. Неважно, сколь обоснованны эти или другие подобные аргументы, но сами проблемы остаются.

Во-первых, семья военного знает, что нигде не задержится надолго, и редко может выбирать, куда и когда переехать в следующий раз. Семья моряка знает, что даже в мирное время неизбежны длительные периоды отсутствия отца и, в отличие от “сухопутных” военных, он не может взять с собой семью. А семья учится путешествовать налегке, приобретая, как правило, лишь самые необходимые вещи – мебель, серебро, фарфор и бельё. У Джима и его брата с сестрой были игрушки и книги, но не в изобилии.

Многие семьи особо не стремятся заводить новых друзей, зная, что эти отношения смогут продлиться всего год -два. Другие, наоборот, прилагают массу усилий, чтобы завоевать друзей, и при этом совершенно истощают себя эмоционально или так переусердствуют, что выходят за рамки приличий.

Конечно, семейственность таких военных баз и товарищества, рождавшиеся там, помогали компенсировать непривычность нового места жительства. Офицерские семьи всегда с удовольствием посещают деревенский клуб, к примеру, где они могут вращаться в обществе себе подобных. Это особенно верно для флота, ибо морские офицеры сходятся в довольно маленькие и сплочённые группы. В течение многих лет ближайшими друзьями Стива и Клары были такие же морские офицеры и их жёны, снова и снова встречавшиеся на их пути. С другой стороны, дети обычно находят себе друзейв школе, и детям моряков приходится искать друзей чаще.

Психологи, изучавшие подвижные общества моряков, нашли в них множество эмоциональных нарушений, от алкоголизма и семейных неурядиц до психических отклонений и чувства “отъединённости”. Возможно, самый значительный фактор периодическое отсутствие отца. Роль матери всё время меняется в зависимости от того, дома ли отец, и дети часто путаются в том, кто же из взрослых больший авторитет в доме.

Когда Джим был маленьким, Клара и Стив решили никогда в гневе не поднимать руку на своих детей и приучать их к дисциплине другим способом – ясно и конкретно объясняя им, в чём они не правы. Иногда такое воспитание принимало форму словесной головомойки, иногда – холодного молчания.

“ Вот как это происходило, – говорит сегодня Энди. – Они пытались заставить нас плакать. Они говорили нам, что мы поступили нехорошо, они говорили нам, почему это нехорошо, и они говорили нам, почему не хорошо делать нехорошо. Я всегда терпел, сколько мог, но они действительно умели заставить тебя заплакать. Джим в конце концов научился не плакать, а я так и не смог”.

К тому времени, когда Стив отправился в Корею, в начале 1953-го года, Джим был красивым круглолицым мальчиком, чей ум, природное обаяние и хорошие манеры делали его любимцем учителей и “президентом” своего пятого класса. Но иногда он поражал старших своим бахвальством и шокирующим языком. Он ездил на велосипеде, не держась за руль; он был исключён из сообщества скаутов за ругань. Он издевался над братом.

Джим делил с Энди комнату в доме в Кларемонте, и если было что-то, что он ненавидел, то это был звук тяжёлого дыхания брата, особенно когда Джим читал, смотрел телевизор или пытался уснуть. Энди страдал хроническим тонзиллитом, эта болезнь затрудняла по ночам его дыхание.

Иногда Энди просыпался от удушья, изо всех сил пытаясь восстановить дыхание, открыть рот, наглухо заклеенный изолентой. На соседней кровати Джим притворялся спящим или молча трясся от смеха.

После того, как Моррисоны вернулись в Альбукерке, Клара стала по нескольку часов в день подрабатывать на дому секретарём. Джим поступил в альбукеркскую публичную школу, где проучился в седьмом и восьмом классах, с 1955-го по 1957-й год. По наблюдению одного из членов семьи, в то время трое детей росли вместе, и у Джима “защитной реакцией на всё вокруг” (хотя родители впервые заметили это в Нью-Мексико) была его замкнутость. Там он потерял интерес к урокам музыки, стал отказываться от участия в семейных праздниках, начал жадно читать и экспериментировал, насколько опасно катание на санках.

В сентябре 1957-го года, после двух лет жизни на свежем воздухе горного Нью-Мексико, Моррисоны снова переехали, на сей раз в

Аламеду (Северная Калифорния). Аламеда маленький остров в Сан-Франциксском заливе, известный своей военно-воздушной морской базой, которая была крупнейшим промышленным комплексом на территории залива и крупнейшей воздушной базой американского флота во всём мире. Это был девятый по счёту город, в котором жил Джим, и там он провёл первые полтора года в средней школе.

Единственным настоящим другом, который появился у него здесь, был высокий полный одноклассник с вялым голосом. Фад Форд рассказал Джиму о некоторых нюансах жизни аламедского высокогорья, сообщив ему, например, что ездить на велосипеде – не оригинально (Джим начал ходить пешком) и что надевать в школу чистые джинсы – неприлично.

Моя мать стирает их каждую неделю, – сказал Джим. – Иногда два раза в неделю.

Фад безнадёжно пожал плечами.

Вдруг Джима осенило.

У меня идея. Я оставлю вторую пару под дверью в подъезде Рика Слэймейкера и смогу переодеться после выхода из дома.

Задуманное успешно осуществилось. Так же, как и его попытки привлечь к себе внимание. Однажды он обвязал конец нитки вокруг уха, а другой её конец засунул в рот, и на расспросы отвечал, что у него в горле подвешено крошечное ведёрко, чтобы собирать слюну для медицинских опытов. Он взахлёб читал журналы “Mad” ["Сумасшедший"] и некоторые из вычитанных фраз использовал как свои собственные. Он называл себя “чокнутым, нахально страдающим от водянки ”.

Впервые его непризнание властей, то, что потом станет нормой в его жизни, проявилось, когда полицейские однажды вечером в пятницу выгнали его из аламедского театра за то, что он был в компании шумных хулиганов, сидевших в первом ряду, и он ещё огрызнулся: “Апредъявите-ка удостоверение!”

Он тщательно продумывал, как отвечать по телефону, отражая в этом нездоровую сторону юмора “Mad” с примесью языческих пороков: “Морг Моррисона… вы пронзаете их, мы погребаем их…” и “Алло, дом Моррисона, Тельма слушает”.

Иногда Джим был ещё хитрее и эксцентричнее. Когда его поймали поднимающимся по едущему вниз эскалатору, патрульный у ограждения спросил его:

Ты признаёшь себя виновным?

Не признаю, – важно ответил Джим, – потому, как видите, я и не

убегаю.

Джим и Фад были неразлучны. Вместе они впервые попробовали алкоголь, украв джин из чьей-то бутылки и заменив его водой. Они провоцировали драки в бассейне клуба офицеров, что выглядело и звучало убийственно, а затем хохотали всю дорогу домой.

Они также разделили и боль сексуального пробуждения. Джим подговаривал Фада пойти с ним в дом Джой Оллен в устье залива, где они подсматривали, как Джой и её мать переодевались в купальники. Рядом, около домов на стрелке в заливе, ребята снимали плавки и бросались в воду, нагишом переплывали на другой берег и возвращались. Джим говорил Фаду, что однажды затащил двух девочек прямо к себе в комнату, когда мать ушла в магазин. Фад с завистью мотнул головой и соврал, чтобы быть “не хуже”.

Целыми днями Джим пропадал дома у Фада, сочиняя дюжины весьма низкопробных и сексуально подробных радиопередач о проблемах “анального секса и мастурбации”.

Мастурбацией обычно занимаются в возрасте от 12 до 18 лет, хотя некоторые – и до 93 лет. Вы можете не представлять себе всех опасностей мастурбации. Часто появляется сильная сыпь по всей открытой коже члена, сыпь, которая в некоторых экстремальных случаях может повлечь за собой ампутацию члена. Кроме того, может усилиться покраснение железы papuntasistola, или же лёжа вы обнаружите у себя большой красный член. Никто не хочет доводить до этого. Но это будет происходить до тех пор, пока не будет оказана немедленная помощь. Мы (из Общества борьбы с мастурбацией) готовы проводить специальные водяные тесты, а наш персонал из специально обученных медсестёр всегда готов взяться за дело и протянуть желанную руку помощи, когда это необходимо.

Джим тщательно выводил карандашом изображения человека, скривившегося в рвоте: “ Больные почки тому причиной”. На другом рисунке появлялся человек с бутылкой кокаколы вместо члена, уменьшенным консервным ножом вместо яичек, с протянутой рукой струится слизь, и больше слизи свисает из задницы. На третьем изображён человек с членом в процессе эрекции, размером с бейсбольную биту, и маленький мальчик, сидящий на коленях перед мужчиной и держащийся за него, облизывающийся в предвкушении.

Джим делал сотни подобных рисунков. Когда настроение у него было получше, они с Фадом вырезали картинки с героями мультфильмов из воскресных страничек юмора в газетах и приклеивали их на полоски бумаги, придумывая для них новые

диалоги или действия. Эти диалоги также были сексуальными, непристойными, но они были исполнены изощрённости и тонкого юмора, непривычного для тех, кому только четырнадцать лет.

Джим сидел у себя в комнате вечером, один. Он закрыл книгу, которая не отпускала его четыре часа, и попытался сделать глубокий вдох. На следующее утро он опять начал читать её. На сей раз он выписывал понравившиеся ему абзацы в блокнот на пружинке, который он стал везде носить с собой.

Этой книгой был роман Джека Керуака о поколении битников “На дороге”, опубликованный в том же месяце, когда Моррисоны приехали в Аламеду, в сентябре 1957-го. Джим открыл книгу той же зимой, и примерно в то же время одна из газет Сан-Франциско дала миру уничижительное: битник.

Мировой центр битников находился в Норс Бич, по соседству с Сан-Франциско – всего в 45 минутах езды на автобусе от Аламеды. По субботам Джим и Фад без устали гуляли по Бродвею, заходя полистать книги в книжный магазин “Сити Лайт” с вывеской в окне: “Запрещённые книги”. Однажды Джим увидел одного из владельцев магазина, поэта Лоренса Ферлингетти. Джим смущенно поздоровался, а когда в ответ поздоровался и Ферлингетти, Джим убежал.

Ферлингетти был одним из кумиров Джима наряду с Кеннетом Рексротом и Алленом Гинсбергом. Гинсберг произвёл величайшее впечатление, поскольку он был живым воплощением Карло Маркса (одного из действующих лиц “На дороге” Керуака), “грустным поэтическим жуликом с тёмными мыслями ”. Это был образ, который как клеем приклеился к Джиму.

Джим был также очарован Дином Мориарти, “обожжённым героем снежного запада”, чья энергия давала роману Керуака напор подобно амфетамину. Он был одним из керуаковских “сумасшедших, тех, кто был безумен жить, безумен говорить, безумен быть спасённым, и жаждущих всего в то же время, тех, кто никогда не зевал и не говорил банальностей, но горел, горел, горел, как легендарные жёлтые римские свечи, паутинными сетями расползающиеся по звёздам, а в середине виден голубой, изнутри светящийся взрыв, и каждыйидет – Ауууу!”

Джим начал во всём подражать Мориарти, вплоть до его смеха – “хи-хи-хи-хи”.

Время в Аламеде тянулось медленно. Джим “случайно” падал в плавательный бассейн на морской базе, без конца слушал записи Оскара Брэнда и Тома Лерера и ругался с матерью.

Клара была “крикуньей” и, когда не могла добиться своего, она грозила отобрать карманные деньги. Джим смеялся над ней, а однажды, когда она вошла к нему в гневе, он схватился за неё и начал с ней драться, свалил на пол, начал рисовать на её руках шариковой ручкой.

Это не честно, – голосила она, – это не честно!

Джим смеялся:

Хи-хи-хи-хи, ах-хи-хи-хи-хи-хи…

Джим приехал из Калифорнии в Александрию, штат Вирджиния, в декабре 1958-го, раньше других членов семьи, и остановился в доме флотских друзей его родителей, у которых был сын возраста Джима. Джефф Морехауз, хрупкий парень в “умных” очках, познакомил Джима с Тэнди Мартин. Тэнди жила всего в ста метрах от просторного дома, который Моррисоны сняли в январе, когда Стив вернулся в Пентагон.

Это был кирпично-каменный дом в холмистой лесной части, называемой Беверли-Хиллз, население которой состояло из дипломатов, высших военных офицеров, членов кабинета, врачей, юристов и сенаторов. В доме – толстый цветастый ковёр в жилой комнате с антикварной мебелью(один из братьев Клары торговал антиквариатом), туго набитый стульями и большим телевизором. У крыльца – велосипеды.

Школьные шкафчики Джима и Тэнди были рядом, и в Среднюю Школу им. Джорджа Вашингтона и обратно они обычно ходили вместе.

Джиму нравилось шокировать Тэнди.

Я вот думаю, не подняться ли мне на этот пожарный кран и не пописать ли оттуда? – заявил он однажды, театрально протягивая руку к молнии на штанах.

Нет, – закричала Тэнди в ужасе.

Были и более сложные выдумки. Однажды Джим пригласил Тэнди посмотреть, как он играет в теннис со своим глухим кузеном. Около часа Джим “разговаривал” с кузеном руками, переводя Тэнди, которая сочувственно стояла рядом. Вдруг разговор превратился в бурный спор. Пальцы Джима и его кузена летали как вязальные спицы, и в конце концов кузен уступил.

Джим пожал плечами и сказал Тэнди, что он проводит её домой.

О чём вы спорили? – спросила она.

Так, ни о чём, – сказал Джим. – Он спросил, можно ли ему пойти с нами домой, и я сказал нет.

Тэнди сказала Джиму, что он поступил жестоко, и залилась слезами.

О, Джим, как ты мог…

Ох, ради Христа, – сказал Джим, – он же не в самом деле глухой.

Тэнди начала отчаянно рыдать. В течение двух с половиной лет в Александрии она была единственной подругой Джима, и ей доставалось больше всех. Джим постоянно испытывал её.

Однажды в субботу они ехали на автобусе в сторону Коркоренской художественной галереи в окрестностях Вашингтона. Когда они ехали через Потомак, Джим упал на колени, хватая ноги Тэнди.

Джим! – в оскорбительной тишине воскликнула Тэнди. – Что ты делаешь? Прекрати сейчас же, прекрати!

Джим быстро снял одну из её туфель с союзками и начал стаскивать белый носок.

Джим, пожалуйста, – Тэнди положила руки на колени, прижав плиссированную юбку до боли в суставах. Она густо покраснела до корней волос.

Всё, что я хочу – это целовать твои драгоценные ноги, – сказал Джим тем “беззвучным” сладким голосом, который так раздражал её. Этот голос он ставил себе специально, так что никто не мог бы узнать, был этот голос настоящий или нет. Джим взял голую ногу в руки, чмокнул её, затем начал свой сдавленный смех “хи-хи”.

Автобус подъехал к остановке недалеко от галереи, открывшейся полчаса назад. Джим и Тэнди вошли в близлежащий парк. Они остановились у статуи обнажённой женщины, согнутой в поясе.

Джим шепнул Тэнди на ухо:

– Давай, цыплёнок, поцелуй эту статую в задницу.

Джим…

Давай, давай, цыплёнок.

Нет.

Ты говоришь, что боишься подойти к ягодицам простого мраморного сооружения? – спросил он, как обычно, показывая свой словарный запас.

Пойдём отсюда, Джим, – Тэнди нервно посмотрела вокруг. Некоторые туристы фотографировали статую.

Иди, Тэнди, заставь свой кольцевой мускул работать. Поцелуй клейкий “maximus”!

Тэнди перестала владеть собой.

Я не поцелую у этой статуи то, что ты назвал, неважно, что ты

сказал!

За её словами последовала тишина. Тэнди огляделась вокруг. Все пристально смотрели на неё. Джим был в нескольких метрах от неё, делая вид, что вообще её не знает, и едва сдерживался от взрыва хохота.

“ Я спрашивала его, почему он всё время играл роль, – говорит сегодня Тэнди. – Он ответил: “ Ты бы никогда не нашла во мне ничего интересного, если бы я этого не делал””.

Тэнди была не единственным предметом испытаний Джима. Страдали и его учителя особенно простодушная и старомодная учительница биологии весьма почтенного возраста. Джим откровенно хулиганил на её уроках, а однажды во время экзамена он запрыгнул на один из лабораторных столов, широко растопырив руки и привлекая всеобщее внимание.

Мистер Моррисон! – раздался раздражённый голос учительницы. – Что вы делаете?

Я только погнался за пчелой, – сказал Джим, стоя на столе. В классе засмеялись.

Пчела имеет право на то, чтобы её оставили в покое, мистер Моррисон. Пожалуйста, вернитесь на своё место.

Джим спрыгнул на пол и с триумфом отправился на место. В классе воцарилась тишина. Затем Джим снова вскочил на лабораторный стол, прогнал “пчелу” по проходу между рядами парт прочь из комнаты.

Опоздав на урок, Джим рассказывал продуманные до мелочей истории о том, что его схватили бандиты или цыгане – похитители детей, а когда он вдруг вышел из класса и следом за ним – учительница, он объяснил ей, что в этот день ему должны были прооперировать опухоль на мозге. Клара была в шоке, когда на другой день её вызвал директор школы, чтобы поинтересоваться, как прошла операция.

Он подкатывался к симпатичным девушкам, раскланивался, декламировал десяток или около того строк из сонетов или романов восемнадцатого века, которые он знал наизусть, снова раскланивался и удалялся. После школы он сопровождал друзей в партии гольфа (хотя сам не играл) и прогуливался по пятисантиметровому балочному ограждению площадки для гольфа, рискованно балансируя на почти десятиметровой высоте над бурной рекой Потомак. В школьных коридорах он покрикивал на приятелей: “Эй, трах твою мать…”

Иногда шутки были горькими и жестокими. Возвращаясь на

автобусе из Вашингтона, он однажды пристал к пожилой женщине, бросившей взгляд в его сторону.

Что вы думаете о слонах? – спросил её Джим.

Она быстро отвела взгляд.

Ну, – сказал Джим, – что вы думаете о слонах?

Когда женщина не ответила, Джим проревел:

Так что же насчёт слонов?

К тому времени, как автобус приехал в Александрию, женщина всхлипывала, а кто-то из взрослых просил Джима оставить её в покое.

Я только спросил о слонах, – сказал он.

В другой раз, когда они с Тэнди столкнулись с параплегиком в инвалидной коляске, Джим начал дёргаться, крутиться и брызгать слюной, пародируя.

Хотя Джим бывал иногда столь невыносимым, у него не было проблем с приобретением друзей. В общем-то, большинство из окружавших его в Александрии составляли учащиеся элитной школы им. Джорджа Вашингтона, в том числе известные хулиганы, редактор школьного журнала (прозванный в классе “самым умным”) и лидер школьной компании. Все они соревновались за его внимание, неосознанно подражая ему до тех пор, пока не перенимали его любимые выражения: “Жарко!” и “Ух… вы достали меня прямо в…”, отвечая ему его же словами (это всегда смущало его); обмениваясь тем, что получило потом название “Джим Моррисон рассказывает”. Магнетизм Джима становился очевидным, если не явно предопределённым.

Мы были так непосредственны, – вспоминает один из его друзей-одноклассников, – что, когда кто-нибудь из нас на самом деле совершал неожиданные поступки, то, что мы хотели делать, мы чувствовали себя удовлетворёнными, и мы тянулись к Моррисону. Он был центром нас ”.

Тэнди Мартин придерживается другой точки зрения. “Когда вы учитесь в средней школе и отличаетесь от других… так, я хотела вступить в университетский женский клуб, чтобы быть “причастной”, но я знала, что не могла этого сделать. Я отправила заявку руководству клуба и, придя домой, проплакала всю ночь, потому что знала, что мне должны были отказать. Это было сильное эмоциональное потрясение. Когда вы думаете, что поступаете правильно, а ктото другой поступает иначе, и вам только пятнадцать лет, ну, что происходит – ваше сердце разбивается. И остаётся рубец. Каждый хочет к чему-то принадлежать, когда ему пятнадцать. Джиму предлагали вступить в АВО –

конкретную студенческую организацию, – и он отказался ”.

В течение двух с половиной лет, проведённых в школе им. Дж.Вашингтона, Джим сохранял средний балл 88.32, прилагая самые минимальные усилия; дважды его называли в числе лучших. Коэффициент его интеллекта (IQ) был равен 149. Учась в колледже, он поднялся выше среднего по стране балла по математике (528 при среднем 502) и ещё выше – по словесности (630 при среднем 478). Но статистика мало что может объяснить. Гораздо более показательны прочитанные Джимом книги.

Он жадно поглощал Фридриха Ницше, немецкого поэта-философа, чьи взгляды на эстетику и мораль и чей аполлоно - дионисийский дуализм позже не раз проявятся в речи, в песнях и в жизни Джима. Он читал “Жизни благородных греков” Плутарха, которого так любил Александр Великий, поражаясь его интеллектуальному и физическому развитию, перенимая и некоторые его позы: “…наклон головы слегка в сторону к левому плечу…” Он читал великого французского поэта -символиста Артюра Рембо, чей стиль окажет влияние наформу коротких стихов в прозе Джима. Он прочитал всего Керуака, Гинсберга, Ферлингетти, Кеннета Пэтчена, Грегори Корсоу и всех других печатавшихся писателей бита. “Жизнь против Смерти” Нормана О. Брауна стояла на его книжной полке рядом со “Стадз Лонигэн” Джеймса Т. Фаррелла, за которым следовал “Аутсайдер” Колина Вилсона, а дальше – “Улисс” (учитель английского в выпускном классе чувствовал, что Джим был единственным в классе, кто читал и понимал эту книгу). Ему были также хорошо знакомы Бальзак, Кокто и Мольер, равно как и большинство французских философов-экзистенциалистов. Джим, казалось, интуитивно понимал суть их нетрадиционных мыслей.

Сейчас, двадцать лет спустя, учитель английского языка в выпускном классе Джима, снова говорит об избирательности чтения Джима. “Джим читал тогда много, возможно, больше, чем кто-либо другой в классе. Но всё, что он читал, было так непривычно, что я знал одного учителя, ходившего в Библиотеку Конгресса, чтобы убедиться в реальном существовании книг, о которых рассказывалДжим. Я подозревал, что он сам их выдумал, поскольку это были английские книги семнадцатого-восемнадцатого веков по демонологии. Я никогда не слышал о них. Но они существовали, и я убедился в этом из работы, в которой он написал, что прочитал их, а прочитать их он мог только в Библиотеке Конгресса”.

Джим начинал писать. У него появились блокноты и записные

книжки на пружинках, которые он будет отныне заполнять своими ежедневными наблюдениями и размышлениями, удачными строчками из журнальной рекламы, обрывками диалогов, цитатами из понравившихся книг, а в последнем классе все больше и больше – стихами. В них можно заметить романтическое понимание поэзии: на его сознание наложила отпечаток фатальная трагедия “Легенды Рембо”, гомосексуализм Гинсберга, Уитмена и самого Рембо, алкоголизм Бодлера, Дилана Томаса, Брендана Бихана, безумие или склонность к нему ещё очень и очень многих, в ком боль была неразрывно связана с пророчеством. Страницы блокнотов становились тем зеркалом, в котором Джим мог видеть своё отражение.

Быть признанным поэтом – это больше, чем просто писать стихи. Это требует непременно – и жить, и умереть определённым возвышенным образом и с ещё более возвышенной печалью, просыпаться каждое утро в яростной лихорадке и знать, что она никогда и ничем не будет уничтожена, кроме как смертью, и при этом быть уверенным, что это страдание будет оплачено после смерти уникальной наградой. “Поэт – священник невидимого”, – говорил Уллэйс Стивенс. “Поэты – непризнанные законодатели мира, – писал Шелли, – иерофантомы непонятого вдохновения, зеркала гигантских теней, в которых будущее опережает настоящее ”.

Сам Рембо в письме к Полу Демени выразил это лучше всего: “Поэт сам делает себя провидцем посредством долгого, беспредельного и непрерывного расстройства всех чувств. Все формы любви, страдания, безумия; он ищет себя, он истощает в себе самом все яды и сохраняет их квинтэссенцию. Невыразимая словами мука, чтобы жить с которой ему нужна будет величайшая вера, нечеловеческая сила, и тогда он станет самым болезненным среди людей, великим проклятым – и Первым Естествоиспытателем! Он достигнет неизвестности! Так он будет разрушен в своем экстатическом полёте посредством вещей неслыханных, неназванных…” Поэт подобен укравшему огонь.

Однажды Джим написал, по его словам, “стихотворение типа баллады”, названное “Пони экспресс ”, но теперь он высказывался более короткими вспышками образов, заполняя записные книжки тем, что станет основой материала и вдохновения первых песен “Doors”. Одно из сохранившихся стихотворений – “Лошадь терпит”. Джим написал его после того, как увидел трагическую картинку на обложке книги, изображавшую лошадей, выброшенных за борт с испанского галеона, который попал в штиль в Сарагосовом море.

Когда спокойное море
Становится зловещим
И угрюмым, выброшенные
Потоки несут маленьких уродцев.
Настоящее плавание закончено.
Секундное замешательство -
И первое животное выброшено,
Ноги неистово выписывают
Свой упругий галоп,
И головы всплывают
Равновесие
Деликатность
Пауза
Согласие
В немой агонии ноздри
Прочистились
И скрылись навсегда.

Многие стихотворения Джима того времени, как и более поздние, были о воде и смерти. Хотя он был прекрасным пловцом, его друзья последних лет утверждали, что Джим страшно боялся воды.

Джим учился в предпоследнем классе, когда Тэнди перешла из школы им. Дж.Вашингтона в женскую школу Св.Агнцев в том же пригороде. Джим часто видел её, когда она проходила мимо его дома по пути из школы, и он часто провожал её. Они делились друг с другом своими тайнами.

Какое твоё самое раннее воспоминание? – спросила как-то Тэнди.

– Я в комнате, вокруг меня четыре-пять человек взрослых, и все они говорят одно и то же:

“Иди ко мне, Джимми, иди ко мне…” Я в то время учился ходить, и все они говорят: “Иди ко мне…”

Откуда ты знаешь, что это не рассказала тебе твоя мать? – спросила Тэнди.

Это чересчур банально. Она не стала бы рассказывать ничего подобного.

Ну да, Фрейд говорит, что…

Возможно, Джим и считал это банальным, но и спустя годы он будет рассказывать о подобных воспоминаниях. Большинство из них казались выдумкой, но все они говорят о некотором количестве взрослых, протягивающих руки к Джиму – маленькому ребёнку.

Джим и Тэнди говорили о том, что их пугало, в чём они

принимали участие, кем хотели быть. Он говорил, что хотел бы стать писателем и исследовать всё вокруг. Раз или два он говорил, что хочет быть художником, и подарил ей два своих небольших рисунка маслом. Один из них – портрет Тэнди в виде солнца, другой – автопортрет, изображающий Джима королём.

Рисование Джима, как и его поэзия, было почти тайным занятием. У него было мало денег на карманные расходы, поэтому он часто воровал краски и кисти, а закончив рисунки, так же тайно возвращал эти краски и кисти на место. Эротические рисунки он, конечно, прятал, уничтожал или раздавал. Копии обнажённых фигур Кунинга, изображения гигантских змееподобных членов и фаллические карикатуры он пририсовывал к картинкам в учебниках своих одноклассников, где, как он знал, их должны были увидеть учителя. Как правило, Джим подмечал все их реакции, изучая, что испугает, что очарует, а что доведёт до бешенства.

Брат Джима однажды спросил у него, зачем он рисует. “Ты же не можешь всё время читать, ответил он Энди. – Глаза устанут”.

Энди боготворил своего старшего брата, даже когда Джим был весьма несправедлив к нему. Он вспоминает два-три случая, подобных такому: они шли через поле, и Джим вдруг подобрал камень и сказал:

Я считаю до десяти…

Энди в ужасе взглянул на Джима, затем на камень и снова на Джима.

Джим сказал:

Раз…

Нет, – закричал Энди, – нет, нет…

Два…

Пойдём, Джим, пожалуйста, Джим, пожалуйста…

На счёте “три” Энди побежал, а Джим выкрикнул скороговоркой “четыре-пять-шесть-семьвосемь-девять-десять”, потом прицелился и ударил.

Джиму было тогда шестнадцать, а в семнадцать он со злорадством положил Энди в полотенце собачье дерьмо. Он гонялся за рыдающим Энди по всему дому. В конце концов он его поймал и вытер полотенце о его лицо. Дерьмо оказалось резиновой “игрушкой”. Энди зарыдал с облегчением.

“ Я не знаю, сколько раз, когда я смотрел телевизор, он подставлял свою задницу прямо мне под нос и громко пукал, – говорит Энди. – Или, выпив шоколадное молоко или апельсиновый сок, которые делают слюну очень липкой, он садился коленями мне на

плечи, так что я не мог пошевелиться, и свешивал изо рта прямо мне в лицо арахис, выплевывая комок изо рта и вытягивая его ниже, ниже, ниже, пока он не оказывался прямо над самым моим носом… а потом всасывал его обратно ”.

Когда они вместе шли по пригороду и встречали кого-нибудь, кто был старше и сильнее Энди, Джим говорил: “Эй… мой брат хочет подраться с тобой. Как ты на это смотришь?”

В Вашингтонском зоопарке Джим заставил Энди пройти по узкой кромке вдоль глубокого рва, отделявшего зверей от зрителей. В другой раз он так же заставил Энди пройти по похожему бортику, расположенному в пятнадцати метрах над широкой автострадой.

“ Если я не хотел этого делать, – говорит Энди, – он называл меня “девчонкой”, потому что никогда не просил меня сделать что -то такое, чего бы не сделал он сам”.

Джим совершал множество подобных “прогулок” и, подобно тому катанию на санках, он не падал и не разбивался. Джим как-то сказал: “Либо ты веришь, парень, либо падаешь”.

Джим редко видел в Александрии своих родителей и сестру, часто уходя по утрам из дома, не позавтракав, не сказав никому ни слова. Его сестра Энн была всего лишь ещё одним объектом его постоянных “экспериментов”. Его отец, как всегда, присутствующий в уме и отсутствующий на деле, ездил на мыс Канаверал на Первые космические испытания, играл в гольф в армейском деревенском клубе, летал для поддержания формы, а дома больше времени уделял решению математических головоломок, чем Джиму – гораздо меньше, чем Джиму хотелось бы.

Таким образом, мать Джима была главной из родителей. Даже когда Стив бывал дома, Клара управляла финансами семьи. Она была образцовой женой моряка, которая всё делала превосходно, от чистки серебра до ведения партии бриджа. Она была тем, что можно было бы примерно назвать “душой вечеринки, которая продолжалась до часу ночи, в то время, как Стив ложился спать в девять ”. Джиму казалось, что его мать была сверхзаботливой и придирчивой. Она действовала ему на нервы, всё время напоминая ему о длине волос или о состоянии рубашки.

Джим, дай ему волю, носил бы одну и ту же рубашку неделями, пока она не приходила в ужасное состояние. Один из учителей как-то поинтересовался, не нужна ли ему денежная помощь. Однажды Клара дала Джиму пять долларов, чтобы он купил себе новую рубашку, и он купил её за 25 центов в магазине Армии Спасения, а остальные

деньгипотратил на книги. В конце концов она попыталась попросить мать Тэнди Мартин, чтобы та в свою очередь попросила Тэнди сказать Джиму. Тэнди, естественно, отказалась.

Как-то раз Тэнди была у Джима в гостях, и вдруг они услышали, что возвращаются его родители. Тогда Джим неожиданно потащил Тэнди наверх, в спальню своих родителей, и там бросил её на кровать, помяв при этом покрывало. Тэнди сопротивлялась. Она вскочила на ноги и бросилась к двери, Джим за ней. Время было рассчитано точно. Тэнди, у которой в результате борьбы блузка выбилась из юбки, и Джим бегом спустились вниз как раз в тот момент, когда Моррисоны входили в комнату.

– Привет, мам, привет, пап, – ухмыльнулся Джим.

Клара беспокоилась по поводу его “странностей”, которые, как она была уверена, имелись и у её братьев. Она не знала, что делать, когда Джим вдруг поворачивался к ней и говорил: “На самом деле ты заботишься не о моей учёбе, ты только хочешь, чтобы я получал хорошие оценки, которыми ты могла бы похвастаться в клубе бриджа”. В другой раз он потряс всех, раздражённо бросив серебряную ложку на обеденную тарелку и сказав матери: “Когда ты ешь, ты чавкаешь, как свинья”.

Странные выходки интересовали не только Клару. Когда он месил грязь в окрестностях Александрии “заслуженными” ботинками от Кларка, одетый в подтяжки и штаны от Бэнлона, нестриженный, он был ужасен и отвратителен. В другой раз он оказывался весьма таинственным и загадочным. Очень редко позволяя себе пользоваться семейной машиной, он часто просил друзей довезти его до Вашингтона, где ходил пешком, никому ничего об этом не рассказывая.

Куда он ходил? Что он делал? Некоторые утверждают, что он навещал там своего друга, с которым познакомился в одном небольшом и необычном книжном магазине, где часто бывал. Другие говорят, что он тайком ходил в грязные бары на старой Route 1 около Форта Белвойр послушать старых блюзменов. Последнее предположение кажется больше похожим на правду. Музыку он любил, и в его подвальной комнате чаще всего звучали блюзы и спиричуэлс, записанные Библиотекой Конгресса. (В то время он говорил, что ненавидит рокн-ролл). Ему нравилось также бродить по полуразрушенному порту в Александрии, разговаривая с неграми, ловящими рыбу с пирса. Иногда по ночам Джим брал туда с собой и Тэнди, чтобы повстречаться с “друзьями”.

Ещё более странными были его полуночные визиты к дому Тэнди, где Джим простаивал во дворе, молча глядя на окно её спальни на третьем этаже. Тэнди утверждает, что в таких случаях она всегда просыпалась, но к тому времени, как она спускалась вниз, Джим уходил. Когда она ругала Джима за то, что он её разбудил, он отвечал, что всю ночь не вставал с постели.

В течение всего последнего года учёбы в школе родители настаивали, чтобы Джим поехал в какой-нибудь колледж, и заставляли его сфотографироваться для школьного выпускного альбома. Джим не проявлял к этому интереса, и Моррисоны записали его в СанктПетербургский Двухгодичный колледж во Флориде, решив, что жить он будет у бабушки с дедушкой в соседнем Клируотере – в течение всего времени обучения. Джим безразлично согласился, не придавая этому значения, а затем объявил, что не собирается присутствовать на выпускном вечере в своей средней школе. Отец Джима пришел в ярость, но тот оставался непреклонным. В конце концов аттестат ему прислали по почте, после того, как, несмотря на вызов, за ним никто не явился.

Последнее свидание Джима и Тэнди было вечером в пятницу, когда они ходили на реку Потомак с Мэри Вилсон, подругой Тэнди, и приятелем Мэри. Джим взял с собой упаковку из шести банок пива, а потом, когда они пришли домой к Мэри, достал записную книжку со своими стихами. Пока Тэнди её читала, Джим начал дурачиться, хвастаясь, что намедни выпил полбутылки отцовского виски.

Тэнди это раздражало, и раздражения она не скрывала.

Джим, почему тебе всё время надо притворяться? Ты всегда так делаешь?

Вдруг у Джима хлынули слезы, он упал на колени Тэнди, истерично всхлипывая.

– Разве ты не знаешь, – сказал он наконец, – что я делаю всё это ради тебя?

Тэнди вспомнила о спавших наверху Вилсонах и предложила Джиму идти домой.

Ах, – сказал он, – ты боишься, что я разбужу Вилсонов, я, кажется, заставляю тебя нервничать, да? Ты не знаешь, что будешь делать, если они увидят меня плачущим, да?

Тэнди проглотила возмущение и сказала:

Нет.

Джим двинулся к двери, попрощался и вышел на улицу, закрыв за собой дверь. Тэнди наблюдала за ним. Потом дверь открылась, и Джим

громко воскликнул:

Я передумал! – И тут же признался: – Я люблю тебя!

Тэнди надменно фыркнула:

Не сомневаюсь.

О, ты слишком самоуверенна, – насмешливо сказал Джим, используя слово, которое всегда выводило Тэнди из себя. Она рассердилась. Джим схватил её руку и больно завёл за спину. Она сдержала крик и с ужасом выслушала слова Джима о том, что ему бы следовало сделать одно: взять нож и порезать ей лицо, оставив некрасивый шрам – “чтобы никто, кроме меня, больше на тебя не смотрел”.

Тэнди никогда не рассказывала об этом инциденте своей матери, но миссис Мартин не была столь слепа, чтобы не заметить резкой перемены, произошедшей с Джимом. Заметила её и сама Тэнди. Она считала его чистым и невинным, когда познакомилась с ним во втором классе средней школы. Теперь, два с половиной года спустя, он казался ей ожесточённым, циничным, одержимым, упрямым, и она не могла понять, почему он так переменился. Его язык тоже стал более злобным, и угроза ножа была, вероятно, всего лишь одним из нескольких даже более пугающих случаев, которые регулярно происходили один за другим. Миссис Мартин говорила Тэнди, что он производит впечатление “нечистого, будто прокажённого ”, и убеждала её не встречаться с ним. Эта преувеличенная оценка была, возможно, вызвана событием, которое по инициативе Тэнди и её матери произошло два года назад, когда Джим только приехал в Александрию.

У него была какая-то проблема, которую он не мог обсудить со своими родителями (так говорил Джим), и Тэнди (хотевшая, чтобы он обсудил эту проблему с ней) предложила ему поговорить с молодым помощником священника Вестминстерской Пресвитерианской Церкви – главой молодёжного товарищества при ней, равнодушного к детям. Джим согласился, встреча была назначена.

Я всё-таки сомневаюсь, что пойду, – сказал Джим в тот день, когда мать Тэнди привела его в школу им. Дж.Вашингтона.

Нет, пойдёшь, – сказала Тэнди, стоявшая рядом с одной из своих подруг. Они вдвоём затолкали его на заднее сидение машины.

Какая проблема была у Джима и что он сказал молодому пастору – неизвестно. Очевидно, Джим никому и никогда так и не раскрыл этой тайны, а помощник священника ничего не может вспомнить об этом визите. Сейчас, когда приближалось окончание школы, Тэнди

хотелось знать, не была ли эта проблема двухлетней давности связана с той “переменой личности”, которой она и её мать были свидетелями.

На следующий день Джим позвонил, чтобы извиниться за инцидент с ножом и попросил Тэнди о встрече. Она хотела видеть Джима, но несколько месяцев назад она обещала одному своему знакомому, что пойдёт с ним на танцы, и не считала для себя возможным в последний момент нарушить обещание.

Но я уезжаю во Флориду, – сказал он. – Завтра я уеду – и на здоровье.

Тэнди была в шоке. Она впервые слышала о том, что он уезжает. Рассерженная и обиженная, она сказала, что он очень плохо поступил, не сказав ей об этом раньше, но тут она заплакала и бросила трубку.

Джим в ярости подбежал к её дому, встал под кроной одного из больших деревьев в саду Мартинов, и вскричал:

Наконец-то я буду свободен от тебя! Я буду свободен! Я уеду и никогда не буду писать тебе… Я не буду даже думать о тебе!

Потом Джим потребовал, чтобы Тэнди вернула ему записные книжки, которые он ей давал. Немедленно. Тэнди, с широко раскрытыми глазами, спустилась вниз и отдала ему записные книжки со стихами.

Поздно ночью в воскресенье Тэнди проснулась; она знала, что он стоит на заднем дворе. Она спустилась вниз и услышала удаляющиеся знакомые шаги. Она подошла к окну и увидела тёмную фигуру, садящуюся в машину Моррисонов.

Машина двинулась в ночь в направлении Флориды.

Глава 2

Джим стоял на обочине дороги в жаркой Флориде, сняв чёрный пиджак, расстегнув ворот чистой белой рубашки, сорвав с себя длинный узкий красный галстук – такова была форма Санкт-Петербургского двухгодичного колледжа. Подошел колледжский автобус, на котором он ездил домой.

Джим плюхнулся на сиденье где-то в середине и начал посвистывать, а потом два-три раза громко и шумно рыгнул, сознательно предваряя таким образом один из своих излюбленных бессвязных разговоров “ни с кем”, шуток и небылиц.

Мой друг хотел купить собаку для утиной охоты, – объявил Джим, – он отправился к одному старику и спросил его, как определить, подходит ему собака или нет. Тот посоветовал моему другу обратить внимание на собачью задницу, ведь “вам нужна собака с маленькой задницей, чтобы, когда она прыгнет в воду, задница не перевесила и не утопила её”. Ну и мой друг пошёл в известный собачий питомник, где ему показали несколько собак и назвали цену в 75 долларов. Мой друг сказал владельцу питомника, что хотел бы получше проверить собак…

Когда Джим начинал свой рассказ, казалось, он говорил сам с собой. Но вскоре все окружающие стали его слушать.

… он подошёл к большой симпатичной собаке и поднял ей хвост. “Ах-ох, – говорит мой друг, большая задница”, направляясь к следующей собаке. Когда он осматривал первую собаку, к нему вышел хозяин питомника. “Что ты делаешь с моей собакой?” – спросил он. “Ну, – говорит мой друг, – я только смотрю на собачью задницу, она довольно большая, как видите, так что когда собака прыгнет в воду за уткой, задница перевесит, и собака утонет”. Хозяин питомника бросил взгляд на собаку и сказал: “Ах, задница большая, да?” Он отошёл, схватил за яйца старую собаку и толкнул её, так что старая задница сжалась в маленькую и крепкую. “ К сожалению, – сказал моему другу хозяин питомника, – эта собака подготовлена для перепелиной охоты”.

Джим залился своим протяжным смехом “хи-хи-хи” и начал другую историю, не обращая внимания на тяжкие вздохи и каменное молчание. Вскоре остальные студенты в автобусе снова внимательно его слушали.

Школьный автобус возил Джима за три квартала от того места, где он жил. Идти пешком было недалеко, но достаточно, чтобы

придумать какую-нибудь “легенду” для бабушки Каролины и дедушки Пола. Оба старших Моррисона были трезвенниками, и, хотя Пол имел страсть к собачьим бегам, основной уклад жизни дома в старой части города был фундаменталистским. Джим смеялся над этим.

Он не обращал внимания, когда они просили его постричься, побриться, сменить одежду, сходить в церковь. Он грозился привести домой “негритянку” и оставлял в своей комнате пустые винные бутылки. Иногда он целыми днями ничего не говорил. Он проходил через их жизнь как чёрный сигаретный дым.

Он ненавидел ортодоксальность, он всегда имел некий особый взгляд на вещи, – вспоминает его бабушка. – Он старался шокировать нас, ему это очень нравилось. Он говорил нам такое, что, он знал, должно было поразить нас. Мы совсем не понимали его, никто из нас. Но Джимми был таким многосторонним. Вы видите в нём одно, потом тут же – проблеск другого. Вы никогда не могли знать наверняка, о чём он думает в данный момент.

Джим как бы между делом одолел первый учебный год в колледже, не обращая внимания на факультативные предметы в программе обучения. Его оценки за первый семестр были не впечатляющими: одна “A”, две “B”, одна “C” и одна “D”.

Более интересными оказались результаты индивидуальных тестов, проводимых с каждым студентом. В них Джим был признан импульсивным, беспечным, легковозбудимым в противоположность дисциплинированности и самоконтролю…, но парадоксально, что его назвали также застенчивым и выделяющимся явной активностью, а также любителем серьёзных размышлений… крайнепридирчивым к социальным институтам… склонным жалеть себя… и удивительно мужественным, особое внимание уделялось его интересу к литературе и его способностям к сочинительству и передаче мыслей, что было видно из его записей, сделанных ещё в Александрии.

Джим был способен и на эффектные интеллектуальные трюки. Когда в его комнате собирались друзья, он бросал им вызов: “Ну-ка, возьмите книгу, любую”. Его голос звучал хвастливо, он стоял на ковре посреди спальни эдаким застенчивым волшебником. “Возьмите любую книгу, откройте её в начале любой главы и начните читать. Я с закрытыми глазами скажу вам, что вы читаете и кто автор”.

Джим показывал рукой на сотни и сотни книг по всей комнате, поверх мебели и сложенные у стен.

Он никогда не ошибался!

Более благородными, но менее памятными были его поступки,

когда он помогал одной своей знакомой написать курсовую, внимательно и со знанием дела анализируя поэтические размеры. Ещё одному приятелю он написал тридцатистраничное эссе о лорде Эссексе, одном из любовников Королевы Елизаветы, снабдив его очень длинным списком литературы, полностью взятым из головы.

“ Я должен был написать и сделать доклад на тему: “Моральная чистота – условие нашего выживания”, – говорит брат Джима Энди. – Я даже не знал, что это такое. Мои родители не разрешали мне уехать на пасхальные каникулы, пока я не закончу эту работу, а Джим хотел, чтобы я поехал с ним. Я промучился над докладом пару дней, и в конце концов Джим взял и переписал всё заново, вставив в конце множество собственных мыслей. Доклад был весьма хорош, и заканчивался так: “Мы движемся пассивно, слепые, беспомощные, одинокие” плюс ещё три-четыре подобных предложения, и, хотя, это было совершенно не в моём стиле, я получил за этот доклад “А”.

Джим сошёлся с небольшой компанией выпускников средней школы Клируотера, с которыми он выпивал. На танцах он тоже напивался пьяным и стоял в углу, как столб; он напивался пьяным на вечеринках и однажды сильно порезался, но был при этом таким воинственным и обиженным, что врач из местной больницы отказался его лечить.

У Джима не случалось ещё тяжёлых, постоянных запоев. По замечанию его одноклассника, “это было так потому, что если он пил, то только для того, чтобы напиться пьяным; иначе он не пил вовсе ”. Опьянение для Джима было каким-то совершенно особым состоянием. Но уже тогда оно было явной формой облегчения.

Важное событие произошло в декабре, в день его восемнадцатилетия, когда он зарегистрировался для призыва в армию. Джим отчаянно ненавидел военных, боясь устрашающего давления власти. В 1961-м году антивоенное движение ещё не было популярно. Джим никогда не слышал современных слов “человек, отказывающийся от военной службы по политическим или религиозноэтическим соображениям ”. Итак, он зарегистрировался и после этого зверски напился. Родственники говорят, что из весьма неприятной ситуации, грозившей закончиться ненужным скандалом, его выручил живший тогда в Клируотере его дядя. Очевидно, для родственников это было так ошеломляюще, что они до сих пор не рассказывают об этом до конца.

Примерно в то же время Джим нашёл себе пристанище в старой гостинице в зарослях пальметто между Клируотером и Санкт -

Петербургом, рядом с Галереей Возрождения и Кофейней, в месте, переполненном студиями, театрами и местным жаргоном в колледжском неформальном “листке”. Возможно, именно это привлекало Джима, но там происходили и поэтические чтения, конкурсы народных песен – всё это в обстановке богемности; к богеме принадлежал и Джим.

“ Возрождение” существовало вокруг разговорчивого гомосексуалиста в возрасте между 30 и 40 годами по имени Аллен Роудз. Через полчаса после встречи с ним Джим уже выслушал устный пересказ эпического романа, массу информации с рассказами о предках, которые в девятнадцатом веке строили Санкт -Петербург, с сильно преувеличенными сексуальными приключениями в Лондоне военного времени, с рассказами о днях, проведенных Роудзом в Мужской Танцевальной Труппе “Red Shawn”, об изначальной родовой сексуальности каждого кота, крадущегося по лабиринтам галереи, похожим на Сад Эдема – нудистский лагерь на севере Тампы, причём каждый рассказ сопровождался выражением “Умрёшь – не поверишь”.

Аллен вспоминает разговор с Джимом, когда у Джима было “это” подобно Аллену. Он вспоминает сказанное в связи с тем, как в Лондоне во время войны он ходил по улицам в поисках того, что могло бы его привлечь, и никогда не носил панталонов.

“Покажите мне ваше мясо”, – вот что я говорил всем. Но я не знал, что так на самом деле не было.

В конце учебного года Джим навестил свою семью, жившую теперь на окраине Сан-Диего. Когда после этого он вернулся в Клируотер, то наконец встретил девушку, заменившую ему Тэнди Мартин и ставшую ему подругой и доверенным лицом.

Мэри Фрэнсис Вербелоу было почти шестнадцать лет, она была выше 150 см ростом, носила длинные тёмно -каштановые волосы; тем летом она заняла второе место на конкурсе красоты “Sun N Fun”. К тому времени, когда Джим встретил её на вечеринке, она закончила предпоследний класс школы Клируотера.

Эй, эй, все вы, посмотрите туда! – позвал чей-то голос.

Джим, стоя на одной ноге, балансировал на перилах балкона жилого дома, раскачиваясь метрах в шести над землёй.

Эй, парень, ты пьян?

Смех.

Джим опустил правую ногу на перила и поднял левую, но поскользнулся и начал отчаянно перебирать руками. Он явно падал. Парень и девушка, стоявшие ближе всех к нему, схватили его и

затащили в комнату.

Тебе бы не следовало этого делать, – сказал Джим девушке. – Но это сделала ты, и хотя бы это неплохо. – И он одарил её своей неотразимой мальчишеской улыбкой.

Мэри была католичкой, и одно время она даже подумывала о том, чтобы постричься в монахини. Как и Джим, она была человеком спокойным, и это придавало ей взрослости. Она рассказывала Джиму, что когда-то училась в местной танцевальной студии Фреда Эстейра, говорила, что хотела бы стать танцовщицейи сниматься в кино. Она сразу потеплела к Джиму, когда он сказал ей, что хотел писать, а кроме того – снимать кино.

Ты пишешь стихи? – спросил Джим.

Иногда. Но я никому их не показываю.

У меня есть несколько стихотворений…

Ты пишешь стихи?

К концу летних каникул Джим приобрёл значительное влияние на Мэри Фрэнсис. По его настоянию она стала носить солнечные очки, бросая вызов местным обычаям. Она впервые попробовала алкоголь. Затем она объявила своим родителям, что будет ездить к Джиму на выходные, когда в сентябре он начнёт учиться в Талахасси во Флоридском Государственном университете.

Каждую ночь Джим в одном белье стоял посреди маленькой спальни и потягивался, на цыпочках доставая руками до потолка. Он говорил соседям по комнате, что делает это для того, чтобы чуть “подрасти”, и верил, что ему это удаётся. Джим весил примерно 60 кг и был ростом под 175 см, когда уезжал из Александрии, и говорил, что с тех пор он вырос больше, чем на 2,5 см.

В трёхкомнатном домике в миле от территории ФГУ он жил вместе с пятью другими студентами. Постоянно он общался только с двумя из них, а с остальными у них был только общий санузел. Как обычно, он сразу же начал “ставить эксперименты” на соседях. Он стал совершенно одержим Элвисом Пресли и всегда нарушал тишину, когда записи Пресли передавались по радио, при этом он делал максимальную громкость и зачарованно сидел перед приёмником. Когда бабушка с дедушкой прислали ему электрическое шерстяное одеяло, он отказался платить свою долю за отопление. На Хеллоуин Джим поразил всех, выйдя к весёлым карнавальным гостям одетым лишь в одну большую пелерину.

Джим не давал никому покоя и в автобусе, на котором он и его однокурсники ездили в университет. Однажды он дал водителю

двадцатидолларовую бумажку и долго ругался с ним, когда тот ответил, что не сможет разменять. В другой раз он прошёл в конец автобуса и громко потребовал, чтобы все чёрные пересели вперёд. Однажды он сел прямо за водительской кабиной на сиденье рядом с десятилетней девочкой и улыбнулся ей.

Привет, – сказал он.

Девочка сидела, застыв, и лишь испуганно глянула на Джима.

Ботинки одеты не на ту ногу, – сказал Джим своим “деревянным” голосом.

Девочка смутилась ещё больше.

Ноги не в тех ботинках, – повторил Джим.

Водитель автобуса в зеркале заднего вида увидел Джима, наклонившегося к девочке, держа руку на её колене.

Автобус резко затормозил у обочины дороги, и водитель обернулся:

Выйдите, молодой человек, выйдите вон из автобуса.

Ну, пожалуйста, милый сэр, – заскулил Джим. – Это был просто невинный комплимент, совершенно невинный. Она напоминает мне мою младшую сестру. Я в этот момент, сэр, тосковал по дому.

В конце концов водитель смягчился, сказав Джиму, что тот может остаться в автобусе, если будет держать свои руки при себе.

Все его соседи по комнате были в тот момент в автобусе и все делали вид, что не знают его. Но когда автобус подъехал к университету, Джим, первым выходя из автобуса, повернулся и крикнул: “Эй, друзья!” и махнул им рукой. Автоматически и они махнули руками в ответ. Тогда Джим крикнул: “А идите вы…”, поклонился, засмеялся и вышел с важным видом.

Однажды он взял у одного из соседей по дому какую-то игрушку и забросил её на телефонный столб. Он пил их пиво, ел их еду, носил без спроса их одежду. Он старательно записывал все свои действия и реакцию друзей, занося всё это в записные книжки, как если бы он был антропологом, а соседи – предметами его исследований.

“ Домашний беспредел” Джима длился меньше трёх месяцев. Все его соседи жили в постоянном страхе того, что будет дальше. Однажды вечером в декабре напряжение вышло наружу. Это было где-то в конце триместра, когда Джим слишком уж громко включил Элвиса. Они попросили его уменьшить громкость или уйти. Джим выпрямился. Он сказал, что это их проблемы, что он не делает ничего такого, счем бы они не могли смириться, что они не приложили к этому никаких усилий, и вообще, почему они просят его о чём-то,

когда он ни о чём не просит их? Они потребовали, чтобы он убирался вон. Джим согласился и в тот же вечер собрал вещи, а на другой день уехал.

Он переселился в полупристройку за женским пансионом, в трёх кварталах от университета. За это он платил 50 долларов в месяц, половину той суммы, что посылали ему бабушка с дедушкой. Родители тоже присылали ему денег, когда он просил их об этом в письмах.

Каждый месяц ему нужно было писать письмо, чтобы получить чек, – говорит его брат Энди. – Он бы не стал писать о свиданиях или о чём-то другом. Он сочинял байки. О том, как однажды он был в кинотеатре, когда вдруг начался пожар, и все в панике бросились к дверям, и только он один остался спокоен. Он выскочил на сцену, сел за пианино и спел песню, успокоив публику, так что люди потихоньку вышли из кинотеатра. В другом письме было подробное описание того, как на глазах у Джима парня затянуло в болото.

Во втором триместре Джим прослушал два важных курса. Он сдал экзамен по философии протеста, изучив работы мыслителей, которые критически или скептически относились к философской традиции – Монтеня, Руссо, Хьюма, Сартра, Хайдеггера и любимого Джимом Ницше. Второй курс был посвящён поведению коллектива, психологии толпы.

Профессор Джеймс Гешвендер был невысоким полным человеком с тёмными волосами; Джим был одним из лучших его студентов. “Он умел втянуть профессора в поразительные дискуссии, – говорит однокурсник Джима Брайан Гейтс, – а мы, все остальные, сидели ошеломлённые. Джим, казалось, так много знал о человеческой природе! Он учился, не прилагая особых усилий. Я подолгу сидел над книгами, а Джим, можно было подумать, писал их. Профессор считался с ним и говорил нам, что последний реферат Джима был лучшим из тех, что он когда-либо читал у студентов с довольно ограниченной образовательной подготовкой, какая была у Джима. На самом деле, говорил он, этот реферат заслуживает внимания как какая -нибудь кандидатская работа”.

Ещё в школе Джим прочитал фрейдистскую интерпретацию книги Нормана О. Брауна “Жизнь против Смерти”, и тезис о том, что человечество не подозревает о многих из своих собственных враждебных жизни страстей и бессознательно стремится к саморазрушению, сильно его привлекал. Подавление желаний являлось причиной не только индивидуальных неврозов, но также и

социальной патологии вообще. Джим делал вывод, что толпа могла переживать сексуальные неврозы подобно неврозам у отдельных людей, и что эти психические расстройства можно быстро и эффективно диагностировать, а потом и “лечить”.

Преподаватель был в восторге! “Последние занятия были посвящены обсуждению рефератов, говорит Брайан, – и Гешвендер с Джимом говорили за всех. Они оставляли нас далеко позади. Мы даже не понимали, о чём они говорили”.

Желая проверить свою теорию, Джим побуждал своих знакомых присоединиться к нему, чтобы “свалить” одного университетского оратора.

Я могу взглянуть на толпу, – говорил он своим друзьям, – я могу просто взглянуть на неё. Это всё, правда, очень научно, но я могу психологически диагностировать толпу. Даже всего четверо из нас, встав в нужных местах, могут перевернуть толпу. Мы можем вылечить её. Мы можем дать ей любовь. Мы можем сделать её мятежной.

Друзья Джима безучастно смотрели на него.

Эй, ребята, – сказал Джим, – вы даже не хотите попробовать?

Друзья ушли.

На выходные Джим часто ездил за две сотни миль в Клируотер, чтобы встретиться с Мэри. Он приходил в восторг от её простодушия, от её моральной и физической чистоты. Она пела и танцевала. Ей нравилось босиком гулять под дождём.

Кроме Мэри, единственным близким другом Джима в течение второго триместра был Брайан Гейтс, который был немного похож на Базиля Рэтбоуна в молодости, а его отец, как и отец Джима, по меньшей мере пол-жизни был военным. Когда Джим упрекал Брайана за то, что тот учится на коммерсанта, Брайан соглашался, что это было поверхностно и совершенно необдуманно. Когда он добродушно “не позволил” Джиму заняться той же карьерой, это укрепило их отношения. Неудивительно, что Джим предложил Брайану составить ему компанию в путешествии автостопом по Соединённым Штатам после окончания триместра в апреле.

За Джимом укрепилась стойкая слава путешественника автостопом. Несколько раз во время подобных поездок между Талахасси и Клируотером он отказывался от попутки – один раз после часового стояния под дождём – просто потому, что водитель выглядел “неинтересно”. Брайан подумал и согласился.

Джим и Брайан задержались на две недели в Клируотере, где

Джим строил планы о том, чтобы в июне, после окончания школы, Мэри присоединилась к нему в Калифорнии. В ЛосАнджелесе они собирались вместе найти жильё и работу и поступить в Калифорнийский университет. Тогда, говорил он Мэри, он сможет осуществить мечту своей жизни – поступить в киношколу, чтобы научиться там переводить свои идеи и фантазии на плёнку. После этого Джим и Брайан отправились на запад, проведя шесть дней в дороге, которой мог бы гордиться и Джек Керуак.

В Мобиле, штат Алабама, в четыре утра они были арестованы полицией, а на следующий день в Новом Орлеане Джим рычал, по его словам, “выходя за рамки приличий”, пытаясь пообщаться с (как он думал) барменом-гермафродитом, затем ему захотелось познакомиться с лесбиянкой, но её любовница вытащила нож и грозилась его зарезать. В Восточном Техасе они познакомились с кузиной вице - президента Линдона Джонсона, и она взяла их с собой на его родину и на ранчо, где их накормили целиком зажаренной тушей коровы и представили тёте Джонсона. В полночь на Харес они приехали в Мексику, и всю ночь Джим на своём “среднешкольном” испанском проговорил в какой-то забегаловке с мексиканской проституткой. В Фониксе они в шесть утра познакомились с девушкой, которая сразу же им сказала: “Я могу так же хорошо, как вы, мне нужен мужчина и мне нужен кроват”, что заставило Брайана схватиться за руль и направить машину к обочине.

Давай, парень, давай поймаем её на слове, – сказал Джим.

В шесть утра она хочет пригласить нас к себе в дом? Нет. Ты как хочешь, а я уезжаю отсюда.

В задумчивости Джим последовал за другом.

На следующий день в Коронадо им стало тоскливо. Во-первых, мать Джима сказала ему, что он не смеет войти в дом, пока не подстрижётся. Кроме того, она заявила, что недовольна его путешествием автостопом, после того, как она выслала ему деньги на самолёт. Позже она весьма не одобряла его регулярные поездки в Сан-Диего, где они с Брайаном посещали игорные дома и грубые флотские бары. Но больше всего её выводило из себя заявление Джима о том, что он собирается в Лос-Анджелес поступать в УКЛА* [*Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе.].

– Хотя бы дождись, пока вернётся домой твой отец, – говорила она, – только дождись его. Он будет дома меньше, чем через месяц, и…

Но вскоре Джим уехал.

Три недели они с Брайаном искали работу и жили в Восточном Лос-Анджелесе вместе с кузинами Брайана, в маленьком доме-вагончике. Но работу они не нашли, а вскоре у них кончились деньги, чтобы платить за жильё; тем закончились приключения и фантазии. Потом Джиму позвонила мать и сказала, что отец на несколько дней остановится в Лонг Бич. “Я надеюсь, ты будешь на пристани”, – сказала она.

Джим повесил трубку, ничего не пообещав, но приехал. Он сказал родителям, что хочет остаться в Лос -Анджелесе, но они запрещали ему это. Джим предложил дюжину других вариантов. Все они также были отвергнуты, и две недели спустя его посадили на самолёт, летящий во Флориду, чтобы он успел вовремя зарегистрироваться на сокращённый летний триместр.

Так Джим вернулся в свой полный книг трайлер на Колледжском проспекте и 18 июня записался на последние курсы, которые он собирался прослушать. Это было не особо выдающееся событиями лето, за исключением курса средневековой европейской истории. Джим сказал профессору, что он хотел бы написать одну большую исследовательскую работу вместо двух маленьких эссе, и он хотел сам выбрать тему.

Это было совершенно беспрецедентно, но я был заинтригован, и потому согласился, вспоминает преподаватель.

Джим написал об Иеронимусе Босхе, который видел мир как Ад, где мы проходим через пищеварительный тракт дьявола, и о котором почти ничего достоверно не известно. Теория Джима была такова, что художник был членом Адалистской секты, группы средневековых еретиков.

Меня это не убедило, – говорит профессор, – но я был взволнован тем, что написал Джим.

Джим закончил учёбу 27 августа, через три дня сдал последний экзамен, и в очередной раз отправился автостопом в Клируотер на очередную серию пляжных вечеринок, танцев и пьянок. 5 сентября он вернулся в Талахасси, записался на курс истории позднего Возрождения, который включал в себя дальнейшее изучение Босха, и на некоторые курсы отдела риторики: введение в театральное искусство, история театра, основы актерского мастерства, принципы сценического дизайна.

Джим собирался положить начало изучению кинематографии, которое он хотел продолжать в УКЛА с начала января. К концу триместра, через несколько дней после регистрации в ФГУ, Джим

официально обратился с просьбой о переводе, и послал запрос в свою старую среднюю школу в Вирджинии, чтобы его оценки отправили в канцелярию УКЛА.

Ко времени его четвёртого и последнего триместра в ФГУ Джим переехал в комнату 206 гостиницы “Cherokee”, потрёпанного общежития в деловой части города, обитателями которого прошлых лет были, в основном, государственные чиновники, постоянно посещавшие проституток. ““Cherokee” к тому времени уже не был публичным домом, говорит Брайан Гейтс, – но такая его репутация сохранялась, а для Джима это был дом. Ему действительно было там удобно ”.

Джим начал общаться с несколькими старшими студентами и с несколькими инструкторами и профессорами, большинство из которых были постоянными участниками пьянок на художественном отделении. Через несколько дней он переехал из “Cherokee” в четырёхместный номер с двумя из них. Начинались хорошие времена.

Однажды Джим выпил довольно много, и, пока он изображал “битву с зонтиками” по пути на субботний футбольный матч, он умудрился украсть из патрульной машины каску полицейского. Его арестовали и одели наручники, но в суматохе, когда он попытался вырваться, каска куда-то исчезла, и Джима обвинили в мелком воровстве, а также в нарушении общественного порядка, в сопротивлении при аресте и в появлении пьяным в общественном месте.

На следующий день он появился в доме Ральфа Тёрнера, профессора истории, у которого он писал работу по Босху. Он сообщил ему, что провёл ночь в вытрезвителе и теперь боится, что об этом узнают в университете. Профессор, который часто сам устраивал вечеринки, сразу же согласился помочь.

В понедельник Тёрнер отвёл Джима в парикмахерскую, дал ему взаймы костюм, вышел с ним во двор и от своего имени вызвал декана. Джима оштрафовали на пятьдесят долларов (эти деньги у него были, но он не собирался их на это тратить, а потому просил мать прислать их, не объясняя, зачем) и оставили в университете с испытательным сроком.

Ходатайство Ральфа Тёрнера, устойчиво высокие оценки Джима, уважение ещё некоторых профессоров позволили Джиму избежать в университете более строгих санкций. Он продолжал поражать своих однокурсников и преподавателей.

В классе истории театра он написал насмешливую работу,

интерпретирующую “В ожидании Годдо” как рассказ о Гражданской войне, потому что там были и Грант, и Ли, и Слэйв. Учивший его профессор сценического дизайна вспоминает, что один из проектов Джима содержал изображение обнажённого мужчины, висящего над сценой, будто распятого. В другом случае, в “Кошке на раскалённой крыше”, он в начале пьесы выводил на заднюю стену крошечное пятнышко света, которое затем должно было увеличиваться до тех пор, пока не займёт всё пространство и станет в конце концов похоже на расползшуюся раковую опухоль (главный герой пьесы умирает от рака).

Затем, без всяких проб, Джим получил одну из двух ролей в университетской постановке абсурдистской пьесы Гарольда Пинтера “Кухонный столик”. В театральной афише Джим взял себе сценический псевдоним Станислас Болеславски, составленный из имён великого русского актёра и режиссёра Станиславского, отца Метода, и модного польского дирижёра Ричарда Болеславского, который работал в Московском Художественном театре Станиславского до того, как эмигрировал в Соединённые Штаты, чтобы делать кино.

Руководитель Джима Сэм Килман прочитал ему фразу Антонина Арто, плач по революции в психиатрической клинике 30-40-х годов: “Мы должны понять, что театр, как и чума, есть белая горячка, и очень заразная, в этом – секрет его очарования”. Джиму это очень нравилось.

“ Джиму было интересно работать, – говорит Кейт Карлсон, актёр, сыгравший с ним партнёрскую роль в “Кухонном столике”. – Каждый вечер, ожидая подъёма занавеса, я не знал, что он собирается делать. К нему было трудно подобрать ключ, потому что ему нравилось каждый раз играть по разному. Сам он не подбирал ключей ни ко мне, ни к диалогам, ни к другим традиционным вещам. Он играл и произносил строчки с интонацией, которая всегда казалась беспричинной или по крайней мере неожиданной. Было постоянное скрытое мрачное предчувствие, ощущение, что всё это происходило на грани потери контроля над собой.

В то время [в 1963 г.] всех очень смущали непристойности на сцене, но у нас было несколько весьма непристойных репетиций. На спектаклях этого не было, но с Джимом мы никогда не знали заранее, что будет”.

Твой отец теперь капитан, Джим, – сказала мать, – капитан одного из крупнейших авианосцев в мире [the Bon Homme Richard]. На корабле около трёх тысяч человек, и все они уважают твоего отца, и уважают его потому, что он так дисциплинирован. На что это будет

похоже, если его родной сын будет одет, как битник?

8 января 1964 года, незадолго до отъезда из дома в Коронадо для учебы в УКЛА, Джим вместе с отцом принял участие в маневрах на Тихом океане. Он только что подстригся. Но, увы, подстригся недостаточно коротко для того, чтобы соответствовать порядку, и, когда Джим прибыл на “Bonny Dick” (как назывался авианосец), его тут же отправили к судовому парикмахеру, чтобы сделать новую стрижку, которая очень походила на стрижку капитана: короткая сзади и по бокам и достаточно длинная на макушке, с пробором. Джим был раздражён, но молчал.

Капитан был горд, хотя и насторожен. Он привёл Джима на мостик и представил его офицерам. Джим пожимал руки и любезно отвечал на приветствия, без улыбки. Штатный фотограф сделал несколько снимков. Позже, через день, за борт было выброшено несколько человекообразных мишеней, и Джиму вручили пулемёт, даввозможность сделать несколько выстрелов по плавающим в океане “объектам”.

Джим с горечью вспоминал события этого дня. Он говорил, что, после того, как отец вернулся домой с корабля, где командовал тремя тысячами человек и обладал такой большой властью, стало ясно (Джим это почувствовал), что дома командовала мать.

“ Она поручала ему выносить мусор, – вспоминал Джим. – Она командовала им. И мой отец подчинялся. Он выносил мусор”.

Через неделю, имея в кармане достаточно денег на скромное жильё в полумиле от университета, Джим в середине учебного года прошёл процедуру регистрации, вписавшись в число двадцати тысяч студентов крупнейшего калифорнийского университета. В отличие от своего “старшего брата” в Беркли, УКЛА воистину был вне политики. Студенты здесь были загорелыми, атлетичными, приятного вида, одежда была случайной, без классовых различий.

К 1964-му году, когда туда приехал Джим, киношкола как раз подходила к тому, что теперь профессора называют Золотым Веком. В числе преподавателей было несколько замечательных режиссёров – Стэнли Крэмер, Джин Ренуар и Джозеф фон Штернберг, например. Среди студентов было несколько выдающихся, необычных личностей, в частности, молодой Фрэнсис Форд Коппола. Вероятно, самым главным было то, что на киноотделении царила весёлая, открыто анархистская философия, которая впоследствии вполне могла вдохновить Джима на написание таких слов: “Хорошая черта кино – то, что здесь нет специалистов. В кино нет авторитетов. Каждый

может сопоставить с собой и вместить в себя всю историю фильма – этого вы не можете сделать в других видах искусства. Нет специалистов, поэтому, теоретически, любой студент знает почти столько же, сколько и любой профессор ”.

Первые шесть месяцев, проведённые Джимом в УКЛА, ничем особо не примечательны, разве что пасхальными каникулами, когда он и двое его однокурсников – бородатый нью-йоркский интеллектуал и ирландская девушка, бывшая старше их, – провели три дня пьянства в Тиджуане.

В течение весеннего семестра Джим жил своей неспешной жизнью – занятия в зданиях, разбросанных по всей огромной территории университета; долгие часы в одиночестве за чтением книг в университетских библиотеках или в своём крошечном жилище; воскресные звонки Мэри во Флориду из общественного автомата, где он платил только за первые три минуты, разговаривая обычно по часу или больше, не обращая внимания на предупредительный сигнал.

Днями и вечерами Джим иногда ходил в “Lucky U” – мексиканский ресторан-бар в миле от университетского городка, неподалёку от Больницы Ветеранов. Он наслаждался этим местом. Леди-барменши и слепые мужчины возили на колясках своих безногих друзей, безногие были поводырями слепым. Иногда инвалиды напивались и дрались “на костылях”. Это напоминало Джиму рассказ Нельсона Ольгрена, он называл “Lucky U” “скромным местом” для пьянок.

В выходные дни Джим ездил на венецианский пляж, бывший Меккой поколения битников пятидесятых годов, и там сохранялись богемные традиции. Поэты, художники и студенты задёшево жили в больших комнатах замечательных викторианских домов или в будках по берегам разрушающихся каналов.

Когда наступило лето, Джим вернулся в Коронадо. После пяти месяцев скудной пищи или вовсе её отсутствия он похудел, но вскоре восстановил свою характерную круглолицесть. Затем он снова уехал в Мексику, на этот раз с братом и крёстным отцом, отставным морским офицером, который служил вместе со Стивом на Тихом океане. Энди вспоминает это как “пьяную” поездку. “Мы проехали около сотни миль на юг к Энсенаде. Джим показывал мне жизнь. Я пил пиво, и он таскал меня из бара в бар, разговаривая с мексиканцами по-испански, когда они пытались нас обсчитывать, беседуя с проститутками, рыская по переулкам, где за ним гонялись собаки. Это было великолепно”.

Вернувшись в Сан-Диего, Джим и Энди часто ходили в кино в

гарнизоне, иногда Джим брал с собой вино и напивался пьяным. На военных базах после киносеанса торжественно поднимался флаг и звучал национальный гимн. Однажды Джим заполнил пространство кинотеатра звуками своего голоса: “О, скажи, видишь ли ты…” Пел он один.

Джиму нечем было заняться в Коронадо, ему становилось скучно и не сиделось на месте. Вскоре он стал проситься вернуться в университет раньше времени, чтобы наверстать упущенное по истории. В начале августа он уехал, обещав поискать временную работу. К концу лета Джим стал студенческим помощником в Библиотеке Театральных Искусств, расставляя по полкам книги и направляя предупреждения в случае задержки за 1 доллар и 25 центов в час. Это была несложная работа, но ему не удалось долго на ней продержаться. Новый библиотекарь в октябре уволил Джима, когда стало ясно, что тот не собирался вовремя отчитываться о работе.

Затем появилась Мэри. Она быстро нашла работу в медицинском центре УКЛА и, к ужасу Джима, сняла себе отдельное жильё. Она говорила, что собиралась поискать посредника и через него – работу танцовщицы; может быть, со временем они смогли бы вместе сделать фильм. Друзья говорят, что Джим был так рад, что они смотрели даже провалившийся в УКЛА фильм. Пусть иногда что-то получалось не так, как ему бы хотелось, он и его любимая Мэри наконец -то были вместе в Калифорнии.

У Джима появился небольшой круг друзей из числа наиболее загадочных и “взрывоопасных” студентов киношколы. Те четверо, что были его самыми близкими друзьями, взятые по отдельности, были вполне обычными студентами, но вместе они становились “дурными” или, на худой конец, слегка ненормальными.

Наиболее странным был Деннис Джэкоб, ещё застенчивый, но часто воинственный студентвыпускник, большого ума, которого за глаза звали Крысой или Лаской из-за торопливой походки и горбатой от многочасового сидения над монтажной машиной спины. Деннис был человеком одержимым, натуральным воплощением советского режиссёра Сергея Эйзенштейна. Впоследствии он станет спецассистентом Фрэнсиса Копполы в “Апокалипсисе Сегодня ”.

Одной из причин того, что Джим заинтересовался Деннисом, было то, что тот прочитал не меньше книг, чем Джим, а то и больше. Он прочитал, в том числе, и работы Ницше, и их они обсуждали чаще всего. К тому времени, как они познакомились, Джим прочитал большую часть написанного немецким философом. “Генеалогию

морали” и “По ту сторону добра и зла ” он прочитал ещё в школе. Несколько позже он открыл для себя “Рождение трагедии из духа музыки” – небольшой томик, оказавший огромное влияние на “Жизнь против Смерти” Нормана О. Брауна. Эта книга, первый труд Ницше – весьма нетрадиционное, но одно из наиболее выстроенных произведение, даже и сделанное в форме трагедии. Эта работа посвящена классическому конфликту между аполлонским искусством скульптуры и дионисийским искусствоммузыки. Как и Ницше, Джим сравнивал себя со страдающим Дионисом, который был “на самом деле его собственная, чистейшая исконная боль и её подлинное отражение”. Но за страданием следовало достойное вознаграждение. Суть была не в превосходстве чьего -то индивидуального сознания, а прежде всего – в экстатическом растворении личного сознания в “первородной природе космоса” – в том, что Джим и его друзья станут потом называть “Universal Mind”.

Деннис и Джим проводили многие часы вместе, обсуждая Ницше, подчас споря, но обычно соглашаясь, вслух читая друг другу длинные выдержки из работ философа. Однажды, говоря о Дионисе и вспоминая строчку Уильяма Блэйка “Когда двери восприятия открыты, всё является человеку таким, какое оно действительно есть – бесконечным”, которая дала название книге Олдоса Хаксли “Двери восприятия”, Джим и Деннис решили создать группу. Они сошлись на том, что назовут себя “Doors: Open and Closed”* [*"Двери: открытые и закрытые"].

Другим членом Студенческой компании Джима был Джон ДеБелла, тщеславный коренастый сын бруклинского полицейского, который не меньше, чем своим ростом почти в 190 см, гордился тем, что в год читал по двести книг. Целую неделю университетские легенды приписывали ему посещение книжных магазинов одетым в длинный чёрный плащ с дюжиной карманов – для кражи вожделенных книг. По выходным он отправлялся на Маскл Бич встречаться с девушками.

Могучее телосложение Джона, но при этом его неподдельный интерес к земным удовольствиям, казалось, делали его противоположностью Денниса Джэкоба, но были у них и сходства. Одно из них, конечно – любовь к книгам и приверженность доктринёрским философиям. Другое – возраст. Обоим было по 25 лет – больше, чем Джиму. Третье – умение говорить. И оба они были католиками. Когда Деннис или Джон начинали плести интеллектуальное кружево, Джим сидел завороженный.

“ Шаманизм, – говорит Джон. – Мы были шаманами: вдохновлённые поэтом… Мы все были там. Часть смутной философии студентов киноотделения УКЛА заключалась в затуманивании границы между мечтами и реальностью. Одна из моих любимых фраз “ Мечты порождают реальность”. Фил Олено всерьез увлекался психологией Юнга, и от него мы узнали много нового.

У нас была теория Верной Молвы, что жизни не существовало, и что жизнь не была столь романтичной, сколь должна была бы быть, а вы говорите, что некоторые вещи фальшивы, потому что жизнь лучше, чем придуманные образы. Неважно, что, пока в них не верили, они не существовали вовсе”.

Когда становилось скучно, Джим и Джон придумывали себе развлечения. Однажды Джим и ещё один их близкий друг Фил Олено устроили с Джоном соревнование по краже книг из университетского книжного магазина: победителем признавался тот, кто за час сумеет вынести наиболее дорогую из продаваемых в розницу книг.

В другой раз Джим и Джон решили познакомиться с какой-нибудь девушкой, обкуриться и отправиться в музыкальную библиотеку, чтобы по очереди прокрутить свои любимые записи. Смеясь, они уговорили на это одну девушку, послушали записи, начали курить траву, и вскоре Джон разыграл для неё целый спектакль. Она должна была думать, что Джим обещал больше, и пошла домой с ним, рассказывая, как забеременела от своего друга, а затем подцепила венерическую болезнь, которая закончилась внутриутробной операцией, приведшей к бесплодию, и… Подробности жизни так и лились из неё, сопровождаемые душащими слезами. Джиму это напомнило рассказ Дилана Томаса “Последователи”, в котором случайно встречаются два молодых человека, и оба находят в своей жизни много ужасного.

В другой раз Джим и Джон напились в “Lucky U”, и Джим настаивал на том, чтобы пойти в находящуюся по соседству публичную библиотеку. Джон пошёл за ним с неохотой и не торопясь проследовал в книгохранилище, изучая длину юбок и чулки в читальном зале. Когда же он догнал Джима, тот мочился между книжными стеллажами. Джон схватил его и потащил к выходу. Подошла какая-то женщина. “Эй, леди, – позвал Джим, – эй, леди…”

С тёмными обрамляющими лицо волосами и мощной грудью, Фил Олено, третий друг, иногда казался увеличенной копией Джима. Ему было 23 года (он был на два года старше Джима), и он был единственным в компании, кто жил дома, а потому Джим и Джон

частенько доставляли ему хлопот.

Фил прочитал почти всё, написанное Карлом Юнгом или о нём; во всех книгах на полке в его комнате были подчёркивания толстым чёрным карандашом. Юнг не был любимым психоаналитиком Джима, и они с Филом после просмотра какого-нибудь фильма любили поспорить, как можно интерпретировать символику создателя фильма по Юнгу или, на чём настаивал Джим, по Ференци.

Как и Юнг, Шандор Ференци был коллегой Фрейда, но с Фрейдом он расходился больше в методике, чем в теории. В то время как Фрейд рекомендовал своим пациентам сексуальное воздержание, утверждая, что это сконцентрировало бы либидо на прошлых эмоциональных опытах, Ференци распространял воздержание гораздо дальше, пытаясь убедить своих пациентов отказаться, кроме того, от еды, питья, испражнений и мочеиспускания. Затем он переходил к прямо противоположному, вставая на путь любви и вседозволенности, веря в то, что невротики – это люди, которые никогда не любили или к которым не были достаточно благосклонны родители, и что на самом деле они нуждаются в привязанности, тепле и нежности.

Как это обычно случается, разговоры о психоаналитиках бывали наполнены сексуальными замечаниями, которые часто перелагались на самый широкий спектр неврозов, фетишей и аномалий – от гермафродитизма и некрофилии до мазохизма, садизма и гомосексуализма. Поэтому, когда Джим и Фил сделали совместный фильм, никто не удивился его тематике.

Они обсуждали сюжеты нескольких фильмов. По одному из них (идея Фила) планировалось взять сюжет из жизни Рембо, и Фил интересовался, не хотел бы Джим сыграть главную роль. Другая идея (Джима) заключалась в том, чтобы показать знаменитую сцену из жизни Ницше, где он, натолкнувшись на убивающего лошадь человека, силой прекратил избиение. Звуковой дорожкой этого короткого фильма, по замыслу Джима, были аплодисменты. Ни один из этих фильмов не был снят. Тот единственный, который они сделали, был милой шуткой, не претендующей на интеллектуальность.

Джим и Фил прослушали пока только начальные курсы съёмки, света, звука и режиссуры, но даже от новичков в кино -школе ожидалось использование ими при создании фильма некоторого багажа знаний и фантазии. Фильм не должен был быть очень длинным или сложным, или очень хорошим; он должен был лишь помочь студентам научиться свободно обращаться с техникой. Фактически Фил фильма не сделал, согласившись лишь наняться к нескольким

студентам-выпускникам психологического отделения, снимавшим в сверхсекретных условиях фильм, который должен был впоследствии храниться в сейфе на отделении. Это был фильм о мужчине и женщине, обнажённых, занимающихся любовью, показывающих при этом различные позы и действия. При помощи Фила, Джим получил разные фрагменты этого фильма и соединил их в рискованной последовательности, а в конце, в качестве звуковой дорожки, использовал “Болеро” Равеля. На просмотре студенты шумно забавлялись, а большинство инструкторов и профессоров были в ужасе. Джиму было сказано, что он заслужил наихудшую из всех оценок и что он отмечен как “неблагополучный”, в результате чего на следующий семестр его определили в специальную мастерскую “трудных студентов ”.

Студенческие просмотры устраивались два раза в год, в конце семестров на сессии мастерских. Более регулярно проводились другие просмотры, обычно вечерами по пятницам. Какой-нибудь из своих фильмов показывали приглашённые из ближайшей кинофабрики профессионалы, а часто они к тому же делились своими профессиональными тайнами – по крайней мере, они так думали – на дружеских вечерах вопросов и ответов. Программа вечера отменялась, когда студенты особенно доставали лекторов.

Зачинщиком этих просмотров – студенты считали его самым мрачным, самым шумным и самым циничным из всех – был ещё один из близких друзей Джима, четвёртый “шеф-повар” Золотого Века, разговорчивый светловолосый Мефистофель по имени Феликс Винэйбл. Любовь Феликса к выпивке, таблеткам и разговорам на всю ночь напоминала Джиму героя “На дороге” Дина Мориарти. Феликсу было 34 года, он был самым старшим студентом киношколы. Он пришел в УКЛА после тринадцати лет случайных работ, в том числе после длительной работы в качестве водителя автобуса, потом – кораблестроителя. Большей частью он работал в Сан -Франциско, где посещал Калифорнийский университет в Беркли с 1948-го по 1952-й год, но ему не удалось доучиться. Его охотно снова приняли в УКЛА в качестве студента выпускного курса, возможно, потому, что его оценки в Беркли – половина “А” и половина “F” – сами по себе могли стать занимательнымрекордом, а возможно – потому, что если человек в 34 года хочет получить диплом, то надо дать ему возможность это сделать.

Как и Джону ДеБелле, Феликсу нравилось говорить о себе, но его рассказы обычно бывали менее хвастливы и более смешны. Феликс не

был таким интеллектуалом, как другие близкие друзья Джима по киношколе, но их дружба не была менее крепкой. Стэнтон Кэй, который снял Феликса в главной роли одного из своих фильмов, утверждал, что их отношения основывались на психологическом сходстве. “Я чувствовал, что Феликс стоял немного в стороне как человек, не имеющий какой-либо ясности и определённости, который к тому же был старше и потому гораздо сильнее ощущал на себе давление общества. Он был беспомощен почти до импотенции. Он постоянно пребывал в состоянии какого-то беспокойства. И, безусловно, таким же был Джим. Я видел этот глубокий нигилизм, чувство безысходности, которое было сильнее моего собственного. Может быть, это было раздражение, а может – то самое, из чего происходит отчаяние”.

“ Эротоман, – наспех записывал Джим в одном из своих блокнотов, – тёмный комедиант. Он отвратителен в своей мрачной анонимности, в своём тайном вторжении”. Он продолжал описывать угрозу и власть молчаливого партнёрства, вызванного неожиданностью (“по причине того, что о его присутствии не подозревают”).

Существуют сотни подобных записей. Некоторые из них спустя четыре года будут опубликованы, сначала в частном порядке, потом – в “Simon and Schuster” под заголовком “The Lords: Заметки видения”. Когда Джим учился в УКЛА, эти записи были сделаны как работа по киноэстетике. Он ещё не мог делать фильмы, но думал и писал о кино как об искусстве. “Привлекательность кино – в страхе смерти”. Страницы его записных книжек заполнены мыслями о кино, многие из которых он позаимствовал у Джона ДеБеллы.

На соседних страницах Джим добивался ясности. Образы чуда, неистовства секса и смерти тёмной рекой проходят сквозь его записные книжки. Кеннеди был убит “вредоносным наблюдением” снайпера, а Освальд нашёл убежище “и был уничтожен в тёплой, тёмной, молчаливой утробе материального театра”. Благодаря Эдипу появилось следующее: “Вы можете смотреть на вещи, но не пробовать их на вкус. Вы можете ласкать мать только глазами ”. Это, казалось, было больше того, что он видел, больше, чем он испытал, больше, чем написал, – но чем больше он писал, тем больше, казалось, он понимал.

Конец 1964-го года. После исторического плавания в Индийском океане с целью демонстрации силы и участия в инциденте в Тонкинском заливе во Вьетнаме, капитан Моррисон прошёл своё последнее офицерское боевое учение на “Bon Homme Richard” (он

всегда выигрывал сражения), передал авианосец другому капитану и стал готовиться к очередному переезду, на сей раз в Лондон, где он должен был служить во флоте Американских военно-морских сил в Европе. Но сначала он должен был съездить на Западное побережье, чтобы провести короткий отпуск с семьёй. Джим провёл дома Рождество, а затем его семья отправилась к родственникам во Флориду. Это был последний раз, когда Джим видел своих родителей.

Январские дожди пошли на убыль, и студенты киношколы начали собираться в ”Gypsy Wagon”* [*"Цыганский вагон"] – маленькой закусочной на колёсах неподалеку от одноэтажных домиков киношколы. Там, смешиваясь со студентами-музыкантами и художниками, Джим и многие из его однокурсников показывали то, что один из них стал называть “нищетой и блеском киношколы” – обучаясь в школе, они прилагали максимум усилий, скрывая свою бездеятельность под маской развязности и хвастовства. По пути в класс Джим прогуливался вдоль забора с истошными криками и воплями и покрывал стены мужской уборной едкими надписями, по проходам театра, где проходили просмотры, он катал пустые винные бутылки. Затем начались классические истории, в фокусе которых чаще всего находились наркотики, нагота или безрассудство. Сложение всех этих трёх составляющих привело Джима к тому, что однажды он напился пьяным и в полночь взобрался на одну из университетских башен, чтобы раздеться и сбросить вниз одежду.

“ Образу, – писал он в своей записной книжке, – никогда не сопутствует опасность”.

Некоторые преподаватели высоко ценили Джима, принимая во внимание и то, что один из них назвал “дилетантизмом”, и сам Джим любил некоторых из инструкторов. Самым любимым был Эд Брокау, который иногда рассказывал в классе жуткие небылицы, чтобы выяснить, слушает ли его кто-нибудь. Особенно Джиму нравилось то, что Брокау иногда исчезал на несколько дней – как будет исчезать и Джим в последующие годы. “Брокау тянулся к разрушительности Джима, – говорит Колин Янг, руководитель киноотделения. – Он чувствовал её и грел руки у этого огня, в зависимости от того, как часто эта разрушительность соединялась с реальным талантом”. Брокау был консультантом на факультете Джима, и именно к нему Джим пришёл, чтобы сообщить, что бросает университет. Затем он пошёл к Колин Янг и сказал то же самое.

Решение Джима бросить учёбу возникло всего за неделю-другую до окончания занятий, во время двухдневного просмотра студенческих

фильмов. Этот просмотр был главным событием учебного года, близким к последним экзаменам, и главным из того, что давала киношкола. Хотя её окончание не зависело от того, будет ли студенческий фильм отобран для дальнейшего показа на публике в Royce Hall УКЛА, соревнование за такое “признание” было грандиозным.

Большинство из сорока (или около того) фильмов, показывавшихся в том мае, были сделаны в мастерских “Projekt 170”, в которых создавались короткие немые фильмы с “голосом за кадром” или со “звуковой дорожкой за кадром”. Съёмки обычно проходили по субботам, и каждый из студентов должен был попробовать себя во всех ролях – в качестве оператора на одной неделе, актёра на следующей, звукорежиссёра на третьей и, таким образом, принять участие в разных составных частях своего собственного фильма.

Джим не написал сценарий для своего фильма, говоря Джону ДеБелле, приглашённому оператором: “Я покажу, как мы это делаем”. Джим имел в виду, как и изобразил это потом, “ фильм, который ставит вопрос о самом процессе его создания… фильм о фильме”. У него не было названия, он был построен каккалейдоскоп, или быстрая последовательность абстрактных и вольно соединённых событий – то, что ДеБелла иногда называл “расплывчатой смесью образов создателя фильма и его взгляда ”. Он начинался с того, что Джим делал гигантскую затяжку из трубки с травой иоткидывал назад голову. Затем камера переходила на покачивающиеся испытательные образцы, использовавшиеся в качестве титров телешоу “Outer Limits”. Затем шла сцена с женщиной (немкой, подругой ДеБеллы), одетой лишь в бюстгальтер, панталоны и пояс-подвязку, а камера медленно двигалась от её лица к острым коленям, танцующим на верхней крышке телевизора, по которому в это время показывали марширующих на параде фашистских солдат. Затем была сцена в доме (у Джима), стены которого были оклеены картинками обнажённых фигур из “Плейбоя”, использовавшихся в качестве мишеней для метания стрел. Несколько человек, застыв, смотрели холостяцкое кино, но фильм прекратился, и люди, вскочив, начали изображать пальцами тени против белого света на экране. Потом следовал крупный план девушки, лижущей глазное яблоко ДеБеллы (очищая его от грязи, собранной со всех виденных им образов). Последний кадр выключающийся телевизор с картинкой, сливающейся в белую линию, затем в точку и, наконец, в темноту.

Просмотр был таким же хаотичным, как и фильм. Сначала разошлись склейки, и фильм не шёл через проектор. Джима попросили

переклеить его заново, чтобы в тот же вечер его показать. Когда это было сделано, мнения о фильме разошлись – от замешательства до восхищения и до недовольства. Некоторым из студентов показалось, что Джим сводит их с ума, а некоторые даже пытались это комментировать, хотя большинство ревело лишь от удовольствия увидеть подругу ДеБеллы в нижнем белье. Даже Эд Брокау, которому обычно был интересен ход мыслей Джима, говорил теперь, будто бы подбрасывая пальцами несуществующий баскетбольный мяч и ударяя левой рукой по правой: “Джим… Я ужасно разочарован”. Фильм не включили в программу показа в Royce Hall, а Джим получил “почетную D”.

Джима задело это непризнание. Кто-то говорил, что он вышел и заплакал. Было это правдой или нет, но он был явно раздражён. Сначала он пытался защищаться, потом обиделся и в конце концов объявил о своём немедленном уходе из УКЛА. Колин Янг пыталась отговорить его, но в июне, когда Джим должен был получать диплом, он гулял по Венецианскому пляжу, покуривая траву.

К этому времени Джим и Мэри решили разойтись. Она попрежнему настаивала на том, что будет звездой – этому её убеждению Джим сначала потакал, а потом пытался разубедить её. Потом она сказала, что прошла просмотр в качестве танцовщицы в “Whiskey a Go Go”, клубе, открывшемся в январе на Сансет Стрип. Джим говорил ей, что не хотел бы видеть её в короткой юбке с бахромой, вращающую задницей перед пьяницами средних лет, в стеклянной “клетке”. Ещё раз они поругались, когда она познакомилась с новым агентом, и тот посоветовал ей не сниматься в фильме, который хотел делать Джим, потому что появление в студенческом фильме могло угрожать её карьере. Они поругались в третий раз, когда Мэри неожиданно явилась домой к Джиму и застала его с другой. Джим тогда заявил Мэри, что она не имеет права появляться в его доме без приглашения. Кроме того, вежливыми, но раздражающими были напоминания Мэри о том, что, по её мнению, он употреблял слишком много наркотиков.

Джим увидел Рэя Манзарека, идущего по территории студенческого городка. Рэй был другом Джона ДеБеллы. Джим восхищался Рэем и тайно рукоплескал тому, что тот отказался редактировать в своём фильме снятую им сцену со своей обнажённой подругой. Джима, кроме того, притягивала музыка Рэя, и он слушал его и его группу “Rick and the Ravens” в “Turkey Joint West” в Санта-Монике, неподалёку от пляжа. Однажды Рэй пригласил Джима на

сцену вместе с некоторыми другими студентами киношколы, и каждый из них, напившись пива, с треском падал в припеве “Луи, Луи”. Теперь, в июне, команду Рэя пригласили сыграть вместе с “Sonny and Cher” на выпускном балу в средней школе. Но когда один из участников группы отказался от этого и Рэй позвонил в школу, чтобы сказать, что будет пять музыкантов вместо шести, ему ответили, что, если не будет шести музыкантов, как в контракте, им не заплатят.

Эй, парень, – сказал Рэй, увидев Джима, – хочешь поиграть с нами?

Я никогда ничего не играл, Рэй.

Это ничего, всё, что тебе нужно будет делать, это стоять на сцене и держать электрогитару. Мы обмотаем шнур за один из усилителей. Мы даже не подключим её.

Джим потом говорил, что это были самые лёгкие деньги, которые он когда-либо зарабатывал.

Глава 3

– Знаешь, что нам нужно сделать?

Джим растянулся на кровати, уставившись в потолок. Он сказал это тем голосом, который хорошо знали его друзья – путаной смесью грубой насмешки и неуловимой иронии, которая оставляла слушателя в недоумении – шутит он или говорит всерьёз. Иногда Джим использовал этот голос, чтобы скрыть злобное поддразнивание. Иногда, как и сейчас в случае со своим другом из Флоридского Государственного университета Сэмом Килманом, приехавшим в Лос-Анджелес вскоре по окончании занятий, Джим использовал этот голос, чтобы скрыть свои сомнения по поводу того предложения, которое он собирался сделать. Это уменьшало для него риск.

Нет, – сказал Сэм, – что?

Создать рок-группу, – сказал Джим, всё ещё глядя в потолок.

Чёрт, парень, я не играл на барабанах семь лет… а что ты собираешься делать?

Джим сел.

Я собираюсь петь. – Он промычал эти слова. – Я-а-а… со-бирр-ра-а-а-юсь пе-е-е-т-ть.

Сэм скептически посмотрел на Джима.

– Ты умеешь петь? – спросил он.

Чёрт возьми, нет! Я не умею петь! – рявкнул Джим.

Ну и так, Джим, ты говоришь, что мы создали бы рок-группу, и говоришь, что ты мог бы петь – хотя ты этого не умеешь – как бы мы её назвали?

– “ Двери”. Это ясно. И – неясно. И это то, что делит надвое – дверь, и это то, чем я хочу быть. Я-а-а хоч-ч-чу быть две-е-е-р-рь-ю-ю-у-у…

Джон ДеБелла и Фил Олено уехали в Мексику; Деннис Джэкоб и Феликс Винэйбл оставались в Венеции, Джим подумывал о переезде в Нью-Йорк, но остался на несколько недель на Западе, в Лос-Анджелесе, ища работу вместе с Сэмом, а потом он тоже переехал в Венецию. Более подходящим словом для этого переезда было бы “бегство”, и вызвано оно было весьма неприятной новостью. Он сдал физкультурные тесты для армии 14 июля, а двумя днями позже узнал, что зачислен в список призывников; это означало, что кончилась его студенческая отсрочка, и он был классифицирован 1-А.

Джим, недолго думая, солгал в представительстве, что всё ещё

числится в УКЛА, но для этого требовалось подтверждение. На следующий день он явился в университет и записался на несколько курсов, посещать которые не собирался.

Венеция идеально подходила для Джима. Маленькое художественное сообщество с каждым днём привлекало всё больше и больше длинноволосых “беглецов” и художников. Пляж покрыт телами, из радиоприемников весело звенят тамбурины, собаки охотятся на Frisbees, круги скрещенных ног в голубых джинсах курят марихуану, в главном местном магазине изпод прилавка продаётся ЛСД. В Сан-Франциско был Хэйт, а в Лос-Анджелесе – Венеция. Как раз начиналась эпоха хиппи.

Джим был одним из безымянных бродяг с длинными волосами, в тенниске и джинсах. Какоето время они с Деннисом Джэкобом жили в будке на берегу грязной канавы, а потом Джим переехал на пустовавшую крышу какого-то склада. Там у него была свеча, горелка Бансена, чтобы подогреть случайные консервы, и одеяло. Он редко спал и ел, разве что жадно поглощал хорошую кислоту, которая насквозь пропитывала пляжное сообщество, и здесь он начал писать, создавая за одну вспышку вдохновения больше материала за меньшее время, чем когда-либо позже.

Да, – говорил он, – рождение рок-н-ролла совпало с моей юностью, моим вступлением в сознательную жизнь. Это действительно было открытием, хотя в то же время я никогда не мог позволить себе всерьёз фантазировать о том, что когда-нибудь я сам буду этим заниматься. Я всё тогдаугадал, я неосознанно накапливал силы и наклонности. Моё подсознание подготовило всё это. Я об этом не думал. Но было такое ощущение: я слышал весь концерт целиком, с группой – и пение, и аудиторию, большую аудиторию. Те первые пять или шесть песен, что янаписал, я просто записывал с фантастического концерта, происходившего у меня в голове.

Хотя то, о чём здесь говорилось, происходило с Джимом неожиданно, те музыкальные звуки, которые он улавливал своим умом, требовали реализации.

Действительно, я думаю, что музыка приходила мне на ум раньше, а затем я придумывал слова, чтобы положить их на мелодию, какой-то вид звука. Я мог слышать мелодию, но поскольку я не умел записывать её музыкально, мне оставалось, чтобы запомнить её, только попытаться придумать слова и положить их на музыку. И много раз я заканчивал как раз словами, а мелодию вспомнить не мог.

Привет, я люблю тебя,

Не скажешь ли ты мне свое имя?

Привет, я люблю тебя,

Позволь мне участвовать в твоей игре.

Это было в 1965-м году, за три года до того, как мир услышит “Привет, я люблю тебя”; Джим сидел на песчаном пляже в Венеции, глядя на молодую стройную высокую чёрную девушку, медленно приближающуюся к нему.

Тротуар припадает к её ногам

Как собака, которая просит чего -нибудь сладкого.

Ты надеешься сделать её зрячей, дурак?

Ты надеешься овладеть этим тёмным сокровищем?

Для “Конца ночи” он черпал вдохновение из романа французского приверженца нацизма и несокрушимого пессимиста Луи Фердинанда Селина “Путешествие в конец ночи”: “Идём по шоссе из конца ночи…” Третья песня, “Кухня души”, была посвящена “Olivia”, маленькой душевной забегаловке около венецианского пассажа, где Джим мог взять большую тарелку коротких рёбер, фасоли и кукурузного хлеба за 85 центов и обед с бифштексом за 1 доллар 25 центов. Ещё одна песня, “Мои глаза увидели тебя”, включает описание всех телеантенн, которые Джим видел с крыши: “Пристально глядя на город под телевизионными небесами…”

Несмотря на очевидное происхождение этих песен, они необычны. Даже простейшие из них имеют загадочную или фантастическую особенность, ритм, строчку или образ, которые придают стихам необычную силу. Как в том случае, когда он вставил строчку “Лица выглядят уродливо, когда ты один” в “Люди странные”. А в песне об “Olivia” была строфа: “Твои пальцы плетут быстрые минареты, / Говоря тайными алфавитами. / Я зажигаю ещё одну сигарету, / Учусь забывать, учусь забывать, учусь забывать”.

Эти первые песни-поэмы происходили из темноты, которая так привлекала Джима, ощущавшего себя её частью. Видения смерти или безумия были им выражены пугающе, будто с принуждением. В одной песне, ставшей позднее частью длинной работы “Празднование Ящерицы”, Джим писал: “Однажды у меня была несложная игра: / Мне нравилось ползать в своём мозгу. / Я думаю, ты знаешь, какую игру я имею в виду, / Я имею в виду игру “стань сумасшедшим””. В “Прогулке в лунном свете”, ещё одной приятной песенке о любви с богатой образностью, так сильно воздействующей на чувства слушателей, что она больше походила на рисунок, чем на стихотворение, Джим написал удивительную концовку: “ Давай, baby,

давай совершим небольшую поездку / Вниз, вниз, к берегу океана. / Если мы сделаем это, мы станем действительно одним целым / Baby, давай утонем сегодня вечером, / едем вниз, вниз, вниз, вниз…”

Однажды, сочинив несколько песен, Джим сказал себе: “Я должен их петь”. В августе он получил такой шанс, когда неожиданно столкнулся с Рэем Манзареком, шедшим по Венецианскому пляжу.

– Привет, парень!

Привет, Рэй, как дела?

О’кей. Я думал, ты уехал в Нью-Йорк.

Нет, я остался здесь. Живу вместе с Деннисом и за его счёт. Пишу.

Пишешь? Что ты написал?

О, немного, – сказал Джим. – Всего несколько песен.

Песен? – спросил Рэй. – Можно их послушать?

Джим присел на корточках на песок, Рэй встал перед ним на колени. Джим, отталкиваясь руками, раскачивался из стороны в сторону, продавливая песок сквозь пальцы; глаза крепко закрыты. Он выбрал первое четверостишие из “Прогулки в лунном свете”. Слова лились медленно и бережно.

Давай уплывем на Луну, / ах-ха

Давай поднимемся сквозь течение,

Пройдём сквозь вечер, в котором

Город спит, чтобы спрятаться…

Когда он закончил, Рэй сказал:

Это величайшая, чёрт возьми, песенная лирика, которую я когда-либо слышал. Давай создадим рок-н-ролльную группу и заработаем миллион долларов.

Именно так, – сказал в ответ Джим. – Это как раз то, о чём я всё время думаю.

Рэй был худощав, за что “пляжное сообщество” называло его “костлявым”. Он был около 185 см ростом, стройный, и весил килограмма 73. У него были очень широкие плечи, крепкая прямоугольная челюсть, холодные “умные” очки без оправы. Если верить в обычные голливудские клише, его стоило бы причислить к тем, кем он был совсем недавно – к серьёзным и ответственным студентам-выпускникам, или к тем, кем он вполне мог стать каким-нибудь строгим молодым учителем в приграничном городе Канзаса. Но была в нём и мягкость. На квадратном подбородке у него была ямочка, а голос был всегда сдержанным, любезным, успокаивающим. Рэю нравилось принимать на себя роль старшего брата каждого

организованного, умного, зрелого, мудрого, способного на великое сочувствие и на огромную ответственность.

Он был на четыре года старше Джима, родился в 1939-м году в Чикаго в семье рабочих. После обучения игре на классическом пианино в местной консерватории, получив степень бакалавра экономики в Депольском университете, Рэй записался в юридическую школу УКЛА. Через две недели он бросил её, получив место практиканта-менеджера в филиале Вествудского банка Америки; здесь он работал три месяца до возвращения в УКЛА, наэтот раз в качестве студента выпускного курса отделения кинематографии. Романтические планы рухнули в декабре 1961-го, когда Рэя призвали в армию. Хотя у него были несложные обязанности – играть на пианино в интернациональной группе военнослужащих в Окинаве и Таиланде (где его приучили курить траву) – Рэй хотел от этих обязанностей избавиться и говорил армейскому психиатру, что с радостью бы вернулся домой. Его демобилизовали на год раньше срока, и он вернулся в киношколу УКЛА как раз в то время, когда туда приехал Джим.

Рэй начал делать фильмы исключительного качества, все они были автобиографичны, все они прославляли чувственность его японско-американской подруги Дороти Фьюджикава. В одном из них, названном “Evergreen”, была сцена, кажется, навеянная повторяющимися кадрами медленно бегущих навстречу друг другу мальчика и девочки в “Хиросима – любовь моя” Алана Реснэ и заканчивающаяся встречей под ливнем обнажённых Рэя и Дороти. Попечитель факультета хотел, чтобы Рэй подредактировал эту сцену, и он было согласился, но когда некоторые студенты стали обвинять его в пустом хвастовстве, он отказался от обещания и представил свою “авантюру” на студенческий просмотр в декабре, объясняя, почему фильм не показали. (Со временем этот фильм, как и все остальные, сделанные Рэем, будет показан и оценен). В июне, когда он получил мастерскую степень, руководитель отделения Колин Янг говорила, что Рэй был в тот год одним из немногих студентов, способных двигаться дальше, к полнометражным фильмам. Даже журнал “Nesweek” обратил внимание на ранние достижения Рэя.

Рэй познакомился с Джимом через Джона ДеБеллу, и вскоре они стали действительно хорошими друзьями; они никогда не были особенно близки, но разделяли пристрастие к интеллектуальности и безыскусной ницшеанской философии. Они расходились во многом. Рэй никогда не забывал побриться, складки его брюк всегда были

отутюжены. Джим был нарочито неряшлив, одевался в тенниску песочного цвета и джинсы, а по ночам, когда было холодно, он носил грязную спецовку сварщика, позаимствованную когда-то. Рэй самостоятельно изучал мысль Востока, а в 1965-м году начал изучать трансцедентальную медитацию Махариши Махеш Йоги, в то время как Джим не приобщился к этому, считая, что этот Путь лежит через наркотики и шаманизм. Рэй был натуральным эстетом, а Джим наслаждался дионисизмом, а порой и просто купался в нём. Но при всём при этом их влекло друг к другу и, когда они встретились на венецианском пляже, Рэй предложил Джиму переселиться к нему – можно было спать на кушетке в гостиной, а днём, покаДороти была на работе, можно было работать над песнями. Джим сразу же переехал, и вдвоём они взялись за дело.

Голос у Джима был слабый, но они с Рэем сошлись на том, что на самом деле он был сильным и что со временем это проявится. В течение двух недель они очень плотно работали над песнями, Рэй играл на пианино в своём маленьком домике, а Джим нервно держал перед собой стихи для верности (хотя он знал их все наизусть), стоял неподвижно, мечтая о том, чтобы исчез тот ком, который (он был уверен) застрял у него в горле. Потом Рэй привёл Джима в дом своих родителей, где репетировали “Rick and the Ravens”.

Стихи Джима покорили братьев Рэя. Очевидно, Рик и Джим Манзареки не понимали Джима или его стихов, но они согласились попытаться помочь им в работе. Другие знакомые тоже не понимали Джима. Когда Рэй встретил двух своих приятелей по киношколе и сообщил им, что создал группу вместе с Джимом, они были в шоке. “Ты – в группе с Моррисоном? Ради Бога, Рэй, охота же тебе страдать подобной фигнёй?” К Джиму всё ещё относились как к экстравагантной, хотя и довольно умной, но шелухе. Многие однокурсники не создали ни одной группы; Моррисон использовал один шанс из миллиона, чтобы её создать.

Рэй оставался к нему лоялен, видя в Джиме и то, что видели другие, и то, что Джим сам едва начинал сознавать. Наиболее очевидной его переменой была внешняя. Джим похудел с 75 до 60 кг и потерял свою характерную “круглолицесть” – теперь он был худощавым и курчавым. При таком телосложении у него были ещё более длинные волосы, отращенныенад ушами и вьющиеся поверх воротника, обрамляя лицо, утратившее свою важность и ставшее явно привлекательным. Перемена была разительна.

Но главная перемена произошла в том, что он чувствовал.

Безумная зудящая тайна, потусторонний магнетизм его, казалось, сами притягивали всё, что ему было нужно.

Вскоре после того, как Джим познакомился с братьями Рэя, они с братьями Манзареками перенесли свои репетиции в домик за автостанцией Greyhound в Санта-Монике, где к ним присоединился новый барабанщик – Джон Денсмор, с которым Рэй познакомился в медитативном классе.

У Джона было много общего с Джимом. Оба они были по происхождению представителями среднего класса; отец Джона был архитектором. У обоих были брат и сестра. В средней школе оба проявили способности к занятиям спортом; у Джона это был теннис, а Джим отличался в плавании. С Рэем Джон разделял увлечение джазом, а также жадность и преданность новообращённого йогическим дисциплинам Махариши.

Джон говорил Рэю и Джиму, что у него был вспыльчивый характер, и он надеялся, что медитация поможет ему научиться контролировать себя. Ему было двадцать лет, и он всё ещё жил дома (что делало его неизбежно предметом насмешек Джима), хотя он страстно стремился порвать с родителями, тоскуя по свободе, которую могла дать работав действующей группе. Пройдут годы, в течение которых Джим и Джон будут вместе работать в “`Doors”, но они никогда так и не станут близкими друзьями.

Джон играл на ударных с 12 лет. В средней школе при университете в Западном ЛосАнджелесе он играл на перепончатых силках, затем переключился на джаз – во время учёбы в колледже, сначала в Санта-Монике, потом в Лос-Анджелесе и, наконец, в Государственном колледже Сан -Фердинандской долины, который он закончил.

После двух недель репетиций Рэй и его братья, вместе с новыми вокалистом и барабанщиком, а также со знакомой басисткой (девушкой, чьё имя всеми забыто) пришли на студию звукозаписи “World Pacific” на Третьей улице в Лос-Анджелесе. У “Rick and the Ravens” был контракт с “Aura Records”, и они уже выпустили пару песен с вокалом Рэя под именем “Screaming Ray Daniels”2. Вышедший сингл остался незамеченным, но “Aura” решила дать ребятам немного свободного студийного времени вместо записи большего количества песен. “ То, что мы получили, была ацетатная демозапись, – говорил несколько лет спустя Джим, – и у нас было три копии”.

Это были записи, которые Джим, Рэй, Джон и иногда – Дороти Фьюджикава носили из одной компании звукозаписи в другую; это

были песни, которые Джим написал в Венеции тем летом, в том числе “Прогулка в лунном свете”, “Мои глаза увидели тебя” (песня, называвшаяся тогда “Стань сумасшедшим”), “Конец ночи” и безобидный маленький напев с извечной темой “Лето почти ушло”. Песни и группа отвергались всеми компаниями звукозаписи.

Примерно в это время Джим познакомился с Памелой Корсон.

Памела была рыжеволосой девушкой всего восемнадцати лет. На тыльной стороне рук, на бледном, утончённом и ласковом лице, да и по всему телу, как корица, были рассыпаны веснушки. Она носила прямые длинные волосы с пробором посередине. У неё были полупрозрачные бледно-лиловые глаза, невероятно большие – этим она напоминала портреты кисти Вальтера или Маргарет Кин – девушку ранимую, зависимую, прелестную.

Она родилась 22 декабря 1946 года в Виде, штат Калифорния, в нескольких милях от горы Шаста, считавшейся у индейцев священной. Её отец, как и отец Джима, был морским лётчиком – но бомбардиром, а не штурманом, и теперь он был командиром в Морском резерве США и директором средней школы в Оранже, центре Оранжского округа. Она говорила Джиму, что ушла из художественного класса Лос-Анджелесского колледжа и искала себе занятие поинтересней.

Годами позже Памела скажет, что Джим был тем человеком, который рассказал ей о жизни. Она называла себя “творением Джима”. Он рассказывал ей о философах, выписывая цитаты из каждого, от Платона до Ницше, знакомя её с величайшими достижениями западной мысли. Джим давал ей читать и свои записные книжки, и она сразу же взяла на себя роль хранительницы его поэзии.

Джим перечитывал “Двери восприятия” Олдоса Хаксли: “Большинство этих видоизменителей сознания теперь можно получить только по рецепту врача или – с большим риском незаконно. Для неограниченного употребления Запад допускал только алкоголь и табак. Все другие химические Двери в Стене получили ярлык Дурмана, а их нелегальные потребители Дьяволов”. Джим посмеялся над этим, и начал увеличивать одновременно и разнообразие, и количество принимаемых наркотиков.

Теперь Джим делал всё, что мог, и даже больше того, чтобы расширить свой мозг. Открыть двери восприятия… прорваться насквозь на другую сторону… идти по шоссе к концу ночи… посетить таинственные сцены на золотом прииске… ехать змеёй шоссе… поразительные фразы, которые позднее появятся в его песнях, были записаны в блокнот на тёплом осеннем пляже. Он был уже близок к

открытию своего собственного взгляда и словаря.

Он поглощал кислотные таблетки как пивные зёрна, или аспирин в количестве того, что теперь называется Owsley из Сан-Франциско – настоящую “белую молнию”, безупречно чистую, дешёвую и… ударную. И, конечно, трава – коробки за коробками травы из Мексики. И ещё – кубики сахара.

Прорвись насквозь на другую сторону

Прорвись насквозь на другую сторону

Прорвись насквозь на другую сторону

Джим решил, что настало время сообщить о своих планах родителям в Лондон. Он написал им, что после окончания учёбы попытался найти работу, но его кинодиплом не воспринимали всерьёз, и поэтому теперь он вошёл в состав рок-группы и стал петь – что они об этом думают?

Отец Джима был в шоке и написал резкое письмо. Он напоминал Джиму о заброшенных им когда -то уроках игры на пианино и о том, как в детстве он отказывался от участия в семейных рождественских песнопениях… а теперь он создал группу? После того, как его отец оплатил счета за четыре года обучения в колледже?

“ Итак, – говорил успешно делающий карьеру кадровый морской офицер, – я думаю, что это чушь ”.

Джим никогда не воспринимал критику легко, а с тех пор он никогда больше не писал своим родителям.

Как-то в октябре в одном из коммерческих журналов, которые Джим и Рэй читали теперь еженедельно, появилась фотография Билли Джеймса. Билли, 33-х лет, бывший актёр, после заключения контракта с “Columbia” делал в Нью-Йорке рекламу Боба Дилана, а в 1963-м году он переехал в Калифорнию, чтобы заниматься рекламой там. Это ему тогда хорошо удавалось, и говорят, что он удовлетворял все обычные заказы, а потом он начал перенимать стиль жизни музыкантов, и в конце концов изменился столь радикально, что не смог больше общаться со своими друзьями с Восточного побережья и почти со всеми звёздами “Columbia”. Поэтому Билли дали новый титул – “менеджер по поиску и развитию талантов” – достаточно неопределённый, чтобы пробиться в традиционные публичные чарты. Столь далёкий от его реальной деятельности, этот титул позволял ему отказываться от того материала, который ему приносили.

Рэй и Джим посмотрели на фотографию. Билли носил бороду.

Быть может, он хиппи, – сказал Рэй.

Когда Билли вернулся после ланча, он обнаружил в прихожей,

рядом с охладителями воды, Джима, Рэя, Дороти и Джона. Он отсутствующе кивнул, предложил ребятам войти, аккуратно взял их ацетатную копию и выслушал их болтовню, которая была очень похожа на ту, с какой к нему приходили уже много раз. Он пообещал им, что, вероятно, позвонит через несколько дней. Через два дня Джима по телефону разыскала секретарь Билли. Она сказала, что тот ждёт их у себя в офисе в удобное для них время.

“ Я сказал им, что мог бы продюсировать их записи, если захочу, но, хотя я чувствовал в них талант, я не был вполне уверен, что смогу перенести это в студию, – вспоминает Билли. – Я знал, что заинтересую ими какого-нибудь продюсера в “Columbia”. Но, поскольку я предвидел здесь некоторые проблемы, я предложил им контракт на пять с половиной лет, включая шесть месяцев испытательного срока, в течение которого компания обязалась продюсировать как минимум четыре дорожки и выпустить как минимум две. Я не хотел, чтобы они порвали контракт после шести месяцев ничегонеделания”.

Джим не мог в это поверить. “Columbia”. Лейбл Дилана.

Несмотря на такое одобрение, группа стала распадаться на части – один из братьев Рэя покинул группу, а другого они заменили. Заменой стал Робби Кригер, гитарист из того же медитативного класса, что и Джон с Рэем.

В свои 19 лет Робби был самым младшим из четвёрки. Он был и наиболее заметным. У него были вьющиеся волосы мягкого каштанового оттенка и рассеянные зелёные глаза, придававшие ему слегка изумлённый взгляд, причиной которому, по мнению некоторых, было также чрезмерное употребление наркотиков или плохо подходящие контактные линзы. Эксцентричному имиджу соответствовала также и его манера говорить – нерешительная, как будто сонная, окончания предложений переходили у него в вопросительную интонацию или шёпот. Но внешность часто обманчива. Помимо этого изумительного детского взгляда у него был острый ум и утончённое чувство юмора, и то, и другое он унаследовал от отца, скромного здорового человека, консультанта государственных и коммерческих структур по планированию и финансам.

Как и Джон, Робби был родом из Калифорнии – он родился 8 января 1946-го года в ЛосАнджелесе одним из непохожих друг на друга близнецов и учился в средней школе при университете. Но Робби посещал также школы в Пасифик Палисад, пляжном пригороде ЛосАнджелеса, и в Менло Парк, фешенебельном пригороде Сан-

Франциско. Год он провел в Калифорнийском университете в Санта - Барбаре, а потом какое-то время учился и в УКЛА, где он в третий раз сменил специализацию и стал изучать теперь физику, когда Джон предложил ему познакомиться с несколькими парнями, которые называли себя “Doors”.

– “Doors”? – сказал Робби, рассеянно усмехнувшись. – Куда подальше…

Робби и Джон играли вместе в группе под названием “Psychedelic Rangers”3. До сих пор он думал, что это было необычное название.

Робби рассказывал Джиму, что начал играть на гитаре в пятнадцать лет, а в восемнадцать восхищался Монтойей и Сеговией. Но ему не пришлось столь же часто менять музыкальные стили, как школы; он быстро переходил от фламенко к фолку, затем к блюзу, затем к року. Особенно ему нравились фолковые музыканты, рассказывая об этом Джиму, он вспоминал то время, когда отправился в Стэнфордский университет посмотреть на Джоан Бааз. Джим, конечно, начал говорить о Дилане. Тогда Робби подключал гитару и небрежно играл какоенибудь “горлышко бутылки”. Джим слышал подобное на записях, но тут он впервые увидел, как это делается. Одно время ему хотелось, чтобы Робби изображал “горлышко бутылки” в каждой песне.

Профессиональные разговоры и репетиции продолжались, так что четвёрка срасталась всё ближе, встречаясь каждый день – у Рэя, у Робби дома, где в боковой комнате у родителей было пианино, или в доме у кого-нибудь из друзей в Венеции. Пять дней в неделю с утра до вечера они репетировали. Иногда они работали и в выходные – в барах на застольях, свадьбах ивечеринках – особенно налегая на несколько легко узнаваемых песен, таких, как “Луи, Луи” и “Глория”, и время от времени играя какую-нибудь из своих собственных композиций. Джим всё ещё робел и боялся повернуться лицом к аудитории, пусть даже очень маленькой, он поворачивался спиной к танцплощадке или же, когда он стоял к ней лицом, он закрывал глаза и держался за микрофон, как если бы он был тем единственным, что удерживало его от того, чтобы не провалиться сквозь сцену. Фактически, на большинстве самых ранних выступлений “Doors” почти все песни пел Рэй, а Джим при этом подпевал, извлекая звуки из губной гармошки или мыча “Йеа!” и “Давай!”

Фил Олено работал ночным менеджером в супермаркете, и в те редкие дни, когда у Джима не было репетиций, они часто вместе убивали время, куря наркотики и болтаясь по городку УКЛА, беседуя

со студентами художественного отделения. Одной из них была Кэти Миллер, которая была на год или два моложе Джима и внешне чем-то напоминала Тьюзди Вельд невинная, светлая, неземная.

Кэти была девушкой чувствительной, неуверенной в своих способностях, все свои фразы начинавшей с извинений. Но главную боль доставляло ей её великодушие. Она как будто пыталась быть матерью всех сбившихся с пути детей, которых она встречала в школе и университете. Джиму она предложила останавливаться в её доме в любое время, когда он этого хотел, и готовила ему шикарную еду, настаивала, чтобы он при необходимости пользовался её машиной. Так что иногда Джим исчезал вместе с её машиной на несколько дней, вынуждаяКэти ходить пешком. Иногда он оставался в её доме по несколько дней, устраивая там страшный беспорядок и оскорбляя её, ругая её последними словами, хвастаясь спьяну другими женщинами, бывшими в его жизни, угрожая попортить ножом развешанные по стенам картины, которые она писала в университете. В то же время он уверял её, что она была прекрасна, просто замечательна – так он говорил ей.

Тебе обязательно нужно познакомиться с Джимом, – говорила она своей подруге Розанне Вайт, тоже студентке-художнице. Розанна слышала некоторые рассказы Кэти, и Джим совсем не привлекал её, но когда они, наконец, познакомились, она была очарована. Он часто ходил без рубашки, а его длинные волосы в сочетании с манерой встряхивать головой, образуя пучок мышц на шее, заставляли Розанну думать, что внешне он похож на ожившую греческую статую. Она была также заинтригована его голосом, который за те шесть месяцев, что они регулярно общались, ни разу не звучал иначе как шёпотом. Розанна немного боялась Джима, но всё же она предложила ему чёрную кушетку в своём доме, предоставляя, таким образом, ещё одно место, куда он мог явиться без приглашения в любое время.

Квартира Розанны была столь же скромна, сколь шикарна была квартира Кэти. Она питалась натуральной пищей, и еды никогда не было в избытке, а поскольку она никогда не курила марихуану, то у неё не было и плохой пищи, привычной любителям травы. Она даже редко пила вино, поэтому Джим должен был приносить его с собой. Но зато у неё был органический шампунь, который ему нравился, и часто, вернувшись с занятий, Розанна заставала его в ванной комнате, в джинсах и ветхой пижаме, позирующего перед зеркалом, втягивающего щёки с голодным, преследующим взглядом, как манекенщица из журнала “Vogue”, прихорашивающего ещё влажные,

непричёсанные волосы.

Джим, – сказала она однажды, – почему ты не расчешешь волосы?

Джим последний раз хлопнул себя по волосам и взглянул на Розанну с почти карикатурной сексуальностью.

Потому, что я хочу быть похожим на крыло птицы. – Затем он погладил себя, сложив руки на груди, чтобы ощутимо показать свои бицепсы через тонкую фланель, нетерпеливо глядя на нее.

Однажды ночью, вскоре после того, как они с Джимом познакомились, он явился к ней вместе с Джоном Денсмором и Кэти, которые оба вскоре ушли, оставив Розанну и Джима одних. Розанна, которую всё больше раздражали самодовольство и шёпот Джима, решила ему прямо об этом сказать.

Что за гадость! – сказала она, когда Джим опять начал что-то ей шептать. – Ты не можешь на самом деле так разговаривать. Немедленно прекрати.

Джим прошептал на это весьма непристойное предложение, говоря Розанне, что ведь, если честно, то она хотела бы лечь с ним в постель.

О господи, Джим! – сказала она с отвращением. – Не будь настолько фальшивым. Ты всё время обкуренный, и я не могу иметь с тобой отношений. Я не могу даже говорить с тобой сейчас, потому что мне кажется, что ты опять обкурился и что ты врёшь. Джим, ты ломаешь комедию.

Джим кинулся на кухню и через несколько секунд вернулся с кривым ножом из углеродистой стали. Стоя перед ней, он схватил её правую руку за запястье и резко заломил её за спину, крепко сжав. Её блузка в движении расстегнулась, и Джим поднёс лезвие к плоти её мягкого живота.

Ты не можешь говорить это мне, – прошептал он. – Я порежу тебя и посмотрю, как ты станешь кровоточить. – Его слова звучали серьёзно.

Кто-то вошёл в дом. Джим обернулся и увидел неожиданно вернувшегося Джона Денсмора. Джим посмотрел на Розанну, затем на нож, который держал в руке. И засмеялся.

Ого, что это? Нож? Откуда он здесь взялся?

После этого Розанна извинилась, и в ответ извинился Джим, спросив, можно ли переночевать на её кушетке. Она сказала “да”.

Как-то в ноябре Джим позвонил Рэю. Было 8 утра, и Джим был сильно под кайфом. Он хотел собрать всех на репетицию. Рэй сказал,

что ещё слишком рано. Джим настаивал, говоря, что если Рэй сейчас же не согласится, то он уходит, и конец “Doors”. Рэй ответил Джиму, что они увидятся позже.

Уже через несколько часов Джим с Феликсом Винэйблом в доме Фила Олено отходили после наркотика. Они говорили о каких-то виденных ими картинках – паутинном кружеве, сплетённом под действием ЛСД и мескалина. Олено достал книгу, взятую в библиотеке УКЛА, и открыл её на фотографиях. Паутинное кружево, созданное пауками под кислотой, было геометрически правильным, апод воздействием мескалина паутинки были произвольной формы, хаотичны, нелогичны, возможно (сказал Джим), безумны. Они решили, что должны попробовать мескалин в чистом виде – кактус пейотль. Это означало – ехать в пустыню, в Аризону.

Троица отправилась на восток в полуразвалившейся красной “Chevy” Фила с откидным верхом, не имевшей ни первой, ни последней передачи. Когда они ехали через Хаутон, сразу за Лос - Анджелесом, Джим резко затормозил машину, выскочил, подбежал к какой-то девочке и поцеловал её, бросившись назад к машине как раз в тот момент, когда постовой искал чтото перед “Chevy”. Эксцентричный поступок Джима не остался незамеченным. Полицейский спросил у него документы и, обратившись к девочке, выяснил, что ей было всего 14 лет.

Давай, – сказал Джим, – ну, почему ты не расстреляешь меня? Давай, ну, трахни меня, ты, навозная задница, расстреляй меня!

Как ни странно, полиция отпустила их, хотя и с предупреждением. Путешествие на восток продолжилось.

Через два дня, когда Джим и Феликс вернулись без Фила, все в синяках и царапинах, начались рассказы. Одним Джим говорил, что, приехав в Аризону, они встретили там нескольких индейцев, отправились вместе с ними в пустыню, чтобы выпустить несколько стрел вокруг кактуса пейотля, потому что, если вы сможетенатянуть лук и выпустить стрелу, это значит, что вы достаточно сильны для хорошего путешествия. Потом они жевали пейотль, а после всего Фил решил отправиться в Мексику.

Другим они рассказывали всё иначе, объясняя, в частности, происхождение синяков. По одной из таких версий, Джим, Фил и Феликс никогда не встречали никаких индейцев и никогда не находили никакого пейотля, но вместо этого они встретили нескольких чикагских гопников, которые жили на реке Колорадо и которые не упускали случая поколотить длинноволосых.

В “Columbia” дело не двигалось. Контракт был подписан, и по этому поводу был праздничный обед дома у Робби, но после этого – ничего. Билли Джеймс не смог добиться внимания кого-нибудь из штатных продюсеров “Columbia”. “Doors” продолжали репетировать, играть на случайных вечеринках и прослушивались везде, где только могли.

В декабре на просмотре в киношколе УКЛА, в который были включены и прошлогодние учебные работы Рэя, “Doors” появились на сцене – это было их первое действительно публичное выступление – импровизируя звуковую дорожку с акустическими инструментами. Потом они прослушивались в клубе в Вестчестере, базовой точке “Turtles”, популярной тогда лос -анджелесской группы, но их оттуда выгнали. Подобным же образом их завернули из “Bido Lito’s”, крошечного, но очень хиппового клуба в Голливуде, где довольно долго основной группой была “Love”. Проблема, как им говорили, была в отсутствии достаточного басового звука.

Они стали приглашать на репетиции басистов, но звук был слишком плотным, подобно “Rolling Stones” (они играли много таких песен), или некоторым электрическим блюзовым командам. Они пока не были уверены, что хотели столь сильно изменить свой саунд, и всё ещё прослушивались в клубах без басиста; в начале января им предложили работу в качестве постоянной группы в “London Fog”, маленьком клубе на Сансет Стрип менее, чем в 50 метрах от “Whiskey a Go Go”, у хозяина которого было непривлекательное имя Джесси Джеймс. Увидев снаружи вывеску “DOORS – группа из Венеции” “Doors” были в восторге. В первый вечер, когда они играли в клубе, не было ни одного посетителя.

Условия, предложенные им хозяином, были столь скупы, что, казалось, он пытался хотя бы с их помощью заполнить клуб их друзьями из УКЛА в тот вечер, когда они прослушивались. Поскольку “Fog” не был профсоюзным клубом, как “Bido Lito’s”, нанимали и музыкантов – не членов профсоюза, и клуб не платил им профсоюзного минимума. “Doors” играли с девяти до двух часов ночи, пять отделений за раз с пятнадцатиминутными перерывами каждый час, шесть раз в неделю. За это им платили по 5 долларов каждому в будни и по 10 долларов каждому – по пятницам и субботам. Расплачивались наличными в конце вечера – если у хозяина были деньги.

Близость “Whiskey” никак не влияла на размер и состав аудитории ранних “Doors”. Несмотря на специфическое название,

“London Fog” часто посещали, главным образом, моряки, юродивые, сутенёры, наркоманы, одетые в чёрное мафиози и случайные туристы. Все они искали того действа, которое можно было найти и в другом месте.

Между отделениями “Doors” бегали по улице вниз к “Whiskey”, где им разрешалось стоять у входа и смотреть на главных исполнителей, надеясь когда-нибудь стать (как это позже назовёт Джим) “такими же большими, как “Love””, самая популярная тогда андеграундная команда Лос -Анджелеса.

Кроме всего прочего, работа поддерживала их и давала им возможность почувствовать уверенность в себе в процессе совершенствования собственного материала. Сначала Джим всё ещё пытался в паузах играть на губной гармошке и на клавишных (пока Рэй играл на флейте). Но как только он стал уделять больше внимания визуальному представлению, он прекратил играть на инструментах. У Рэя появился клавишный бас “Fender”, на котором он мог играть левой рукой, продолжая правой бить по струнам и вести соло на органе“Vox”, который купила ему “Columbia Records”. Так был решён вопрос с басом.

К февралю в репертуаре группы было не менее 40 песен, из которых около 25 – своих собственных, в том числе “Конец”, который в начале 1966-го года был не более, чем красивой песней о фантастической любви.

Это конец, дорогой друг,
Это конец, единственный друг. Конец
Наших тщательно продуманных планов. Конец
Всего, что было устойчиво, конец.
Нет ни безопасности, ни удивления, конец.
Я никогда не загляну в твои глаза опять.

За исключением “Песни Алабамы”, взятой из мюзикла Брехта – Вайля о славе и упадке предвоенной нацистской Германии “Взлёт и падение Мохагоннии”, песни, которые играла группа, были старой блюзовой классикой и известными рок-хитами, такими, как “Деньги”,

“Человек черного хода”, “Глория” и “Луи-Луи”. Теперь уже Джим пел их почти все.

Шли недели за неделями, Джим становился всё более уверенным в себе. Он не считал, что обладает великолепным голосом (он говорил: “я не пою, я кричу”), но знал, что его вокал становится всё лучше. Группа становилась всё менее застенчивой, Джим драматическим жестом накидывал на микрофон чёрный носовой платок, а затем с

чувством вытирал им лицо.

Ещё важнее для “Doors” было растущее чувство их “единения”. Каждый день репетируя, а теперь и играя вместе на публике, три музыканта и певец хорошо изучили способности и возможности друг друга и хорошо этим пользовались. Напористый, чем-то напоминающий церковный, орган “Flash Gordon” Рэя; джазовые барабаны Джона, особенно выделяющие стихи Джима; утончённоеи, по-видимому, импровизированное блюзовое и фламенковое перебирание струн Робби; хрипловатый, неровный, но чувственный тенор-баритон Джима всё это вместе слилось в стиль, намёк на который на демодиске был едва заметен. Ещё долго Джим стоял спиной к публике, поворачиваясь к музыкантам, вновь создавая достигаемое на репетициях состояние, когда, по соглашению с Рэем, они поворачивались друг к другу, чтобы “направить друг другу наши энергии”. С помощью ЛСД, говорит Рэй, “Doors” развивали свой “дух братства”. Большинство музыкантов, которые какое-то время играют вместе и которые уважают творческие поиски друг друга, чувствуют близость, непостижимую для немузыкантов и не-певцов. “Да, – говорит Рэй, – это было то самое. Но в этом была ещё и необычная интенсивность ”.

У них было и необычное партнёрское соглашение, согласно которому всё делилось поровну. Джим писал почти все песни, но он настоял, чтобы при записи в качестве композитора были названы “Doors”, так что авторские гонорары и все другие доходы впредь будут делиться поровну, на четверых. А все решения будут приниматься не большинством, а единогласно.

Джим стал привносить на сцену наркотики, иногда “в себе” (глаза расширены, чувственное восприятие то искажено, то интенсифицировано, эго разбито на части), иногда в карманах, вытаскивая оттуда амилнитрит и суя его себе под нос в тот момент, когда Рэй начинал органное соло. Однажды он вручил амилнитрит всем музыкантам, когда группа начала играть “Маленького красного петуха”; а дойдя до строк “собаки залаяли, волки завыли”, Рэй залаял, Джон завыл, а Джим упал со сцены. В другой раз, вдрызг пьяный, Джим повернулся к какойто группе тинэйджеров, придумывая новые слова в “Глории”, добавляя строки: “и затем она приходит на мой этаж / Она приходит в мою постель / Она приходит ко мне в рот…”

У Джима по-прежнему не было почтового адреса; он попрежнему переезжал с кушетки на кровать и снова на кушетку. Памела была его девушкой номер один, но он не был сторонником единобрачия. Они

говорили о покупке квартиры в Лорел Кэньон, но при этом он всё время ночевал в Западном Лос-Анджелесе. У него до сих пор не было машины, и он зависел от старенького “Volkswagen” Рэя или от “Singer Gazelle” Джона. Когда им бывало голодно, “Doors” в полном составе отправлялись к Джону; его мать обращалась с ними наиболее мягко из трёх “имевшихся в наличии” их матерей.

К апрелю положение “Doors” было незавидным. Они почти сломались. Сорока долларов на руки в неделю на жизнь не хватало, а часто они не получали и этого. Джону предложили играть в другой группе. Джон и Робби были арестованы за хранение марихуаны, а Джим, получивший прошлым летом незаконную студенческую отсрочку от армии, был вновь классифицирован 1-А, и ему было сказано в мае явиться на новые физкультурные тесты. И “Columbia” включила их в “список на исключение”.

Однажды ночью в “London Fog” пришёл один из штатных продюсеров “Columbia” и представился как продюсер “Doors”, но больше они никогда его не видели. Как ничего не слышали они и от Билли Джеймса. Джон случайно заметил, что имя “Doors” значится в “списке на исключение” на рабочем столе у Билли. Они потребовали немедленного расторжения контракта.

Потерпите до конца, – сказал им Билли. – Вы получите тысячу баксов, если пройдёт шесть месяцев и они не выпустят ваших песен. – Они замотали головами. Билли вздохнул и позвонил кому-то в юридический отдел. “Doors” стали официально свободны.

Через несколько дней хозяин “London Fog” полностью освободил “Doors”. Он их уволил.

Судьба группы изменилась в мае.

Сначала Джим подпортил себе кровяное давление, сахар в крови, сердцебиение, дыхание, зрение и речь с помощью изобильного и разнообразного употребления наркотиков, и после этого явился сдавать физкультурные тесты в армейский призывной пункт; кроме того, он сказал врачам, что он – гомосексуалист, и если они отправят его в армию, то будут последними идиотами в мире. В службе ему было отказано. Потом, в последний вечер в “London Fog” появилась агент из “Whiskey a Go Go” с предложением вписаться в этот клуб на один вечер в понедельник. Пока только на один вечер, – говорила милая брюнетка Ронни Хэрэн, – а там хозяева посмотрят.

Я действительно вас хвалила, – сказала она Джиму, – а мы ищем постоянную группу.

Если их возьмут на постоянную работу, сказала она, это будет

означать два отделения за вечер (в сравнении с 4-5 в “Fog”) – за профсоюзную ставку 499,50 долларов на четверых. Джим и остальные ответили ей небрежно, но внутренне они вздохнули с облегчением.

Да, – сказал Джим, – я думаю, это можно. В понедельник? – ха! Это завтра. Не имеет значения, так ведь?

Человеком, принимающим решения и частичным владельцем “PJ’s” и “Whiskey a Go Go”, был бывший полицейский старше 30 лет из Чикаго с раньюнескским именем Элмер Валентайн. Ронни Хэрэн, которая познакомилась с Элмером ещё будучи молодой талантливой актрисой, часто бывавшей в “PJ’s”, делала рекламу обоим клубам и занималась поиском молодых талантов. Она также делала рекламу шотландскому певцу Донована в 1966-м году, а когда она искала фотографа, кто-то предложил ей Пола Феррару, который вместе с Джимом учился в УКЛА и сказал Ронни, что она должна посмотреть в “Fog” эту группу. Он был не первым и не последним из тех, кто говорил ей о “Doors”, а поскольку она весьма доверяла тому, что слышала на улице – больше, чем словам “менеджеров” – в конце концов она отправилась в “Fog”.

Элмер позвонил Ронни Хэрэн, уже во второй раз просившей его принять “Doors”, чтобы сообщить о своём согласии. В первый раз он страшно их возненавидел. Он сказал ей, что, с его точки зрения, Джим – дилетант без всякого потенциала, который принимал нетрадиционные позы, чтобы скрыть этим недостаток таланта. И ещё ему казалось, что у Джима был отвратительный рот. Но Элмеру нравилась Ронни, и поэтому он согласился принять их ещё на два вечера.

“Doors” оставались в “Whiskey” с середины мая до середины июля, и за это время хозяева однажды в ярости их выгнали. Хотя “Doors” хотели произвести благоприятное впечатление на лидеров клуба – “Rascals”, “Paul Butterfield Blues Band”, “Animals”, “Beau Brummels”, “Them”, “Buffalo Springfield”, “Captain Beefheart” – они хотели также и “сбросить их со сцены”, вынуждая партнёра Элмера Фила Танзини кричать им: “Слишком громко! Слишком громко! Я выгоню вас при всех. Убавьте звук, убавьте звук!” В отместку, всякий раз, когда группа играла “Несчастную девочку”, Рэй брал самую высокую ноту, до тех пор, пока орган и Танзини не начинали визжать в унисон. Ситуацию обостряли и шалости Джима. Иногда он так сильно перебирал с выпивкой или с наркотиками, что не мог выйти на сцену. Хуже того, иногда он между отделениями выбегал на сцену и выкрикивал: “Fuck Elmer! Fuck “Whiskey”! Fuck Phil!”

Глава 4

Когда стало ясно, что “Doors” на некоторое время задержатся в “Whiskey” – а они всерьёз прекратили валять дурака уже через пару недель – все четверо сменили место жительства. Джон и Робби, наконец, вылетели из родительского гнезда и поселились вместе в небольшой квартирке в Лорел Кэньон, пытаясь найти ещё какую-нибудь работу для группы. Рэй и Дороти сняли комнату длиной в 18 метров с видом на пляж, она идеально подходила для репетиций. Джим переехал к Ронни Хэрэн, в небольшую квартиру, снятую за 75 долларов в месяц, в нескольких кварталах от “Whiskey”, и именно здесь она начала разговор с Джимом о составлении контракта и о том, что она называла “промоушном”.

Кроме того, она начала обзванивать фирмы звукозаписи, приглашая их представителей посмотреть на (её слова) “американских “Rolling Stones””. Некоторые и впрямь приезжали. Продюсеру “Beach Boys” Нику Венету они не понравились совсем.

Лоу-Адлер, у которого уже были “Mamas and Papas”, остался непреклонен, как и девять месяцев назад, когда Джим и Рэй давали ему свою демозапись. Приезжал кто-то из “Rolling Stones”, когда те были в городе; но и на них “Doors” не произвели впечатления. Как и на Джека Холзмана, тридцатишестилетнего супермастера электроники и продюсера фолкмузыки, основателя и президента “Elektra Records”. “Elektra” была тогда маленькой компанией, делающей первые шаги на рок-рынке с группой “Love”. Вечером в середине июня, первый раз услышав “Doors”, Джек заявил: “У этой группы нет того, что надо”.

Конечно, ещё раз посмотреть “Doors” Холзману настоятельно советовала Ронни, но кроме неё ещё и Артур Ли, лидер “Love”. Итак, он вернулся и решил, что было что-то привлекательное в игре Рэя на органе. К четвёртому визиту он “созрел”, чтобы сделать свой выбор, предложив “Doors” контракт. Он хотел заключить его на год, с правом, по его словам, продления ещё на два, или до тех пор, пока они не запишут шесть альбомов – это будет дольше. Взамен “Doors” должны были получить 2500 долларов в качестве аванса в счёт будущих гонораров – 5 процентов от общей цены проданных записей.

Предложение Джека подчёркивало две самые очевидные характеристики “Elektra”: её искренность и её размер. Джек хотел дать понять, что “Elektra” была тесным деловым предприятием, чья маленькая, но чёткая организация была доступна всем. Артисты “Elektra”, по его словам, имели свободный и немедленный доступ к кому угодно в компании… и контракты заключаются с очень

немногими (по сравнению с “Columbia”); штатные сотрудники могли непосредственно прилагать усилия к поддержке конкретных групп.

Звучало заманчиво. Прошло то время, когда “Doors” хотели быть лишь “такими же большими, как “Love””. Теперь они хотели большего, и, возможно, в этом могла бы помочь маленькая компания. Кроме того, это было единственное конкретное предложение от фирмы. После опыта с “Columbia” они были осторожны в выборе контрактов, но при этом они страстно хотели записываться. Они сказали Джеку, что подумают, и Джек улетел обратно в Нью -Йорк.

Первым человеком, которому они показали контракт, был Билли Джеймс, их друг из “Columbia”. Он сказал, что не в состоянии оценить его по справедливости, потому что собирался уйти из “Columbia” и открыть офис “Elektra” на Западном побережье. Если они решат работатьс “Elektra”, Билли обещал сделать всё от него зависящее, чтобы помочь им добиться желаемого. И ещё он посоветовал им найти адвоката, который помогал бы им в работе.

Когда они пришли с контрактом к Ронни Хэрэн, она отвела их к своему адвокату, Олу Шлезингеру, который согласился представлять их интересы, но с условием, что в случае их конфликта с Ронни он должен будет принять сторону Ронни. Это насторожило “Doors”, и Робби обратился к своему отцу, который стал их временным бизнес-консультантом, а тот отправил их к своему поверенному, энергичному седому советнику с Беверли Хиллз, тоже с замечательным раньонескским именем Макс Финк.

Пока Макс вёл переговоры с Холзманом, Джим казался необычно возбуждённым. Он пережил две недели тяжёлого запоя, когда на афишу “Whiskey” попала британская группа “Them”, а её певец и автор песен не только носил ту же фамилию, что и Джим, но и имел множество одинаковых с ним привычек. Джим и Вэн были уверены, что они родственники, и выпили по этому поводу.

За этим последовал период более активного, чем обычно, приёма наркотиков. Почти каждый день Ронни видела его глотающим кислоту, а однажды, она клянётся, он выкурил 170 граммов травы за день – не спав полночи, куря папиросы толщиной с указательный палец. Квартира была замусорена зёрнами и стеблями, Ронни была в ярости. Джим не обращал на неё внимания, говоря, что всё время с тех пор, как Робби и Джон были арестованы, они стали параноиками в отношении наркотиков и совершенно его достали, заставляя разбавлять траву. “ Как раз потому, что они медитируют…” Он не закончил предложение. Джим не был готов к медитации, но сходил на

одну из лекций Махариши, чтобы самому посмотреть – будет ли он счастлив. Джим решил, что да, и написал по по этому поводу песню “Принимай всё, как есть”: “Двигайся медленно / Это будет нравиться тебе всё больше и больше / Принимай всё, как есть / И лучше – смеясь”. Но он не был склонен принимать дисциплину медитации.

К этому времени у “Doors” в “Whiskey” появились свои преданные фаны. Как-то раз Джим не вышел на сцену в первом отделении, так что Рэю, Робби и Джону пришлось играть без него, и Рэй пел все партии вокала. После этого Робби вернулся в раздевалку, а Джон с Рэем отправились в “Tropicana”, где они надеялись найти Джима.

Во время этой десятиминутной поездки Рэй и Джон говорили о Джиме и о наркотиках. Джон был заметно раздражён, почти зол. Рэй выглядел спокойнее. “Это только кажется, что Джим употребляет очень много наркотиков, потому что ты их сильно разбавляешь”, – сказал он.

Да? Но я никогда не употребляю кислоту чаще, чем раз в неделю, – ответил Джон, – а Джим, между прочим, сидит на ней через день.

Они остановили машину у двери Джима.

Джон не спорил, что никогда на самом деле не понимал Джима. “Он действительно хотел выйти за пределы самого себя, по всем направлениям идя к краю, как можно дальше – всякий раз. Вдумайтесь! Я никогда этого не понимал, потому что я шёл от индийской метафизики, как бы то ни было. Он же всегда был в Ницше, и в “что-всё-это-значит”, и в экзистенциальном поиске”.

Рэй вздохнул, переходя автостоянку и направляясь к дверям комнаты Джима, снятой за 8 долларов в день. Рэй бормотал строчку из песни: “Прорвись насквозь на другую сторону…”

Джон и Рэй подошли к двери. Постучали. Ответа не было, но им послышалось внутри какое-то движение.

Джим? Открой, это Рэй и Джон.

Наконец, Джим открыл дверь. Он пристально посмотрел на ребят.

Десять тысяч микрограммов, – всё, что он сказал.

Рэй засмеялся, не поверив. Нормальная доза ЛСД – от 350 до 500.

Ну, объясни, что случилось. Ты уже пропустил первое отделение. У Танзини будет, что вспомнить.

Джим двинулся вглубь комнаты, мотая головой.

Нет, парень, нет. Сюда… – Он открыл ящик кухонного шкафа для посуды. – Сюда, берите. Джим зачерпнул две горсти ЛСД в маленьких

пурпурных пакетиках, предлагая их Джону и Рэю. Рэй заметил, что в шкафу была, кроме того, упаковка травы. Целый килограмм.

Во втором отделении творился совершенный бардак, но к тому времени, как “Doors” должны были выйти на сцену на последние 40 минут, Джим был уже в приемлемом состоянии.

Мы сыграем в этом отделении “Конец”, – сказал он, кивая головой, как если бы был этим весьма озабочен.

“ Конец” стал самой незабываемой работой “Doors” – вернее, он станет ею после этого концерта. Эта песня воплощала собой концепцию рок-театра даже больше, чем “Когда музыка закончилась”. Ещё недавно простая двухстрофная прощальная песня, теперь она длилась вдруг двенадцать минут, и почти на каждом концерте Джим вставлял в неё или менял местами новые кусочки текста. В тот вечер Джим снова всех удивил.

В тёмных узких штанах и тенниске, с вьющимися по плечам волосами, с небритым лицом в духе Боттичелли, он прятался в играющих тенях танцплощадки “Whiskey a Go Go”. Остановился, глянул на девушек в стеклянной клетке. На площадке был Вито и его свита повёрнутые на музыке шуты в прозрачных кружевах, известные раскручиванием новых команд. Это они нашли в “Ciro’s” “Birds”, потом в “Bido Lito’s” “Love”, ставших членами “Mothers’ Auxiliary” Фрэнка Заппы. Вито со своей компанией в будни проходил в “Whiskey” бесплатно, поскольку следом за ним непременно являлись и “платные” завсегдатаи.

Джим, сутулясь, двинулся по направлению к сцене; глаза закрыты, голова склонена на плечо. Он наблюдал, как занимали свои места Джон, Робби и Рэй, затем сам присоединился к ним, сдвинувшись к органу Рэя. Последовали нестройные звуки разминки, затем пауза, наконец, Джим и музыканты оказались в темноте.

Танцплощадка постепенно успокоилась.

Джим повис на микрофонной стойке, голова запрокинута назад, глаза закрыты, одна рука держит микрофон, другая закрывает ухо. Поставив ногу на основание микрофонной стойки, он начал печально декламировать стихи.

Это конец, дорогой друг.
Это конец, мой единственный друг, конец
Наших тщательно продуманных планов. Конец
Всего, что было устойчиво, конец,
Нет ни безопасности, ни удивления, конец.
Я никогда не загляну в твои глаза опять.

Можешь ли ты представить, что будет,
Так безгранично и свободно
Безнадежно в необходимости
Чьей -то незнакомой руки
На безнадежной земле.

Музыкальное сопровождение было столь же гипнотическим, как и жалобно-угрожающий голос Джима. Сердцебиение органа Рэя, внезапные восклицания барабанов Джона, подобные ситару гитарные проходы Робби.

Потерянные в римской пустыне боли,
Все дети безумны;
В ожидании летнего дождя – й-й-е-е-е…

Джим тщательно выговаривал слова. Он делал паузы между слогами, будто выбирая слова так же заботливо, как хирург обращается со скальпелем. В его подаче, в музыке было ощущение сдерживания, предостережения, ожидания, страха.

На окраине города опасность
Езжай по королевскому шоссе, baby.
Таинственные места внутри золотого рудника.
Езжай по шоссе на запад, baby.

На танцплощадке “Whiskey” все замерли – масса тел молча ждёт, пристально глядя на Джима – неподвижного с начала песни. Всё стихло даже в баре. Никаких разговоров во всём клубе. Даже официантки очарованы фигурой на сцене.

Езжай змеёю шоссе.
Езжай змеёю шоссе к озеру,
Древнему озеру
Змея длиной… в семь миль;
Езжай змеёю шоссе.
Змея стара, её кожа холодна.
Запад лучше всего.
Запад лу-у-учше всего-о-о-о-о.
Доедем туда и сделаем всё остальное.
Голубой авто-о-о-бус ждёт нас
Голубо -о-ой авто-о-обус ждёт нас
Водитель, куда ты повезёшь нас?

Джим скосил глаза, разглядывая аудиторию, потом снова опустил веки, будто преследуемый звуками, исходящими от троих других “Doors”, создающих таинственный музыкальный фон.

Глаза Джима открыты. Он вытащил микрофон из стойки и резко

взглянул на публику, ноги сжаты. Теперь он читает двенадцать строк, которые вошли в песню в её последней версии, и которые гораздо быстрее сделали Джима современной поп -легендой.

Убийца проснулся до рассвета,
Он надел свои ботинки,
Он принял маску из древней галереи,
И пошёл по коридо-о-ору.
Он зашёл в комнату, где жила его сестра, и-и-и…
Затем он нанёс визит своему брату,
И затем он… пошёл дальше по коридо -о-о-ору.
И он подошёл к двери,
И он заглянул внутрь,
“Отец?”
“Да, сын?”
“ Я хочу убить тебя. Мать… Я хочу
ТРАХНУТЬ ТЕБЯ!”

Голос Джима перешёл в первобытный вопль, похожий на рвущийся сломанными ногтями шёлк. Вслед за ним взревели и завизжали инструменты. Ни Джон, ни Робби, ни Рэй не слышали раньше этих слов, но они не слишком испугались и продолжили творить импровизированное инструментальное полотно.

Когда Фил Танзини услышал, как Джим говорит что-то насчёт “трахнуть свою мать”, кровь хлынула от его лица к сердцу, которое сразу же быстро забилось. “Это, – рычал он, – в последний раз. Никогда, никогда больше “Doors” не войдут в “Whiskey”. Никогда, даже если они заплатят за вход ”.

Джим тем временем всё ещё поёт; глаза его закрыты.

Давай, baby, рискни с нами,

Давай, baby, рискни с нами

И встречай нас в дальнем конце голубого автобуса

Давай, й-й-е-е-е-е…

Последовал быстрый, какой-то пыхтящий натиск, подводящий к дрожащему первородному финалу, с чувственным почти мычанием Джима. Здесь, возвращаясь к столь же таинственному началу, Джим запел то, что в оригинале было только второй строфой песни.

Это конец, дорогой друг,

Это конец, мой единственный друг,

Это причиняет боль,

Чтобы сделать тебя свободным,

Но ты никогда не последуешь за мной.

Конец смеха и лёгких розыгрышей,

Конец ночи, когда мы пытались умереть.

Это ко -о-о-оне-е-е-ец.

Все, кто был на танцплощадке, медленно вернулись за свои столики или в бар, официантки вновь стали принимать заказы, возобновились разговоры.

Фил Танзини ждал появления “Doors” наверху, в артистической.

Ты, – закричал он на Джима, когда тот ввалился в комнату, – ты сквернословящий сукин сын, ты уволен! Все вы! Вон! И не пытайтесь вернуться.

“Doors” знали, что он имел в виду на сей раз.

Трахни мать, убей отца, трахни мать, убей отца, трахни мать, убей отца…

Подобно мантре, эти слова наполняли тускло освещенную студию звукозаписи. Были здесь и другие звуки – звуки настройки

инструментов, скрип и треск устанавливаемых микрофонов, дающий указания голос из контрольной комнаты, аппаратной – но все уши слышали только этот мягкий, повторяющийся, раздражающий напев Джима Моррисона, который лежал на спине у барабанной установки.

Трахни мать, убей отца, трахни мать…

Вдохновение пришло из ницшевского “Рождения трагедии”: “Эдип, убийца своего отца, муж своей матери, разрешивший загадку Сфинкса!” Джим говорил: “Вы на самом деле можете проникнуть в собственный мозг постоянным точным повторением заклинания ”.

Трахни мать, убей отца, трахни мать…

У Софокла встречается романтическое замечание об Эдипе, на ту же тему, что и у Ницше. Он называл Эдипа “самой печальной фигурой на греческой сцене… типом благородного человека, который, несмотря на свою мудрость, фатально обречён ошибаться и страдать, но который, тем не менее, благодаря своим необычным страданиям, непременно оказывает чудесный лечебный эффект на всё окружающее, эффект, продолжающийся даже после его смерти”.

Джиму это нравилось.

Трахни мать, убей отца, трахни мать…

Ну, я думаю, мы готовы, – донёсся из контрольной комнаты голос Пола Ротшильда. Джим, однако не перестал, и Пол позвал его снова: – Джим, я думаю, мы уже готовы.

Пол был продюсером “Elektra”. Это был невысокий коренастый человек, сантиметров на 7-8 ниже Джима, с курчавыми светлыми волосами – короткими после только что проведённых в тюрьме восьми месяцев за контрабанду марихуаны. Пол был тридцатилетним сыном оперной певицы и британского бизнесмена от литературы и вырос в свободной, довольно необычной атмосфере Гринвич-Виллиджа. Джек Холзман отправил его в Лос-Анджелес, в “Whiskey” послушать “Doors” в июле; после Дня Труда началась запись.

Ротшильд и “Doors” отобрали песни, которые лучше всего звучали со сцены, чтобы сделать то, что Пол называл “слуховым документальным фильмом”. В записи двух песен принял участие студийный басгитарист, а при работе над ещё одной “Doors” настояли на ритм-треке, но фактически всё остальное было сделано будто не в скромной Сансетской студии звукозаписи, а в ночном клубе. Несмотря на отсутствие опыта работы со студийной и записывающей техникой, “Doors” чувствовали себя вполне комфортно, и первые песни были записаны всего за два-три дубля каждая. Затем настал черёд песни, которая займёт более половины стороны альбома, Эдиповой эпической

драмы “Конец”.

Трахни мать, убей отца, трахни мать…

Голос Пола стал нетерпеливым.

Джим…

Джим застыл, но как только он встал на ноги – Эдипов напев наконец прекратился – его взгляд упал на маленький телевизор. Он увидел Джонни Кэрсона, губы которого молча двигались, затем схватил телевизор и швырнул его в сторону контрольной комнаты, заставив Пола и звукорежиссёра инстинктивно пригнуться. Телевизор отскочил от толстого звуконепроницаемого стекла, отделявшего аппаратную, и приземлился на полу. Джим, казалось, был в недоумении.

Пол прервал работу и предложил бывшей с Джимом девушке отвезти его домой.

Не-е-ет, – сказал Джим, протестуя, – пойдём лучше погуляем, парень. – Пол отрицательно мотнул головой и загрузил Джима в машину девушки. Она выехала на Сансет Стрип. Джим что -то бормотал.

Трах… ма…, убей от…, трах… ма…

Потом он отчётливо произнёс: “Давай назад, в студию”, открыл дверцу машины и выскочил наружу.

Он побежал назад, взобрался на ворота высотой в 2,5 метра, каким-то образом преодолел ещё две двери, ведущих в студию. Он тяжело дышал, сбрасывая с себя ботинки, джинсы и рубашку.

Трах… ма…, убей от…, трах… ма…

Голый, он схватил одну из больших песочных пепельниц и куда-то забросил её. Потом он снял со стены огнетушитель и разбрызгал по контрольной комнате химическую пену, по стенам и инструментам, разбив попутно одну из гитар Робби и арендованный клавесин.

Наконец, Джим бросил огнетушитель. Он услышал голос.

Джим! Джим! Ты здесь?

Это был Пол Ротшильд, вызванный Билли Уинтерс – девушкой, которую Джим оставил посреди Сансет Стрип. Они оба вглядывались внутрь через ворота. Джим выбежал наружу.

Ха, парень, я так ра-а-ад видеть тебя! Иди сюда, парень, давай запишем… давай запишем несколько песен.

Подожди минутку, Джим, – сказал Пол. – Я думаю, нам нужно уйти отсюда, давай проведём этот вечер где -нибудь в другом месте. Мы так разоримся. Какой глупый путь к провалу.

Джима уговорили уйти, но он забыл свои башмаки, и на

следующее утро Пола вызвал к себе владелец студии. Посреди общего разгрома он нашёл эти башмаки. А не хотел бы Пол найти того, кому они принадлежат? Пол сказал, что пошлёт сообщение в “Elektra”, а когда в тот же день “Doors” пришли в студию, там было совершенно чисто, и о понесённом ущербе не вспоминали.

О’кей, – сказал Пол, – сегодня мы запишем “Конец” и, я думаю, за один дубль.

Они записали его за два дубля.

Позже, когда Рэй, Джон и Робби смеялись над Джимом по поводу “пожара”, который он учинил в студии (Пол как-то рассказал им об этом), Джим всё отрицал. Пепельница, – тыкали они ему, – химическая пена.

Нет, – говорил Джим, – в самом деле?

Рэй первым появился на сцене, зажигая трубку фимиама. Затем выходили Робби, Джон и, наконец, Джим – упругой походкой уличного панка.

Они выступали в шикарной новой дискотеке “Ondine” у моста 59-й улицы Манхеттена. Это был один из весьма приличных клубов, предназначенных для высшей городской богемы, брехтовское кабаре, где празднование апокалипсиса было столь же обычным явлением, как и курение марихуаны. Это было первое “загородное” выступление группы. Нью-Йорк-Сити!

Глаза Джима закрыты, голова дерзко откинута назад. Он поставил ногу на основание микрофонной стойки, трясь промежностью о её стержень, время от времени встряхивая гривой вьющихся тёмных волос. У него за спиной Робби взял первые гипнотические ноты “Человека чёрного хода”.

Вопль, лай пумы в ночи – и затем Джим запел: “О, я человек чёрного хода / Мужчины не знают, но маленькие девочки понимают…”

Слово вышло на улицу и разнеслось как дешёвый мексиканский табак. На другой вечер сюда явился весь цвет группиз. “Вам нужно посмотреть эту группу, – сказала одна из них всем своим подругам. – Певец вполне того”.

Несколько недель Джим бродил по улицам нижнего Манхеттена, пил пиво на Бауэри, заглядывал в маленькие бутики, открытые в Нижней части Восточного побережья, изучая попадающиеся на пути книжные магазины Четвёртой Авеню. Были у него и деловые встречи с “Elektra” – чтобы подписать соглашение о выпуске пластинки на “Nipper Music”, одной из компаний Джека Холзмана, названной в

честь его десятилетнего сына; чтобы утвердить фотографиюна конверт диска; чтобы с неохотой согласиться подредактировать “Прорвись насквозь ”, так что строчка “Она получит кайф / Она получит кайф / Она получит кайф” будет теперь звучать как “Она довольна / Она довольна / Она довольна”. Эта песня должна была стать первым синглом “Doors”, и Холзман боялся, что слово “кайф” разрушит эту воздушную пьесу. Из-за того, что у “Doors” было очень мало денег, они очень много времени проводили в гостинице “Henry Hudson” у себя в номерах, смотря по телевизору “мыльные оперы ”, куря траву; временами, когда становилось скучно, Джим на руках свешивался с поперечной балки гостиничного окна.

В конце ноября группа вернулась в Лос-Анджелес, и Джим поселился в одной квартире с Памелой Корсон. Они встречались уже около года, и теперь у неё была маленькая квартирка в Лорел Кэньон. Если Памела и не вполне принимала безответственность Джима, то теперь она уже успела к ней привыкнуть. “Начать с начала”, “переехать” означало для Джима не многим больше, чем то, что он будет спать в новом месте, потому что у него практически не было вещей, и перевозить ему было нечего. Более важен – и неприятен – был для Памелы тот факт, что если Джим проводил в её постели ночи со вторника по пятницу, то это совсем ещё не значило, что он проведёт там же ночи в субботу и в воскресенье, или же в следующие среду и четверг.

Фактически, это было верно в отношении их обоих. Когда “Doors” были в Нью-Йорке, Памела трижды в день звонила им в гостиницу, пытаясь застать Джима в его номере, а потом она перестала это делать, и стала гулять с молодым актёром по имени Том Бэйкер. Когда Джим вернулся (и Памела вернулась к Джиму), два молодых человека стали друзьями, разделявшими любовь к театру, поэзии и кочевому образу жизни.

В следующие недели группе было практически нечем заняться, поэтому ребята появлялись в крошечных офисах “Elektra”, помогая готовить к выпуску свои записи.

Ха, ребята, – говорил их старый приятель Билли Джеймс. – Как дела?

Мы долго думали, – сказал Рэй, – и не уверены, что хотим сочинить “биографию”. Мы считаем, что наше происхождение и наши любимые цвета плохо подходят к нашей музыке.

Вы правы, конечно, – согласился Билли. – Впрочем, рано или поздно вас всё равно спросят, что вы пытаетесь делать. Должна быть

хорошая легенда на случай соврать так, чтобы все проглотили, и покончить с этим.

Около часа пятеро молодых людей обсуждали рекламу. Они понимали значение удачного имиджа, но все известные им ”биографии” других артистов – даже тех, что находились в списке “Elektra” – были довольно скучны.

Билли подошёл к окну, какое-то время вглядывался в смог, а потом сказал:

Ну… а как вы смотрите на то, чтобы написать её сейчас? Ребята, вы можете сказать всё, что хотите, и мы отправим это в Нью-Йорк.

Менеджер офиса Сью Хелмз застенографировала всё, что они наговорили, перепечатала это и дала им прочитать. Текст занял около тридцати страниц, и тот кусочек его, который в итоге опубликовали, включал в себя некоторые из наиболее образных, захватывающих фраз Джима; строки, которые появятся в печати, надолго вперёд определят – и ограничат – имидж Джима Моррисона.

На сцене “Doors” – как будто бы в своём собственном мире. Их песни напоминают космос и древность. Они звучат как карнавальная музыка. Когда она заканчивается, следует секунда молчания. Что-то новое рождается в пространстве.

Вы могли бы сказать, что это случайность, просто я идеально подхожу для той работы, которую я делаю; но это – ощущение тетивы лука, тянущейся на 22 года назад, тетивы, которой вдруг позволили выпрямиться. Я прежде всего американец, во-вторых, калифорниец, в-третьих, постоянный житель Лос-Анджелеса. Меня всегда привлекали идеи мятежа против власти – когда вы примиряетесь с властью, вы сами становитесь ею. Мне нравятся идеи ниспровержения установленного порядка или освобождения от него – мне интересно любое восстание, беспорядок, хаос, особенно деятельность, которая, как кажется, не имеет смысла.

Реальный листок, сопровождавший это тщательно продуманное рекламное заявление, был более традиционным. В нём Джим назвал своими любимыми группами “Beach Boys”, “Kinks” и “Love”. Он сказал, что восхищается, кроме того, Фрэнком Синатрой и Элвисом Пресли, а в театре – Джеком Паланcом и Сарой Майлз. Кроме того, он сказал, что у него нет семьи, что его родители умерли.

– Джим! – сказала Сью Хелмз. – Это некрасиво. Что подумают твои родители?

Но Джим настаивал. Если кто-то спрашивал – его родители умерли. И так же было написано в “биографии”.

На первой неделе января были выпущены и альбом под названием “Двери”, и сингл “Прорвись насквозь”. Рекламный щит, изображающий их портреты и надпись: ““DOORS”: прорвись насквозь с электрическим альбомом”, стал первой рок-вывеской на Сансет Стрип, а группа тем временем отправилась в Сан -Франциско, в “Fillmore Auditorium” Билла Грэхэма, третьим номером после “Young Rascals” и “Sopwith Camel”. Гонорар был минимальным – 350 долларов, но место – лучшим в Америке.

Они приехали в Сан-Франциско рано, во время Human Be-In on Wednesday, катализирующего и духовно кульминационного события, которое вошло в поп-мифологию даже ещё до своего окончания. Все “Doors” были чрезвычайно потрясены этим праздником в Парке Золотых Ворот. Эра “Haight Ashbury” началась на той неделе в Сан-Франциско, и “Doors”, все как один, чувствовали себя её частью.

Они начали выступление в “Fillmore” с сингла “Прорвись насквозь”, а потом сыграли песню, которую Джим посвятил Махариши – “Принимай всё, как есть”, обе эти песни были написаны в одно время. Обычно группа, которая значится внизу афиши, заслуживает мало внимания на подобных концертах, но к третьей песне фаны “Young Rascals” и “Sopwith Camel” в “Fillmore” стали толпиться у сцены, чтобы смотреть и слушать более внимательно. Группа играла “Зажги мой огонь”.

Ты знаешь, что это будет неправдой,
Ты знаешь, что я солгу тебе,
Если мне придётся сказать тебе:
“ Девочка, нам не достичь ещё большего кайфа ”.

Эта была, по существу, песня Робби. Он написал мелодию и почти все слова, с небольшой помощью Джима. Но Рэй придумал карнавальное вступительное соло на органе, которое вскоре будут считать отличительным знаком саунда “Doors”. Более важно было то, что песня длилась семь или восемь минут, и была в основном инструментальной, что заставляло вспомнить: “Doors” – это не только Джим Моррисон. Группа заявляла, что они никогда не играли эту песню одинаково, но использовали её как звуковые очертания, чтобы на их фоне плести замысловатую джазовую импровизацию, достигая головокружительной кульминации.

Время сомнений прошло,
Нет времени толочь воду в ступе.
Попробуем сейчас, иначе мы многое потеряем
И наша любовь станет погребальным костром.

Давай, baby, зажги мой огонь,
Давай, baby, зажги мой огонь,
Попробуем провести ночь в огне,
Попробуем провести ночь в огне-е-е!

Аудитория “Fillmore” застыла, будто под гипнозом.

Во втором отделении “Doors” показали “Конец”, и Джим, пытаясь схватить микрофон, упал на барабаны, поранив спину. После этого падения и вопля “Мать… Я хочу трах-х-х-хнуть тебя -я-а-а!” аудитория приняла это падение за элемент странной хореографии. К следующему вечеру слово стало известно в городе: “Идите в “Fillmore” посмотреть новое действо”.

Через три недели “Doors” вернулись в Сан-Франциско на ещё одну серию выступлений в “Fillmore”, на сей раз третьими после “Grateful Dead” и “Junior Wells Chicago Blues Band”.

Глава 5

Чтобы отметить это событие, Джим потратился и купил костюм – сшитое на заказ одеяние из чёрной кожи, столь облегающее, что когда он надевал его и подходил к зеркалу, то отражение было похоже на обнажённое тело, погружённое в чернила.

Он долго стоял перед зеркалом, меняя позы, снимая и вновь натягивая свой кожаный прикид. Наконец, он отбросил верхнюю часть, согнул гибкие, но мускулистые руки, выпятил грудь, живот – под “мрамор”, собрал в пучок мышцы на шее. С тёмными волнистыми волосами и впалыми щеками, он был похож на Дэйвида, явившегося в Голливуд – будто кулак в чёрной лайковой перчатке.

В тот июнь, – говорил позже Дэнни Филдз, – когда я увидел Джима, окружённого закулисными группиз в “Fillmore”, я решил, что если я намерен отдать себя под власть этого образа, образа этой личности, и даже если я ничего больше не сделаю, то я должен по крайней мере улучшить его вкус в выборе женщин.

В июле Дэнни по телефону представил Джима Глории Стэйверс, редактору журнала “16”. Затем, узнав, что кто-то из “свиты” Энди Уорхола остановился в “Castle” – часто пустующем доме актёра Филиппа Ло, он обнаружил, что Джим познакомился с одной из девушек Уорхола.

Нико была нестареющей, непредсказуемой, обаятельной. В своей родной Германии она была “девушкой с обложки”, в 1958-м году она появилась в “Сладкой жизни” Феллини; когда-то она была любовницей французского актёра Алена Делона, была близкой подругой Боба Дилана и Брайана Джонса, была одной из звёзд в “Chelsea Girls” Уорхола. Сейчас она стала вокалисткой в эксцентричной, близкой к року группе Уорхола “Exploding Plastic Inevitable”* [*"Взрывающееся Пластическое Неизбежное"]. Ростом она была где-то вровень с Джимом; и вне зависимости от того, насколько он был уже известен, она взяла над ним верх. Она тоже любила выпить. Для Джима она была неотразима.

Это было похоже на фильм Ингмара Бергмана по сценарию Бертольда Брехта в постановке Ионеско. Джим пил вино; вдруг он узнал, что у Дэнни есть 7 граммов хэша и выкурил их. Потом он вспомнил, что у него есть немного кислоты, и проглотил её с водкой.

Дэнни говорил о делах:

Ты должен понять, как важен журнал “16”. Это тот самый ключ к

подросткам.

Джим рассеянно посмотрел на Дэнни.

У тебя есть Tuinal? – спросил он.

Это важно для создания общественного имиджа, Джим.

Ты уверен, что хэш мы уже закончили?

Джим и Нико устроились в арке дверного проёма, уставившись в пол между собой.

Поздно ночью с заднего дворика в “Castle” раздавались вопли – это Джим держал Нико за волосы. В конце концов она вырвалась, а через несколько минут Джим, совершенно голый, гулял по парапетам “Castle” в белом блеске полной луны.

На следующий день Джим рассекал воды пруда в “Castle”. Метр за метром он плыл агрессивный, одинокий “ягнёнок”.

Джим ненормальный, – говорила Нико своим глубоким вагнерианским голосом. – Он совершенно ненормальный.

Было очевидно, что она обожала Джима.

На следующий день Джим вернулся к Памеле. Нико, как и некоторые другие, ещё будет появляться в его жизни, но именно Памела, как он считал, была его “космической супругой”, это выражение он применял только к ней одной. В жизни Джима дюжины женщин, подобных Нико, приходивших из голливудской ночи, были закуской, десертом, аперитивом; Памела была его пищей.

Во многих отношениях Памела была похожа на Джима. Она была яркая, привлекательная внешне, и домашняя, не склонная к атлетизму, избегавшая солнечного света, предпочитавшая анонимность сумерек. Она была не прочь экспериментировать с наркотиками – хотя, в отличие от Джима – предпочитала психоделикам транквилизаторы, а иногда и чуть-чуть героина, – и она не противилась случайным гостям или ночёвкам в незнакомом месте. Она не признавала традиционную мораль – жизнь в шестидесятые была более экзистенциальной, более гедонистической, менее регламентированной.

В некоторых отношениях Памела была также похожа и на мать Джима. Джим говорил друзьям, что она была “хранительницей очага”, хорошо готовила. Но она и ворчала, чувствуя свою отдалённость от других “Doors”, и непрестанно говорила Джиму, что ей не нравится его выбор карьеры, что лучше бы он посвятил себя поэзии. Она также говорила ему, что он слишком много пьёт. Иногда это доходило и до Джима, и он подчинялся ей. Она говорила, что его сопротивление наиболее ярко и жестоко проявлялось в устной форме. Как и в тот раз, когда они собирались в “Cheetah” в Лос-Анджелесе на концерт “Doors”

по случаю их возвращения домой.

Джим был в своей “коже”, расчёсывая в ванной перед зеркалом свои вымытые шампунем волосы. Он втягивал скулы и играл мышцами шеи, хлопая руками по заднице и бёдрам, принимая нахальную “двуполую” позу.

– Сегодня будет хороший концерт, – сказал он Памеле, которая одевалась в соседней комнате.

– Я это предчувствую. “Cheetah” – это же в Венеции, ты знаешь.

Ох, Джим, – сказала она, – ты опять собираешься надеть те же самые кожаные штаны? Ты никогда не меняешь одежду. От тебя начинает вонять, ты знаешь это?

Джим ничего не ответил. Он услышал внизу гудок машины – это подъехал лимузин, который должен был отвезти их на полоску лос-анджелесского пляжа, где почти ровно два года назад Джим встретил Рэя и спел ему “Прогулку в лунном свете”. Они сбежали вниз по ступенькам, но когда Памела подошла к лимузину, чтобы сесть в него, Джим встал у неё на пути.

Джим? – сказала она. – Что…

Я передумал. Я не хочу, чтобы ты ехала туда. Ты обязательно сделаешь что-нибудь, чтобы вывести меня из себя.

Джим сел в машину и приказал водителю ехать, оставив Памелу на тротуаре.

“ Зажги мой огонь” оставалась на первом месте до середины августа, и с большой самоуверенностью “Doors” начали запись своего второго альбома, “Странные дни”. Прошёл уже год с тех пор, как они записали первый альбом, и за это время количество действующих дорожек на аппарате Студии 1 на Сансет Стрип удвоилось – до восьми. “Doors” использовали все возможные от этого выгоды для записи песен.

За школьным стихотворением Джима “Лошадь терпит” Пол и звукоинженер Брюс Ботник создали фон из музыкального подражания природным звукам. На одну дорожку Брюс записал обычный шум магнитофона, вручную изменяя скорость перемотки, и получил что-то, по звучанию напоминавшее ветер. Джим, Джон, Робби и Рэй играли на музыкальных инструментах каким-нибудь необычным способом – например, дёргая струны пианино, звуки органа искажались электроникой, при этом делались ещё различные скорости и другие эффекты. Они даже вылили в металлическое помойное ведро бутылку кока-колы, растолкли на кафельном полу кокосовую скорлупу и записали душераздирающие вопли нескольких своих друзей. На этом

фоне и прямо поверх него Джим выкрикивал строки своего стихотворения:

Когда спокойное море становится зловещим…

На заглавной песне, “Странные дни”, Рэй одним из первых в роке записал свою партию на синтезаторе “Moog”. На третьей песне, “Несчастная девочка”, ему пришлось играть всю песню задом наперёд, а Джон играл медленно и важно, обеспечивая мягко льющийся ритм.

Были и другие эксперименты. Для записи некоторых песен Пол старался создать особую студийную атмосферу. При записи одной из баллад, “Я не могу мысленно увидеть твоё лицо”, Пол страстным шёпотом попросил ребят представить, что они в Японии, и вокруг, будто “вне пространства этот таинственный звук koto”. “Doors” ответили шумным негодованием. Затем Пол предложил Джиму выбрать какую-нибудь девушку, чтобы она склонялась над ним, когда он поёт “Ты потерянная маленькая девочка” – балладу, которую, как они надеялись, Фрэнк Синатра запишет для Миа Фарроу. Полу так понравилась эта идея, что он согласился даже заплатить этой девушке. Но Памеле идея понравилась тоже; справа, где стояла в контрольной комнате, она разделась и тихонько прокралась в вокальную кабину к Джиму. Пол ждал, медленно считая до шестидесяти, потом сказал:

– Ты дашь мне знать, когда будешь готов.

Минут через двадцать Джим вышел в контрольную комнату, и Пол пожал плечами.

Ну, сказал он, – ты не можешь взять их всех.

Интенсивность творчества Джима не спадала. В “Лошадь терпит” было очарование жертвенной смертью при затоплении испанских жеребцов. В “Прогулке в лунном свете” была своя неповторимая концовка. В песне “Люди странные” была честная и болезненная неуверенность. В одиннадцатиминутной “Когда музыка закончилась” содержался злой протест: “Мы хотим мир, и мы хотим его сейчас!” – столь же сильный, как и продолжающийся интерес Джима к собственной смерти (“Прежде, чем я провалюсь в глубокий сон / Я хочу услышать / Крик бабочки”). И, наконец, в “Несчастной девочке” (“Ты заперта в тюрьме своей собственной постройки”) и в заголовке “Ты потерянная маленькая девочка ” было унижение женщин. Второй альбом был обычным каталогом физических толчков и болей, как первый, но в нём был ещё и изумительный для 1967-го года перечень несчастий – когда все остальные, казалось, пели о фимиаме, мятных лепёшках и небе из повидла. У альбома была ещё и совершенно необычная обложка: силач, корнет, два акробата, фокусник, два

карлика, залезших в клетку, с единственным упоминанием группы – маленькая афиша на уличной стене. “Elektra” хотела, чтобы на обложке была фотография группы, Джима, – но сама группа, и особенно Джим, были непреклонны – никаких фото на конверте. В качестве компромисса была затемнённая фотография на внутренней стороне пыльного пиджака, к стихам.

В конце лета 1967-го года, “Doors” перекрёстно объехали всю страну. Сначала они появились перед девятитысячной аудиторией “Anaheim Convention Center” в южной Калифорнии. Джим был одет в грязнораскрашенный безрукавный спортивный хлопчатобумажный серый свитер поверх чёрных кожаных штанов. Он бросал в зал зажжённые сигареты, а зал в ответ начал чиркать спичками, когда группа заиграла “Зажги мой огонь”. Потом они поехали на восток на неделю выступлений в Филадельфии, Бостоне и Нью-Гэмпшире; вернулись в Лос-Анджелес, чтобы ещё раз сыграть в “Cheetah” с “Jefferson Airplain”. В течение трёх недель “Зажги мой огонь ” продолжала оставаться на первом месте, а затем пропустила вперёд песню “Beatles” “ Всё, что тебе нужно – это любовь”. На той же неделе “Elektra” выпустила следующий прессрелиз:

“Elektra Records” просит Ассоциацию Звукозаписи Америки (RIAA) подтвердить, что альбом и сингл “Doors” оба классифицированы как “золотые” диски. К этой неделе (30 августа), по заявлению президента “Elektra” Джека Холзмана, альбом под названием “Двери” значительно перешагнул рубеж в миллион долларов по общей сумме проданных экземпляров; также на рынок было выпущено более миллиона копий сингла “Doors”.

Менеджер “Elektra” по продажам Мел Познер объявил, что LP и сорокопятка преодолели миллионную отметку одновременно.

Этот мощный сдвоенный коммерческий успех сделал “Doors” сильнейшей из групп, появившихся на попсцене с начала года. Теперь “Doors” отличились тем, что они были в этом году единственной группой, ставшей “золотой” с первым же LP; более того, из всех групп, записавших в 1967-м году свои дебютные пластинки, только у “Doors” был сингл, проданный в количестве миллиона экземпляров…

Многое другое в конце августа также было впервые. Концерт в “Cheetah” был первым, когда в афише они поднялись выше своих сан-францискских соперников “Jefferson Airplain”. И на этом концерте Джим впервые во время выступления прошёл по туго натянутой проволоке, балансируя на кромке сцены в три метра высотой, а потом “упал” в зал. Это выглядело как случайность и было крайне

сенсационно. Толпа была в экстазе.

К этому времени “Doors” отшлифовали и усовершенствовали то, что можно было бы назвать “беременной паузой” в их музыке и шоу. Иногда они могли вдруг смолкнуть в середине песни, или, например, Джим мог запросто сделать паузу между слогами. Оусли, легендарный производитель кислоты и друг сан -францискских рок-групп, говорил “Doors”, что эти паузы сводили его с ума. Иногда кое-кто в аудитории смеялся. Когда это однажды случилось в Беркли, Джим обиделся и сказал: “Когда вы смеётесь над представлением, вы на самом деле всего лишь смеётесь над собой ”. Позже он объяснял: “По-настоящему я раскрываюсь единственно и только на сцене. Маска спектакля даёт мне такую возможность, место, где я прячусь, и тогда я могу раскрыться. Это потому, что я вижу наш концерт как нечто большее, чем спектакль, выход на сцену, исполнение нескольких песен и уход. Я действительно всё это переживаю лично. Я не чувствую, что действительно сделал всё замечательно, пока мы все вместе не ощутим такого единения. Иногда я прямо останавливаю песню и непосредственно позволяю себе все скрытые враждебности, беспокойства и напряжённости до тех пор, пока мы не вовлечём в наше действо всех”.

Вскоре после применения “беременной паузы” в Беркли Джим опробовал её в университете в Нью -Йорке. В середине “Конца” он остановился на четыре минуты, но выкриков за это время не было. Вместо выкриков в студенческой аудитории получился эффект, напоминавший положение внутри скороварки. Когда в скороварке повышается давление, там растёт температура, и в тот момент, когда аудитория уже готова была взорваться, Джим дал сигнал группе, и они вернулись к песне.

Это как рассматривание фрески, – говорил он позже. – Это движение – и вдруг оно замораживается. Мне нравится наблюдать, как долго они могут это выдерживать, и в тот момент, когда они вот-вот сломаются, я позволяю им двигаться дальше.

Но что ты будешь делать, если они взбесятся и разрушат сцену, – спросили его однажды, – не от восхищения, а как если бы они хотели тебя убить?

Джим вспомнил Нормана О. Брауна и свою собственную теорию о сексуальном неврозе толпы. Он казался самоуверенным.

Я всегда знаю точно, когда это нужно сделать, – сказал он. – Это возбуждённые люди. Знаете, что произойдёт? Они испугаются, а страх очень возбуждает. Людям нравится внезапно пугаться. Это в точности

напоминает момент перед оргазмом. Каждый этого хочет. Это кульминационный опыт.

Ничего не знавший о Джиме до тех пор, пока “Зажги мой огонь” стала первым номером, его отец достиг вершины в своих чартах, став в возрасте 47 лет самым молодым адмиралом флота США. Его назначили в Пентагон, и Моррисоны – Энди было теперь восемнадцать лет, а Энн двадцать – переехали в Арлингтон, штат Вирджиния.

Однажды к Энди зашёл приятель и принёс запись первого альбома “Doors”.

Посмотри сюда, – сказал он. – Это не Джим?

Энди сказал, что он уже слышал “Зажги мой огонь” и не узнал голос своего брата. Он попросил эту запись у приятеля, и в тот же вечер вместе с родителями прослушал её. Клара отложила книгу, которую читала, а адмирал продолжал читать газету. Когда пошла эдипова часть “Конца”, газета начала дёргаться, сначала медленно, а потом всё более яростно, по мере того, как становилось ясно – о чём песня. С этого дня адмирал никогда больше не комментировал работу сына.

На следующее утро мать Джима позвонила на “Elektra Records” в Нью-Йорк и сказала, что пытается найти сына. Представив некоторые убедительные доказательства того, что она действительно была его матерью, она получила номер телефона гостиницы в Манхеттене и имя гастрольного менеджера “Doors”. Она повесила трубку и снова набрала Нью-Йорк.

Алло! Это миссис Моррисон. Можно Джима?

Какого Джима?

Джима. Джима Моррисона. Это его мать.

Да? – в голосе прозвучала досада.

В трубке послышался другой голос:

Алло.

Джим? О, Джим…

Да, мама…

Она, волнуясь, говорила ему, как рада слышать его голос, спрашивала о здоровье, упрекала, что не писал, говорила, что очень беспокоилась о нём и уже хотела нанимать частного детектива, но адмирал упорно не разрешал ей этого сделать. После утешения наступила досада. Ответы Джима на её вопросы и заботу о нём были ворчливы.

Джим…

Да, мама… – Он вздохнул.

Пожалуйста, приезжай домой на старомодный праздник – День Благодарения* [*Последний четверг ноября.]. Энди и Энн…

Хм… Я думаю, что буду очень занят, – сказал Джим.

Пожалуйста, постарайся, Джим. Пожалуйста…

В конце концов Джим сказал, что скоро у него должен быть концерт в Вашингтоне и что, может быть, она бы приехала туда.

Ещё одно, Джим. Не сделаешь ли ты своей матери одно большое одолжение? Ты знаешь, каков твой отец, не сделаешь ли ты стрижку перед приездом домой?

Джим попрощался и повернулся к присутствующим в комнате, которые стояли и молча слушали.

Я не хочу больше разговаривать с ней.

Концерт был в танцевальном зале Хилтонской гостиницы в Вашингтоне, и миссис Моррисон вместе с Энди приехала туда ещё днём, ожидая в вестибюле, пока кто-то у конторки не упомянул имя “Doors”. Это был Тодд Шиффман, агент группы; Клара представилась ему и сообщила, что хотела бы видеть своего сына. Тодд послал кого-то в танцзал, где всю ночь сидели “Doors”. Вернувшись, тот шепнул Тодду: “Джим сказал – не пускать”. Таким образом, следующие четыре часа Тодд держал Клару и Энди подальше от Джима, пригласил их обедать и всё время извинялся, говоря, что они увидятся с Джимом вечером.

Мы все делали то же самое, – говорит Рэй. – Мы все взяли её в оборот, таким образом отвлекая.

О, не все мы! – говорит Билл Сиддонз, который был тогда симпатичным девятнадцатилетним парнем и гастрольным менеджером “Doors”.

Рэй рассказал такой случай:

Да, мадам, он здесь, я видел, как он сюда входил.

А я видел, как он отсюда выходил, – добавлял Сиддонз, подыгрывая.

Клара рано приехала на концерт, и услышала замечание Билла:

Что-то не в порядке с PA* [*PA – 1) аппарат; 2) личный счет]?

Клара не знала, что такое PA, но спросила:

Что вы имеете в виду? Что не в порядке? Где Джим? Что случилось с личным счётом моего сына?

Тем вечером Клара и Энди стояли у сцены рядом с Тоддом Шиффманом, который уверял их, что они встретятся с Джимом после концерта. Клара была ошеломлена, а Энди смутился от того, как в тот вечер Джим спел “Конец”. После вопля “Мать? Я хочу… ТРАХНУТЬ

ТЕБЯ!” он бросил незаметный взгляд на мать, и потом прокричал эту фразу ещё раз, теперь показывая зубы.

После концерта Тодд отвёл Клару и Энди в гостиничный номер, где, как им сказали, Джим ждал с ними встречи, но там он признался, что Джим уже уехал в Нью-Йорк, чтобы участвовать в Шоу Эда Салливана.

Каждую ночь за кулисами театра Эда Салливана на Пятьдесят четвёртой улице творился бедлам. Иногда там бывало более ста человек гостей, плюс обслуживающий персонал. В коридорах и гримёрках раздавались звуки настройки, шум микрофонных стоек, сопрано, чечётка, а персонал разносил кушанья, пытаясь организовать неуправляемую толпу.

В своей гримёрке “Doors” обнаружили Боба Прехта. Это был зять Эда Салливана, столь же приятный, как и хозяин шоу.

У нас есть маленькая проблемка, – сказал Прехт, держа кольцом указательный и большой пальцы правой руки. – Ничего важного, но…

Четверо “Doors” перебросились вопросительными взглядами.

Это по поводу песни “Зажги мой огонь”, которая, на мой взгляд, просто замечательна.

“Doors” по-прежнему молчали.

Так вот, по радио – наше шоу передают по радио – то есть, я имею в виду, CBS, нельзя петь слово “higher”. Я знаю, это глупо, – он драматически пожимал плечами и жестикулировал, – но мы должны будем слегка переделать песню. – Он вытащил из кармана пиджака клочок бумаги и прочитал: – Это строчка “Девочка, мы не сможем достичь ещё большего кайфа”.

Джим и остальные не удивились. Разве их собственная компания звукозаписи не вырезала слово “high” из песни на первом альбоме? Джим также знал, что неделей раньше на другой программе CBS подвергли цензуре Пита Сигера – в популярном шоу братьев Смотерсов, и что сам Прехт лично подверг цензуре Боба Дилана – тоже в шоу Эда Салливана.

Да, – сказал Джим, – я думаю, мы сможем спеть другую строчку.

Прехт широко улыбнулся, сказал “Doors”, что они классные ребята, вприпрыжку побежал к двери раздевалки и позвал своего тестя. Прехт называл его “мистер Салливан”.

Вы, ребята, кажетесь великими, когда улыбаетесь, – сказал Салливан. – Не будьте такими серьёзными.

Джим, прищурившись, взглянул на телевизионного импрессарио и сказал:

Ну, мы-то из разряда мрачных групп.

Когда Прехт и Салливан вышли из комнаты, Джим и остальные обменялись взглядами. Хорошо. На репетиции они споют новую строчку, а потом, на концерте, они споют оригинал.

В контрольной комнате, когда это случилось, Боб Прехт начал кричать от злости.

Ты не можешь этого сделать! – кричал он на крошечную картинку в телемониторе перед собой. – Вы, чучела, умерли на этом шоу! Вы никогда больше здесь не выступите!

После шоу он подошёл к ребятам, подвывая:

Вы обещали мне, ребята, вы же обещали…

Вот это да, – сказал Джим, пожимая плечами, – я думаю, мы совершенно обо всём забыли от возбуждения.

На той же неделе была вечеринка в винном погребе “Delmonico’s” – дорогом ресторане на Парк Авеню. Приходили известные журналисты и редакторы, были там и ведущие радиопрограмм, а также Стив Пол (хозяин “Scene”) и Энди Уорхол. Сидел, потягивая вино с Глорией Стэйверс, Дэнни Филдз. Приходили сюда выпить плохие и хорошие группы. Джим напился пьяным, и бросался в девушек кубиками льда. Дэнни предложил закрыть бар. Джим протестовал. Он хорошо знал, в чью честь была эта вечеринка, и открыл бутылку шампанского, отбив у неё горлышко о край стола. Он продолжал в том же духе, вытаскивая с полок бутылки марочного вина, разбивая их, поднимая и предлагая их собутыльникам.

Его поведение не изменилось и после вечера. Энди Уорхол подарил Джиму Французский телефон из слоновой кости с золотом. Вскоре Джим уже сидел на заднем сидении лимузина вместе со Стивом Полом, Глорией и Дэнни. Когда лимузин завернул за угол Пятой Авеню на Пятьдесят третью улицу, Джим высунулся из окна и выбросил в мусорный ящик Французский телефон, крича на проезжающие мимо машины.

Было около трёх часов ночи, и Джим решил заодно достать и Джека Холзмана – за то, что тот не был на вечеринке. Джек не видел причины для своего появления там, так как для его клиентов всё шло удачно – действительно, ведь это был вечер по случаю успеха “Зажги мой огонь ”, и он должен был сыграть роль официального посвящения “Doors” в “звёздность” на журналистской вечеринке. Ясно, что Джек хорошо сделал своё дело, так почему же он должен был там присутствовать? Вскоре ему пришлось понять, что он ошибся.

Громким, искажённым виски голосом Джим приказал водителю

лимузина ехать по адресу Холзмана в Челси. Глория вздрогнула, Дэнни переспросил Джима, чего он хочет, а Стив умолял выпустить его, чтобы поймать такси. Джим не обращал на них внимания.

Около дома Джека Джим настоял, чтобы все они сопровождали его к дверям шикарных апартаментов Джека. Он попытался позвонить ему снизу, но из квартиры Джека никто не ответил, и он стал звонить во все остальные квартиры, пока какой-то рисковый сосед не провёл компанию через чёрный ход.

У двери Джека спектакль, разыгрываемый Джимом, перешёл от упорных звонков в дверь к тому, что Джим стал ломиться в дверь всем своим потным от пьянства телом. Упав в итоге на пол, но так и не получив ответа, Джим вспорол в коридоре половину ковра и затем с шумом повёл свою компанию вниз через восемь пролётов лестницы в мраморный вестибюль, где он осторожно и методично выпроводил их всех на улицу.

Потом “Doors” снова отправились на Запад.

Список “А” в рекламном бизнесе – это журналисты и издания, упоминание в которых наиболее важно для артистов. Это – “Time”, “Newsweek”, “The New York Times”, а в 1967-м году ещё и “Saturday Evening Post”, “Life” и “Look”. Для “Doors” список “А” был шире, чем для других ведущих групп, потому что потенциально они обращались к более широкой аудитории. Это значило, что их список “А” растягивался от “Times” до андеграундной прессы, от “Vogue” до журнала “16”.

Он делал прекрасные подарки пишущей братии, – говорит Дэнни Филдз, – агент “Elektra”. Он был таким сильным. Он давал великолепные интервью и сыпал легендарными цитатами. Он буквально бросался ими. И журналисты начали писать о нём. Он заставлял их получать от этого удовольствие. Поэтому они не смеялись над ним. Они воспринимали его совершенно серьёзно.

Джим и остальные “Doors” хотели, чтобы их воспринимали серьёзно. Поэтому их интервью звучали весьма похоже на колледжские анекдоты. Интервью представителю “Newsweek” в Лос - Анджелесе в октябре, когда они вернулись из Нью-Йорка, было тому хорошим примером. “Есть вещи, о которых вы знаете, – говорил Рэй, цитируя Джима, – и вещи, о которых вы не знаете, вещи известные и неизвестные, а между ними двери – это мы”. Позднее эти слова будут приписаны Уильяму Блэйку.

“ Это поиски, – говорил Джим, – открывание одной двери за другой. Здесь нет ещё последовательной философии или политики.

Чувственность и зло – сейчас это привлекательный для нас образ, но мы воспринимаем его как змеиную кожу, которая будет когда -нибудь сброшена. Наша работа, наши концерты – стремление к метаморфозе. Вот сейчас я больше интересуюсь тёмной стороной жизни, злом, обратной стороной Луны, ночью. Но в нашей музыке это проявляется так, будто мы ищем, стремимся, пытаемся прорваться насквозь, в некое более чистое, более свободное царство.

Это как ритуал очищения в алхимии. Сначала вы должны пройти через беспорядок, хаос, возврат к первородным страданиям. При этом вы очищаетесь и находите новый источник жизни, который всю её изменяет, изменяет суть и саму личность, пока в конце концов, с надеждой, вы не разберётесь в этом и не согласитесь со всеми этими дуализмами и противоположностями. После этого вы говорите уже не о добре и зле, а о чём-то неопределённом и чистом. Наша музыка и мы сами, как видно по концертам, ещё в состоянии хаоса и беспорядка с, может быть, зарождающимися элементами чистого начала. Недавно, когда мы появились на сцене, это стало сливаться воедино”.

Затем он провозглашал ещё один свой выдающийся лозунг: “Думайте о нас как об эротических политиках ”.

Автору журнала “Time” Джим любезно согласился рассказать о концепции рок-театра, смешивая музыку со структурой поэтической драмы. О Лос-Анджелесе он сказал так: “Этот город ищет некий ритуал, чтобы соединить в нём свои разрозненные фрагменты. “Doors” тоже ищут тот же самый ритуал – вид электрической свадьбы”. И затем: “Мы прячемся в музыке, чтобы раскрыться”.

Джим всегда придавал значение имиджу и прессе. Перед каждым концертом он спрашивал у кого -нибудь из журналистов “Elektra”, кто из прессы находится в зале и на какую аудиторию рассчитаны их материалы. Он работал в тесном контакте с Глорией Стэйверс над её публикациями в “16”, доводя каждую из них до такого состояния, чтобы он сам был ими доволен.

То, как Джим работал с фотографиями, тоже было самораскрытием. В сентябре, когда “Doors” были в Нью-Йорке, прошло три важных фотосессии, и перед съёмками он ходил к Джею Себрингу, самому модному голливудскому стилисту причёсок – ещё до отъезда из ЛосАнджелеса.

На что бы вы хотели быть похожи? – спросил Джей.

На это, – сказал Джим, показывая вырванную страницу из исторической книжки с фотографией статуи. – На Александра Великого.

Теперь, Джим, – сказала Глория Стэйверс, – ты должен слушаться меня. – Глория привела Джима к себе домой на Восточном побережье и собиралась сделать несколько фотографий для “16”. – Я хочу, чтобы ты смотрел в камеру, а не на меня. Представь себе камеру чем-то или кем -то, чем бы ты хотел, чтобы она была – женщиной, которую ты хочешь соблазнить, мужчиной, которого ты хочешь убить, матерью, которую ты хочешь обидеть, мальчиком, которого ты хочешь соблазнить, – чем угодно, чем хочешь. Помни об этом.

Остальные “Doors” уехали. Джим начал бродить по просторной квартире, заглядывая в стенные шкафы и открывая выдвижные ящики, вытаскивая пальто и драгоценности. Глория следовала за ним, пристально наблюдая. Он подошёл к зеркалу и взъерошил волосы, приведя их в полный беспорядок. Когда Глория захотела причесать их, он огрызнулся: “Убери от меня расчёску!” Она вернулась к своей молчаливой роли фотографа. Джим натянул её шубу длиной около 70 сантиметров поверх своей вышитой рубашки, встал на фоне стены, скрестив руки на промежности, широко расставивтощие, затянутые в кожу ноги. Он смотрел исподлобья, когда начала щёлкать камера. Потом он снял пальто и рубашку и начал мерить её ожерелья.

На следующий день “Doors” явились на студию Джоэла Бродски, фотографа “Elektra”. Джим снова был одет в свои облегающие кожаные подтянутые ремнём штаны и снова без рубашки. На шее у него была одинарная нитка крошечных цветных бусинок, занятая у Глории вечером раньше. Остальным “Doors” вручили чёрные пончо, и они расположились на фоне чёрного задника, так что на фотографиях появятся только фигура Джима и три головы. В течение часа Джоэл заставлял Джона, Рэя и Робби почти не двигаться, а Джиму сказал принять такую позу, которую ему бы хотелось. Он гримасничал и выглядел сердитым, обвиняюще указывал пальцем и протягивал руки за помощью, гнул своё гибкое тело и кривлялся. Он начал пить, жадно глотая виски между съёмками; откидывая назад голову, собирал в пучок похожие на лошадиные мышцы шеи, копируя надутые губы Мика Джеггера, потом – презрительную кривую усмешку Элвиса, рычал, плевался, шипел, высовывал язык. Ни разу не улыбнулся, ни разу не засмеялся.

“ Большинство групп, когда вы фотографируете их в студии, – говорит Бродски, посмеиваются друг над другом, шутят, толкаются. “Doors” никогда этого не делали. Они всегда серьёзно относились к тому, что они делали. И Джим был самым серьёзным из четверых ”.

Глория проявила только одну плёнку. Как только она напечатала

готовые фотографии, она отправила их вместе с первым альбомом “Doors” подруге в “Vogue”. Меньше, чем через неделю, Джим появился в студии “Vogue” и прошёл прямо к полке со шляпками, висевшими рядом с костюмами, оставшимися от предшествующих съёмок. Он начал их мерить и скакать рядом.

Ах-х-х, – сказал фотограф, – у меня живой клиент.

В октябре “Doors” дважды выступили в Пентагоне перед аудиторией сначала в пятьдесят, а потом – в тридцать пять тысяч человек. “Elektra” объявила, что уже получено заказов на 500 тысяч копий второго альбома. Пять американских кораблей были разгромлены и 30 подбиты от случайного налёта американской же авиации. Джон Уэйн начал снимать кино о Зелёных Беретах. В Сан-Франциско состоялся парад, названный “Смерть хиппи и рождение свободного человека ”; Джоан Бааз, Мими Фаринья и их мать были арестованы за демонстрацию в призывном центре Окленда. “Люди странные” вошли в национальную двадцатку, а в это время средних лет актёр из рекламы Виктор Ландберг записал “Открытое письмо моему сыну-тинэйджеру” на фоне Боевого гимна Республики. Последние строки:

Если ты не благодарен стране, которая дала твоему отцу возможность работать на свою семью, чтобы дать тебе всё, что ты имеешь, и если ты не чувствуешь себя достаточно гордым, чтобы бороться, чтобы продолжать в том же духе, тогда я принимаю упрёк за неудачную попытку познать истинную ценность нашего права быть. И я напомнил бы тебе, что мать будет любить тебя независимо от того, что ты делаешь, потому что она женщина. И я тоже люблю тебя, сын, но я люблю также нашу страну и принципы, на которых мы стоим. И если ты решишь сжечь свою призывную карточку, то сожги тогда же и свидетельство о рождении. С этого момента у меня нет сына.

Строки были явно натянуты. В 1967-м году это было Противостояние. В октябре Джим начал писать свои самые яркие антивоенные песни.

Первая из них получила своё название от почитаемого национального памятника “Неизвестный Солдат”, и была сделана таким же образом, как и многие ранние песни “Doors” из концертов в “Whiskey a Go Go” и “Ondine”. В течение двух-трёх месяцев она стала одним из наиболее удачных сценических номеров группы.

Жди, пока закончится война
И мы оба станем немного старше.
Неизвестный солдат…

Вдруг панихида становится празднеством. Джон и Робби присоединяются к Рэю в ритме, который был одновременно воинственным (метрономным) и карнавальным.

Завтрак, где новости прочитаны

Дети накормлены телевидением

Неродившиеся, живые, живые, мёртвые,

Пуля попадает в голову в каске.

И всё окончено для неизвестного солдата,

Всё окончено для неизвестного солдата.

Следует звук марширующих ног – это Джим, Рэй и Робби начинают шагать в унисон, а Джон обеспечивает соответствующий маршевый ритм на барабанах. Рэй отсчитывал такты.

Хат

Хат

Хат хо хи ап

Хат

Хат

Хат хо хи ап

Хат

Хат

Хат хо хи ап

Рота

Стой

Марширование прекратилось, и Джим принял образ приговорённого к расстрелу. Секунда молчания, все глаза смотрят на него: руки за спиной, будто связанные, голову он держит высоко, грудь гордо выпячена вперёд.

Це-е-е-лься!

Пли!

Длинное барабанное соло, а затем Джон обычно ломал барабанную палочку об обод барабана, изображая выстрел. Одновременно Джим резко сгибался пополам, как если бы в него попали, и как подкошенный падал на пол. Ещё одна, более длительная пауза, а потом возобновлялся звук непостижимого органа Рэя, а из всё ещё корчащейся на полу сцены фигуры исходил торжественный голос.

Сделай могилу для неизвестного солдата

Удобно устроившегося во впадине твоего плеча

Неизвестный солдат…

Снова возобновляется празднование. Джим, радостно подтанцовывая, выкрикивал:

Всё окончено!
Война окончена!
Всё окончено!
Война окончена!

В этот период написана и вторая антивоенная песня Джима – она станет со временем его самым воинственным произведением – непонятая почти никем, потому что все слышали только первые две строфы.

Пять к одному, baby,
Один из пяти.
Никто не выйдет отсюда живым.
Ты получишь своё, baby,
Я получу своё.
Давай сделаем это, baby,
Давай попробуем.
Старое стареет,
А молодое усиливается.
Можно взять неделю,
А может, и больше.
Они превосходят оружием,
Но мы возьмём числом.
Мы победим, да,
Мы берём верх.
Давай!

Песня названа по своей первой строчке, “Пять к одному” – этого Джим не объяснял. Идея Пола Ротшильда такова: “Пять к одному – то же самое, что одна шестая, приблизительная пропорция чёрных и белых в США, а одна пятая, помнится, – пропорция курящих допинг в Лос-Анджелесе”. Но Джим, где бы его об этом не спрашивали, всегда говорил, что не считает эту песню политической.

Услышанная в целости, песня кажется пародией на всю наивную революционную риторику, слышимую на улицах и читаемую в андеграундной прессе конца 60-х. Эта интерпретация вполне подтверждается последней строфой – той самой, которой аудитория Джима уделяла мало внимания. Здесь он обращался к некоторой части своих молодых поклонников, к компании “хиппи / детей цветов”, число которых увеличивалось на глазах попрошайничающих на городских тротуарах у стен любого концертного зала.

Твои дни танцев окончены, baby,
Ночь тянется рядом.

Тени вечера пройдут через годы.

Ты идёшь по полу с цветком в руке,

Пытаясь сказать то, чего никто не понимает,

Продать своё время за горсть десятицентовых монет.

Нельзя сказать, что Джим совсем повернулся спиной к “поколению любви”, из которого группа развивалась. “Мы все действительно верили в это, – говорит Рэй. – Когда мы играли в “Whiskey a Go Go”, мы верили, что – эй, парень, мы трахаем всю страну, мы перевернём её, мы сделаем совершенное общество”.

Сам Джим говорил в 1969-м году: “С исторически выгодной позиции, возможно, это будет выглядеть как период трубадуров во Франции. Я уверен, что это будет выглядеть невероятно романтично. Я думаю, мы будем казаться будущим поколениям очень хорошими, потому что происходит много перемен, и мы чутко реагируем на них”. Это было, как он говорил, культурным и духовным Ренессансом, “как то, что случилось в Европе в конце чумы, которая уничтожила половину населения. Люди танцевали, носили разноцветные одежды. Это было невероятное весеннее время ”.

Как бы сильно ни симпатизировал Джим своим юным поклонникам, всё же во многих важных аспектах он сильно от них отличался. Не как “типичный” хиппи, Джим считал астрологию псевдонаукой, отвергал концепцию всеобщего единения личностей и не обнаруживал интереса к вегетарианству, потому что религиозный пыл часто проповедовал диету. Это было, как он говорил, догмой, и не находил ей применения.

Образование Джима, его ум и происхождение ещё больше отделяли его от многих поклонников. Выпускник колледжа (не бросивший его), ненасытный читатель с высокоразвитым католическим вкусом, он едва ли был непосредственным, буквальным, истинным человеком Маршалла МакЛухана. Нравилось ему это или нет, но он был очевидным продуктом южной семьи выше среднего класса: очаровательным, целеустремлённым и во многих случаях политически консервативным. Например, он смотрел свысока на самых благосостоятельных претендентов – с тем же презрением, которое он испытывал к длинноволосым попрошайкам, критикумым в “Пять к одному”.

Ещё одним водоразделом между Джимом и его поклонниками был его путь от наркотиков к алкоголю. Выпивки к этому времени приобретали почти мифические пропорции.

У Эшера Дэнна была такая теория: если они с Джимом

напивались ночью перед важным концертом, то это пройдёт и во время выступления Джим будет относительно трезвым. Эта теория не сработала ноябрьским вечером, когда “Doors” выступали в “Winterland” Билла Грэхэма в Сан -Франциско. Джим пил с Эшем в гостиничном баре с трёх до восьми: возможно, десять или двенадцать порций. Затем они присоединились к Тодду Шиффману, который купил ещё одну порцию, прежде чем впихнуть их в машину и отвезти на Филмор Авеню, причём во время поездки Джим буквально брызгал непристойностями.

Ты думаешь, он сможет выйти на сцену? – спросил Тодд.

Конечно, – сказал Эшер Дэнн. – Когда он напивается так, как сейчас, он лучше выступает.

Это было правдой лишь отчасти: когда он был пьян, он часто давал свои лучшие концерты; но, когда он был пьян, он давал также и некоторые из худших концертов.

Лимузин подъехал к стоянке. Появился Билл Грэхэм.

Где, чёрт возьми, вы были? – воскликнул он.

Мы здесь, Билл, – сказал Эшер, очевидно, такой же пьяный, как и Джим. – Мы не опоздали на концерт.

Лицо Грэхэма превратилось в маску, и он закричал:

По контракту группа должна была быть здесь ещё час назад: это значит, все четыре члена группы! В том числе и Джим Моррисон! – Грэхэм пальцем указал на Джима. – Он пьян, не так ли?

С того момента, как Джим поднялся на сцену, творился хаос. Толпа была в экстазе обожающая, застывшая. Джим бегал по сцене, сводя с ума осветителей на балконе. Он вставал на самый край высокой сцены, раскачиваясь над осветительными приборами в оркестровой яме, вертя микрофономкак верёвкой, со свистом носящейся над головами зрителей. Перед сценой была давка.

Билл Грэхэм стремительно ворвался в зал, спустившись туда из офиса, и стал сквозь толпу пробираться к сцене. Он размахивал руками, пытаясь привлечь внимание Джима. А Джим продолжал вертеть микрофоном. Его глаза закрыты, он весь – только музыкальный ритм. В конце концов он опять запустил микрофон в зал – так, что он как пуля попал Грэхэму в лоб и сбил его с ног.

После всего в раздевалке Джим подбил Эшера толкнуть его, что Эшер и сделал; Джим растянулся на полу.

В ноябре “Doors” попали в самый цвет списка “А”: “Newsweek”, “Time”, “New York Time” и “Vogue”. Это были не просто упоминания или хвалебные рецензии на записи – газеты исследовали и пытались

дать определение “Doors”.

6 ноября “Nesweek” писала: “Качающиеся “Двери” раскрываются: бесчувственная сталь, таинственные звуки, хэллоуинский мир и запретный плод”. 15-го “Vogue” поместил фотографию Джима – с обнажённой грудью, с серебряным индейским полукруглым браслетом на шее – это была иллюстрация статьи профессора истории искусств, который рассказывал средней Америке о том, что Джим “забирает” людей. Его песни – мрачные, нагруженные каким-то фрейдистским символизмом, поэтические, но не милые, предлагающие секс, смерть, трансценденцию… Джим Моррисон пишет так, как если бы это Аллан Эдгар По вернулся на землю в виде хиппи ”. 20-го “Time” вспомнил цитату Джима из биографии для “Elektra”: “Меня интересует всё, связанное с восстанием, беспорядком, хаосом”, а затем описывал музыку как исследование, которое “вело “Doors” не только мимо таких привычных для молодёжной одиссеи тем, как отчуждение и секс, но в символические царства бессознательного – в мрачные ночные миры, наполненные бьющимися ритмами, дрожащими металлическими тонами, неясными образами”. Фотография, сделанная за кулисами, показывала Джима, затянутого в чёрную кожу, упавшего, будто от наркотиков, одно только его лицо оказалось скрытым от камеры.

“ В самом деле, с тех пор, как умер Джеймс Дин и отрастил брюшко Марлон Брандо, не было единого и главного мужского секс - символа, – писал Ховард Смит, репортёр из “Village Voice”. – В Дилане всегда было меньше мозгового сердцебиения, а “Beatles” всегда были слишком умными, чтобы быть глубоко сексуальными. А теперь появляется Джим Моррисон и “Doors”. Если моя антенна настроена верно, то он может стать именно тем, кто сумеет долго притягивать массовое либидо”.

Рядом с этим предсказанием Смит опубликовал одну из фотографий Джоэла Бродски, которая стала известна как “фотография Молодого Льва” на “Elektra” – фотоснимок бюста, показывающий обнажённую грудь и одно плечо Джима с одинарной ниткой бус Глории Стэйверс на мускулистой шее, линию подбородка а ля Стив Кэньон, чувственно полураскрытые губы, немигающий испытующий взгляд, выделенные бакенбардами высокие скулы, причёску под Александра Великого.

Даже наиболее циничные критики соглашались, что Джим Моррисон был тем самым культурным суперменом, который больше, чем жизнь, был способен подвигнуть молоденьких девушек и многих

мужчин к сексуальному удовольствию, а интеллектуалов – к пропасти. Интеллигентный нью-йоркский критик Альберт Голдман назвал его “рождённым прибоем Дионисом ” и “хипповским Адонисом”, в то время как Дигби Диль, вскоре ставший редактором книжного обзора “Los Angeles Times”, описывал его, ссылаясь на “полиморфную извращённую детскую сексуальность” Нормана О. Брауна.

Во время следующего визита “Doors” в Нью-Йорк Джим, пьяный, с выпученными глазами, появился в бутике на Лауэр Ист Сайд, где у них с Памелой была старая знакомая, в прошлый раз продавшая им несколько пар клёшей. Трина Роббинс жила в задней комнате и, когда он постучал в окно, она проснулась и впустила его. “Он не сказал ни слова. Он вошёл, снял одежду и так и стоял, голый. Вы знаете, он был так прекрасен. Он казался слегка смущённым, но спросил меня, хочу ли я уйти или нет”.

Джим часто видел Глорию Стэйверс, весьма неглупую эксмодель тридцати с чем-то лет хрупкой внешности и с ярким внутренним миром, которая редактировала журнал для подростков “16”. Рэй, Джон и Робби предупреждали Глорию насчёт Джима вскоре после того, как они познакомились, рассказав ей о ночи, когда он поливал из огнетушителя студию звукозаписи. “Будь осторожна, – сказал Робби, когда Глория предложила Джиму встать для съёмки на фоне стены, – он сделает то, что ты скажешь, и ещё раз, и ещё раз, а потом однажды он сделает что-то странное и жестокое”. Это выглядело, как если бы Робби говорил о любимом брате, у которого случались судороги. Предупреждение было вежливым и искренним.

Взаимопонимание было ещё в действии. Когда Глория сказала Джиму, что она хотела бы больше писать о нём и фотографировать его, чем группу, Джим расстроился, что другие “Doors” будут чувствовать пренебрежение к себе, и позволил себе заметить, что все вместе будут смотреться лучше. Когда менеджеры говорили Джиму, что без остальных троих он был бы даже более популярен, и был бы богаче, если бы у него были музыканты на жаловании по платёжной ведомости, а не равные партнёры, – Джим обещал подумать, а потом просто рассказал Рэю, Робби и Джону, и все вместе они стали думать о смене менеджеров. Джим рассказывал Глории: “Мне достаточно просто взглянуть на Рэя, чтобы понять, что захожу слишком далеко”. Когда Глория рассказала об этом Рэю, тот сказал: “Ну, я его очень люблю”.

На концертах взаимопонимание достигало апогея. “Видите ли, – говорит Рэй, – когда сибирский шаман готовится войти в транс, все

жители деревни собираются вместе и трещат в трещотки, дуют в свистки и играют на любых инструментах, какие у них есть. Это постоянное нагнетание, нагнетание, нагнетание. Это действо длится часами. Это тот же самый способ, которым пользуются “Doors” во время концерта. Отделения длятся не так долго, но я думаю, что наши эксперименты с наркотиками позволяют нам достичь результата гораздо быстрее. Мы знали симптомы нужного состояния, и потому мы могли попробовать приблизиться к нему. Как будто Джим был электрическим шаманом, а мы – группой электрического шамана, нагнетающей для него атмосферу. Иногда он никак не может достичь нужного состояния, но группа продолжает давление, и постепенно он подчиняется ему. Господи, я мог получить электрический шок от органа благодаря его энергии. Джон мог испытать его от барабанов. Каждый раз в течение всего концерта вы могли это видеть судороги! – я мог ударить по струне изаставить его биться в судорогах. И он снова “улетит”. Иногда он бывал просто невероятен. Просто поразителен. И публика тоже чувствовала это!”

Полиция также почувствовала это 9 декабря 1968 года. На следующий день после двадцатипятилетия Джима, “Doors” выступали в Нью-Хэйвене, штат Коннектикут. Джим за кулисами разговаривал с девушкой в мини-юбке. В коридоре, лениво прислонясь к стенам, стояли полицейские. Техники таскали усилители. Поклонники, типа этой девушки, были повсюду. Оставалось тридцать минут до выхода “Doors” на сцену.

Здесь невозможно разговаривать, – сказал Джим девушке. – Давай поищем более спокойное место.

Девушка молча кивнула и последовала за Джимом, когда он толкнулся в открытую дверь душевой, осмотрел её и вошёл внутрь.

Через несколько минут Джим с девушкой уже обнимались.

Вошёл полицейский.

Эй, ребята! Убирайтесь отсюда! Никому нельзя находиться за кулисами!

Джим взглянул на полицейского:

Кто это говорит?

Я сказал, убирайтесь отсюда. Давайте, двигайтесь!

Накося выкуси, – Джим хлопнул себе по промежности сложенной лодочкой рукой.

Полицейский потянулся за чем-то, за крючок пристёгнутым к ремню.

Последнее предупреждение, – сказал он. – Последний шанс.

– Последний шанс выкусить, – усмехнулся Джим.

Девушка побежала, когда полицейский шагнул вперёд, а Джим получил в лицо порцию химической пены.

Джим бросился на полицейского, затем вслепую выскочил в коридор, рыча: “В меня брызнули газом! Трахнутая свинья!” Собралась толпа, все обступили Джима; полицейский признал, что совершил ошибку.

Подбежал Билл Сиддонз, сопровождающий “Doors”, и с помощью полицейского привёл Джима к умывальнику, где они промыли ему глаза водой. Полицейский извинился, и через несколько минут начался концерт.

Во время представления студенты часто аплодировали, а многие из них присоединялись к Джиму, когда он кричал: “Мы хотим мир, и мы хотим его… сейчас!” Когда он проявил враждебность к аудитории, высокомерно подбросив микрофонную стойку, они ответили восторгом. Потом, во время инструментальной паузы в “Человеке чёрного хода” Джим начал говорить.

Я хочу рассказать вам о том, что случилось несколько минут назад прямо здесь, в НьюХэйвене. Это ведь Нью-Хэйвен, штат Коннектикут, Соединённые Штаты Америки?

Аудитория стала прислушиваться, когда Джим подробно излагал детали своего пребывания в городе: обед и напитки, разговор о религии с официанткой, неожиданная встреча с девушкой в раздевалке. Он начал разговаривать с девушкой, сказал Джим. На ритмическом фоне “Человека чёрного хода” спонтанная болтовня становилась гипнотической. “И мы хотели уединиться… И поэтому мы зашли в душевую. Но, вы знаете, мы ничего не делали. Просто стояли там и разговаривали… А потом туда вошёл этот маленький человек, этот маленький человек в маленьком голубом костюме и маленькой голубой фуражке ”.

Вдоль перед сценой, лицом к публике, стоял ряд полицейских, как это традиционно бывает на рок-концертах, чтобы сдерживать бурные волны тинэйджеров. Но когда Джим начал свой рассказ, некоторые из них повернулись кругом.

– “ Что вы тут делаете?” – цитировал Джим слова полицейского в душевой. – “Ничего”. Но он не уходил. Он оставался там, а потом слазил куда-то себе за спину и вытащил оттуда какуюто маленькую чёрную коробочку, на вид напоминавшую крем для бритья. А потом он брызнул мне в глаза.

Почти все полицейские смотрели теперь на Джима. Он

использовал голос “глупого южанина ”, рассказывая эту историю, и использовал его для того, чтобы посмеяться над маленьким человеком в маленьком голубом костюме. В аудитории послышался смех – смех, относящийся к полицейским.

Весь мир ненавидит меня! – кричал Джим. – Трахнутый мир… Никто не любит меня. Весь трахнутый мир ненавидит меня. – Публика была в восторге.

Джим дал сигнал группе и с разгону запел финальный рефрен песни: “О, я человек чёрного хода…”

Вдруг зажёгся свет, и Робби сделал шаг вперёд, чтобы шепнуть Джиму на ухо:

Кажется, менты уписались.

Джим спросил аудиторию, хочет ли она ещё музыки, и, когда ответом прозвучало громкое “Да!”, Джим воскликнул: “Ну, тогда выключите свет! Выключите свет!” Но свет продолжал гореть, и лейтенант полиции, руководитель молодёжного отделения Нью-Хэйвенского департамента полиции, вышел на сцену и сказал Джиму, что он арестован.

Джим повернулся лицом к полицейскому, затянутые в кожу ноги вызывающе расставлены; длинные волнистые волосы – мокрые, лохматые. Он сунул микрофон под нос полицейскому.

Ну, свинья, – сказал он в смеси школьной бравады и взрослой неприязни к авторитетам, – ну, скажи, тип, что ты там хочешь сказать!

Появился ещё один полицейский, оба они взяли Джима под руки и повели через занавес со сцены. Они тащили его вниз по лестничному пролёту, затем через автостоянку, поставили его у патрульной машины и сфотографировали, потом сбили с ног, били ногами, наконец, запихнули в машину и отвезли в отделение, где предъявили обвинение в непристойном и аморальном поведении на сцене, нарушении общественного порядка и сопротивлении при аресте.

Полицейские арестовали также журналиста из “Village Voice” и фотографа из журнала “Life”, неумышленно гарантируя Джиму максимум рекламы.

Через несколько дней Джим сидел на полу в офисе “Doors” среди завала из фанатских писем, вырезок из газет и журналов за две недели, и последней выборкой из рекламы “Doors”. Джим развернул статью, написанную кинокритиком из “Los Angeles Free Press”.

Эй, – сказал он минутой позже, – кто-нибудь из вас, ребята, читал, что говорит о нас Джин Янгблад?

Присутствующие в комнате подняли глаза. Джим самодовольно

улыбался.

Он говорит, я цитирую: ““Beatles” и “Stones” – для проветривания ваших мозгов. “Doors” для следующего этапа, когда ваша крыша уже отъехала”.

Джим выпрямился, будто он читал с дощечки.

Слушайте, что он говорит о музыке. “Музыка “Doors” – это музыка произвола. Это не притворство. Она исследует тайны истины. Это авангард в содержании, если не в технике: она исследует безумие, которое присутствует в каждом из нас, порочность и мечты, но она исследует всё это в относительно традиционных музыкальных формах. В этом её сила и её прелесть – прелесть, которая ужасает.

Музыка “Doors” больше сюрреалистическая, чем психоделическая. Это больше боль, чем кислота. Больше, чем рок – это ритуал, ритуал психосексуального заклинания. “Doors” – маги поп - культуры. Моррисон – ангел, самоуничтожающийся ангел”.

Джон Денсмор взял вырезку из рук Джима и заглянул в неё.

Эй, – сказал он, – в первом абзаце он говорит, что был потрясён, когда он вошёл в зал: мы играли “Лошадь терпит”.

Все собрались вокруг, подбираясь к вырезке.

Посмотрите, – сказал Билл Сиддонз. – Говорят, ““Doors” может обеспечить немедленное просветление через секс ”.

На десять минут последовали шутки и смех. Через несколько месяцев Джим скажет, что

Янгблад был первым, кто действительно увидел в нём самое главное.

Затем прямо перед Рождеством, накануне их первого концерта в “Shrine”, Рэй и Дороти попросили Джима и Памелу быть свидетелями на их свадьбе.

Классно! Когда Рэй?

Сегодня днём… в Сити-Холле.

В ту ночь Джиму пришлось обкуриться не на сцене, так как он хотел всю ночь петь баллады для новобрачных.

Глава 6

Джим жил в десятидолларовой комнате в мотеле “Alta Cienega” – двухэтажном на фоне гор доме из почти одинаковых комнат; тропинка оттуда вела на Сансет Стрип. На несколько лет этот мотель станет центром мира для Джима Моррисона.

Это место было удобно, когда у Джима не было машины или когда у него за пьянство отбирали права. Отсюда всё было на расстоянии пешей ходьбы – даже по лос-анджелесским меркам. Новый офис “Elektra” и студия звукозаписи находились меньше, чем в ста метрах вниз по бульвару Ла Сьенега – широкой авеню, известной как Ресторанный Ряд – здесь Джим обедал сотни раз. Ещё ближе был собственный офис “Doors” и три любимых бара Джима.

Джим жил в комнате №32 на втором этаже. Сейчас он лежал, растянувшись поперёк зелёного синельного покрывала на скомканной двойной кровати.

Около маленького телевизора, спиной к крошечной ванной комнате, стояла девочка лет 17 или 18.

Джим выпил пиво и бросил банку в пластмассовое ведро, стоявшее рядом с со вкусом одетой блондинкой, но промахнулся.

Следом он бросил на пол книгу “Происхождение и история сознания”.

Чёрт с ней. – Джим отрыгнул. Взглянул на девочку. Приподнял подбородок, дав ей знак подойти к кровати. Она была его случайной знакомой с прошлой ночи; он выслушал всю историю её жизни, затем “трахнул её через зад”, и теперь ему было скучно.

Покажи мне свои руки, – сказал он.

Девочка протянула свои руки. Джим взял одну руку за запястье и начал снимать кольца с её пальцев. Он был груб. Она закричала от боли.

Дай другую руку, – приказал он, ещё не закончив с первой.

Она заколебалась. Он сжал её запястье и повторил приказ. Она подчинилась, и он снял все остальные кольца, порой срывая их вместе с кожей.

Затем он отпустил её. Он держал кольца в одной руке, а другой, перегнувшись через кровать, вытащил из бумажной коробки ещё одну банку пива и приказал девочке открыть её. Она подчинилась.

Неожиданно раздался стук в дверь.

Да? – сказал Джим раздражённо. – Кто там?

Это секрет, – донёсся дразнящий женский голос.

Джим сразу узнал этот голос.

Почему ты пришла так рано, я не одет, – сказал он.

Джим, я так далеко сюда шла, а теперь ты даже не хочешь меня впустить.

Сейчас, Пэм, дорогая, я занят.

Джим, я знаю, у тебя там кто-то есть. Я знаю! Я не могу поверить, что ты опять этим занимаешься. Ты отвратителен.

Джим молчал.

Джим, я приготовила на ужин великолепную баранью ногу в духовке, а живу я теперь…

Джим перебил её.

Ну, послушай, здесь совершенно ненормальная девчонка, Пэм, она просто лежит на кровати, раскинув ноги, и я не знаю, что делать.

Ты отвратителен, Джим Моррисон, и я ухожу!

Но Пэм, дорогая, это твоя сестра Джуди. Тебе не стоит сходить с ума.

Джим обернулся к девочке в комнате и извинился, что там не было задней двери, чтобы выйти через неё. “И нельзя уйти через окно, здесь шесть метров до земли”. Он огляделся вокруг. “Может быть, ты встанешь в душ?”

Памела позвала его.

Я хочу видеть её, Джим.

В коридор вышла горничная и начала ругаться с Памелой, говоря, что та производит слишком много шума и что ей нужно уйти. Джим натянул на себя рубашку и штаны и вышел из комнаты.

Да, Пэм, дорогая, – сказал он, обняв её за плечи, – я обманул тебя, там не было твоей сестры. – Джим протянул ей руку, показывая кольца. – Смотри, – сказал он, – это тебе. Мне их подарила одна из фанаток.

Памела взяла бирюзовое кольцо, надела его на палец, а остальные положила в карман. Они подошли к машине Памелы и сели в неё.

Это была типичная сцена. Джим был способен на нежность и жестокость с интервалом всего в несколько минут. Для некоторых он становился этаким “ласковым плюшевым медведем”.

Всех он уверял в любви, и это была правда момента. Но в отношении многих, включая Памелу, эти заверения выдерживали испытание на прочность.

Чтобы загладить вину, Джим сказал Памеле, что возьмёт её с собой в Лас-Вегас – вместе с Бобом Гавером и его подружкой. Гавер

был автором грубого, но сильного стодолларового смешного романа “Непонимание” о наивном белом студенте колледжа и о недоверчивой и очень меланхоличной чёрной проститутке. У Гавера был контракт с “New York Times Magazine” о написании рассказа, в котором он должен был изобразить Джима творением кукольников Маккиавелианского Голливуда. Когда же он настоял на том, чтобы Джим появился там собственной персоной, его убрали из рассказа, но к тому времени эти двое успели стать приятелями, разделяя любовь к книгам, женщинами алкоголю. Одно время Гавер жил в Вегасе, и он сказал Джиму, что хотел бы показать ему неизвестную туристам сторону жизни города. Как и следовало ожидать, однако, Джим с Памелой поссорились, и Джим уехал в Вегас без неё.

Джим и другие вышли из машины Гавера, остановившейся на пустынном месте в вечернюю жару, и мельком взглянули на шатёр ночного клуба: “Pussy Cat a Go Go Presents Stark Naked and the Car Thieves”. Джим засмеялся и с важным видом прошествовал через автостоянку. Он пил с полудня, а сейчас было около десяти часов. Он оглянулся на свою компанию и, поднеся пальцы к губам, сделал шумную затяжку из воображаемой сигареты с марихуаной.

Хочешь ударить? – спросил он.

Охранник сделал шаг назад, как бы отталкиваясь, затем прыгнул вперёд, одновременно вытаскивая дубинку.

Эй, подождите! – вышел вперёд один из приятелей Джима, протестуя.

Охранник опустил дубинку на ближайший череп, затем повернулся и ударил Джима. Джим, казалось, больше удивился, чем обиделся, хотя кровь стекала по щеке, а охранник снова бил его.

Вскоре приехала полиция и забрала Джима и Гавера – двоих с самыми длинными волосами, сделав чёрно-белые фотографии в фас и в профиль.

Куриное дерьмо, – сказал Джим шёпотом и снова сел спокойно.

Куриное дерьмо, – он повысил голос и снова смолк.

Свинья, – сказал он.

Свинья, – снова громко.

Куринодерьмовая свинья.

Полицейские, сидевшие впереди, не обращали внимания на язвительные замечания Джима, а Гавер пытался заставить его замолчать.

Нет, парень, – сказал Джим, – это проверка на мужество.

Боб был задержан за пьянство в общественном месте, а Джим – за

то же самое плюс бродяжничество и отсутствие документов, удостоверяющих личность. Как обычно, у него в карманах не было ничего, кроме кредитной карточки.

– Эй, кого вы там привели, – спросил один из полицейских в тюрьме, когда Джима и Боба ввели внутрь, – пару девчонок?

Эй, парень, глянь на эти волосы. Ха-ха.

Думаю, эти прекрасные создания должны раздеться, чтобы мы могли с уверенностью сказать, какого они пола – ты это имеешь в виду?

Боба и Джима заставили раздеться, после регистрации разрешили одеться и поместили в камеру. Ограждения её доставали до шестиметрового потолка, и, когда дверь за ними закрылась, Джим вскарабкался, как обезьяна, наверх клетки, чтобы заглянуть в соседнюю комнату к полицейским.

Эй, Боб, – позвал он, – не правда ли, они – самые отвратительные motherfuckers, которых ты когда -либо видел?

Джим засмеялся:

Ах-хи-хи-хи-хи-хи…

Один из полицейских подошёл к стене и посмотрел наверх.

Я уйду в полночь, как и тогда, когда у нас был концерт. Только ты и я в комнате. Загляните позже… дорогие мои.

За пять минут до полуночи Джим выкинул ещё какую-то штуку, когда друзья Боба вытащили их оттуда, и Джим продолжил гулянку.

Это – также типичная сцена. В первые месяцы 1968-го года пьянство Джима быстро усиливалось, и это тревожило остальных “Doors”. В традиции Дилана Томаса и Брендана Бихана Джим стал не просто Мифически Пьяным, но Ежедневным Мифически Пьяным.

На вечеринке в доме певца Джона Дэвидсона Джим пил вместе с Дженис Джоплин. Пол Ротшильд вспоминает, как они стояли, положив руки на плечи друг другу: “Мистер и Миссис Рок -н-ролл”. Но тогда намерения у Джима были другие: он схватил Дженис за волосы и потянул её голову к своей промежности, пытаясь там удержать. В конце концов она вырвалась и в слезах убежала в ванную комнату. Джима запихнули в машину. Дженис побежала за ним. Она настигла его уже в машине и принялась бить по голове бутылкой из под “Южного комфорта”. Джим смеялся, когда их растаскивали.

В Нью-Йорке, на “Scene”, Джим споткнулся и опрокинул на колени Дженис стол с напитками, затем, двигаясь в такт музыке, нагнулся к сцене и там упал на колени, сжав в горячем слепом объятии ноги Джими Хендрикса.

Вернувшись в Лос-Анджелес, в “Barney’s Beanery”, он стал спорить со своим приятелем Томом Бэйкером. В фильме, сделанном совместно с Энди Уорхолом, Том появился голым, и теперь он дразнил Джима.

Наконец-то я сделал это, – говорил он.

Джим был пьян, и он потянулся к своей ширинке.

Ну, и я могу это сделать, – хвастался он. – Я могу это сделать. В этом нет ничего особенного. В этом нет искусства.

В Мидвестернском аэропорту, опять-таки пьяный, Джим настоял, чтобы его впихнули в кресло на колёсиках, из которого он периодически падал, яростно дёргаясь, будто в сильном припадке. В конце концов он упал и уже не двигался. Его перенесли оттуда на скамейку, и Билл Сиддонз вежливо загородил его переносным багажом и гитарными чехлами.

Джим добивался успеха по рок-н-ролльной традиции “удача-приходит-к-победителю”. Кроме всё увеличивающегося числа девочек, он начал неистово тратить деньги – не на дома и машины, а на огромные счета в барах и на сшитую на заказ одежду, в том числе на куртку из кожи ящерицы и на костюм из шкуры эмбриона пони за 2200 долларов. Последний был небрежно выброшенв аэропорту на помойку, когда кто-то купил несколько таких же из кожи тюленя. У него появилась небольшая “свита”, которая всюду сопровождала его, греясь в специфическом свете поп -звёздного оттенка шестидесятых. Они возили Джима всюду, куда он хотел, соревновались, кто первым зажжёт его сигарету, бегали по его поручению в магазин за выпивкой, приводили в вокальную кабину множество самых настоящих группиз.

Джим также начал собирать и свой первый кружок серьёзных пьяниц, включая актёра Тома Бэйкера; затем фактически неизвестного ещё певца Элиса Купера и участника группы Элиса Глера Бакстона. Джим к этому времени стал очень серьёзно относиться к выпивке, хотя казалось, что всё было случайно. Он проводил целые дни в барах, которые практически окружали его мотель. Он никогда не появлялся в студии без бутылки.

Алкоголь был универсальным средством для Джима, магическим зельем, которое отвечало его нуждам, решало его проблемы, и, казалось, было ему предопределено. Потребление алкоголя было и одной из составляющих дионисийского образа, с которым он отождествлял себя и который ему нравилось примерять на себя. Это также хорошо вписывалось и в американскую культурную традицию.

Почти сразу после того, как была начата запись третьего альбома,

обстановка в студии стала ненормальной. Сначала в репетиционной комнате, а затем и в студии стеной стояла “свита”. Ночью Брюс Ботник вытаскивал из вокальной кабины потерявшую сознание толстую девочку с платьем, задранным выше пояса и без штанов, и все, кто хотел, трахали её.

Потом наступил вечер, когда Джон бросил барабанные палочки и ушёл. Однажды раньше он уже делал это, когда Джим был слишком пьян, чтобы петь на вечере выпускников Мичиганского университета. Но теперь его уход был окончательным.

Всё! – взорвался Джон. – Меня это достало, хватит, я ухожу! Меня уже это достало, я ухожу! – Он ушёл.

Рэй и Робби посмотрели друг на друга, а затем вниз на Джима, который свалился на пол в студии и лежал в растекающейся луже мочи. Рэй медленно встал и прошёл в контрольную комнату. Он пожал плечами и сказал: “Я не знаю…” На следующий день, как обычно, в записи участвовали все четверо “Doors”.

Джон, Робби и Рэй начали потихоньку выяснять, кого бы можно было нанять для некоего дружеского контроля. Пол Ротшильд предложил Бобби Ньюверта, жившего тогда в НьюЙорке. “Doors” сказали, что слышали о нём.

Это спутник Дилана?

Больше того, – сказал Пол. Ньюверт был движущей силой, зарядом, и просто привлекательным энергичным человеком с беспечной внешностью. Он, кроме того, знал всех, кого нужно было знать – “с кем ты хочешь познакомиться, с Брандо?” Джоан Бааз говорила, что именно Ньюверт вдохновил Дилана на “Like a Rolling Stone”. – И, – сказал троим “Doors”

Пол, – он может навсегда “взять” Джима Моррисона. Он может занять его время, а с его умом – отвлечь его от девочек и пьянства, заставить больше двигаться, меньше спать и вовремя являться на концерты.

Трое “Doors” сказали Полу, что это им подходит, и Пол позвонил Джеку Холзману в НьюЙорк, сказав, что ситуация сильно ухудшилась, и они не уверены, что смогут записать третий альбом, пока кто-нибудь не сделает что-нибудь с Джимом. Джек сказал, что “Elektra” заплатит Ньюверту половину суммы.

Поскольку Ньюверт был, что называется, “странствующим художником”, они с Джимом встречались в Нью-Йорке и были немного знакомы, но, чтобы его роль выглядела естественной, Пол привёл его к Джиму во время мартовского турне “Doors”. План был

такой, что Бобби начнёт делать фильм о “Doors” – документальную короткометражку, которая могла бы быть использована для раскрутки одного из выходящих синглов, сильно похожую на те, что были сняты для “Прорвись насквозь” и “Неизвестного солдата”.

Конечно, Джим делал то, что и собирался делать. “Не думайте, что “Doors” делали это за его спиной, – говорит Ньюверт, – потому что никто и никогда не делал ничего за спиной этого кота, потому что если вы абсолютно знали его, то вы знали, что он вовсе не был немым. От этого он предавался меланхолии – и немедленно. Мне предложили быть кем-то вроде неправящего правителя, да? Но в таком виде эта схема не работала. Кот приходил в уныние от каждого движения, которое делалось в этом направлении”. Итак, тем не менее, говорит Ньюверт, у них с Джимом завязались приятельские отношения. Сначала он попытался научить Джима играть на гитаре, но Джим отказался, потому что это было бы слишком долго. Тогда они занялись тем, что Бобби знал лучше всего: они просто бездельничали.

Это было совсем не трудно, парень. Не трудно измениться, потому что я тоже люблю холодное пиво и… текилу. Если говорить прямо, то нельзя сказать, что Джим должен был пить. Вы просто пришли бы к тому, что начали пить вместе с ним.

Джек Холзман посетил один из сеансов звукозаписи вскоре после того, как был нанят Ньюверт, и его тайно провели в вокальную кабину.

Я должен попросить вас о любезности, – сказал Робби.

Конечно, Робби.

Робби сказал Джеку, что они хотели бы получить вперёд авторские гонорары, которые они зарабатывали, но которые должны быть выплачены по истечении нескольких месяцев.

Сколько вам нужно?

Я не знаю, мы хотим выкупить наш контракт в “Sal and Ash”.

“Doors” обсуждали этот шаг несколько месяцев. “Dann and Bonafede” стали для них хорошим агентом и опытной рекламной фирмой, но в то же время они пытались разбить группу, уговаривая Джима выступать одному, а за кулисами они частенько снабжали Джима бутылками. То же самое они говорили отцу Робби и адвокату Максу Финку.

Джек Холзман никогда не любил менеджеров “Doors”, потому что, как он считал, они вбивали клин между ним и группой, когда, например, настаивали, чтобы ребята поменяли номера телефонов и скрывали новые от представителей “Elektra”. Поэтому он с радостью заплатил “Doors” аванс в сумме 250.000 долларов, часть того, что

гарантировала реализация пластинки. “Dann and Bonafede” получили пятую часть этой суммы.

“Doors” просили вернуться своего прежнего гастрольного менеджера Билла Сиддонза. В тот год он покинул их, чтобы учиться, и, таким образом, избежать призыва в армию, но за 1500 долларов в месяц, которые обещали ему “Doors” – помимо процентов – он посчитал, что можетпозволить себе лишиться студенческой отсрочки и нанять хорошего адвоката специалиста в этой области (который впоследствии добился освобождения от службы и для Робби). Билл, которому было девятнадцать лет, был гражданином Канады со статусом постоянно проживающего в США иностранца, но он был самым типичным южнокалифорнийцем: высоким, светловолосым, хорошо сложенным, знающим толк в сёрфинге, мотоциклах, наркотиках и симпатичных девочках.

В то время не было ничего необычного в том, чтобы при молодости и наивности Билла стать преуспевающим менеджером рок - группы. Музыканты часто обращались за помощью к своим гастрольным менеджерам, когда возникали трудности. Кроме того, было ясно, что на самом деле “Doors” будут сами себе менеджерами, пока Билл бегает по офисам и служит связующим звеном между ними и их адвокатом, агентом, бухгалтером и журналистами.

Настроение и поведение Джима улучшилось, и серия из четырёх концертов в “Fillmore East” в Нью-Йорке перекрыли недавние воспоминания. Билл Грэхэм сначала сильно возражал против показа ярко импрессионистского фильма, который “Doors” сделали к “Неизвестному солдату” – в нём Джим привязан к столбу на венецианском пляже, выстрел, кровь хлынула у него изо рта – но в конце концов согласился.

Подростки признавали чёрно-белого ирландского Моррисона фигурой не меньше Бога. В “Crawdaddy” журналист Крис Вайнтрауб летом 1968-го года описывал Джима таким образом:

Он шагнул к микрофону, схватил его правой рукой, а стойку – пальцами левой, и посмотрел вверх, так, что свет бил ему в лицо. Мир родился в этот момент. Во всём мире нет другого такого лица. Оно так прекрасно, хотя по обычным меркам даже и не привлекательно. Я думаю, что именно поэтому, глядя на него, вы можете сказать, что он есть Бог. Когда он предлагает умереть за нас на кресте, это нормально, потому что он и есть Христос.

Другой, более спокойный автор из этого же журнала, вспоминал:

После его символической смерти весь мир бурно радуется, пока

Моррисон истерично поёт на записи: “Всё окончено, baby! Война окончена!”

Когда фильм показывали в “Fillmore East”, переполнение молодой публики антивоенными настроениями было похоже на ад. “Война окончена! – кричали в проходах подростки. “Doors” закончили чёртову войну!” Маленькая страстная пьеса “Doors” захватывала публику. Джимми с ребятами сделали это снова.

Как только “Неизвестный солдат” попал в чарты пластинок, случился другой кризис. Это было в Лос -Анджелесе, когда “Doors” вернулись в студию. Рэй попросил техника группы Винса Тринора о некоторых изменениях в аппарате.

Говоря об изменениях, – сказал Винс, – не думаешь ли ты, что пришло время нанять нового менеджера? – Конечно, он предложил себя. Рэй был ошеломлён.

Винс считал, что Билл нанёс серьёзный ущерб группе, и предложил сменить его всем четверым членам группы по отдельности. Затем четверо “Doors” и Пол Ротшильд вошли в контрольную комнату и чуть позже присоединились к Биллу, который гордо шествовал за Винсом, радостно кивая головой. Они были согласны, что Винс был гением электроники (в чрезвычайной ситуации однажды вечеромон разобрал, отремонтировал и собрал на сцене, в темноте, усилитель гитары Робби). Кроме того, они были согласны и с тем, что найти более преданного “Doors” человека, чем угрюмый органный мастер из Массачусетса, будет невозможно. Но они чувствовали, что он был не тем человеком. У него был плохой характер, и он был одним из тех самых эксцентриков, чьи манеры отталкивали многих. В то же время они решили, что Винс получит поощрение и повышение, из техника станет гастрольным менеджером, вместо 400 будет получать 500 долларов в месяц плюс 100 долларов за концерт.

Эта небольшая проблема разрешилась, и “Doors” снова обратились к решению проблемы большой и главной – к завершению альбома.

Дело шло не гладко. Длинная композиция, названная “Празднование Ящерицы”, была сильно сокращена, остался лишь небольшой кусочек под заголовком “Не трогайте Землю”. Первые строчки – “Не трогайте Землю, не смотрите на Солнце” – из оглавления “Золотого Сука”. В черновом варианте “Ящерица” длилась 24 минуты, и исключение её – после многих часов работы в студии – оставило незаполненной половину альбома.

Поэтому “Doors” обратились к тому немногому, что осталось от

их раннего репертуара, и записали песни, сочинённые Джимом ещё в Венеции, в том числе ту, которой суждено было стать их следующим большим хитом – “Привет, я люблю тебя”, которую они вспомнили благодаря оригинальной демозаписи, сохранившейся у юного сына Джека Холзмана – Адама. Аранжировки других песен были сделаны в студии. На одной из них, “Моя дикая любовь”, “Doors” отказались от музыки и превратили её в чисто певческий номер, заставив всех присутствующих, включая и Марка Джеймса – маленького сына Билли – хлопать в ладоши, топать ногами и подпевать в унисон.

Больше времени было потрачено на обработку записи Полом Ротшильдом. Почти каждая песня на альбоме требовала не меньше двадцати дублей – по общему признанию, большинство дублей пришлось переписывать из-за Джима, а “Неизвестный солдат”, записанный в двух частях, потребовал в сумме 130 дублей. В мае, наконец, альбом был закончен.

Джим сильно колебался в своём отношении к нему, но всё больше и больше он выказывал своё разочарование и скуку пренебрежением к своей музыке, чтобы уделять время всё возрастающему числу его немузыкальных привязанностей. Одной из них было кино.

Когда французский режиссёр Жан Лу Годар появился на американской премьере “La Chinose” в Университете Южной Калифорнии, Джим занял место в первом ряду. Его друг-романист Боб Гавер писал сценарий, и они говорили о том, что Джим примет в нём участие. Джоан Дидион, которая написала лестную заметку о Джиме для “Saturday Everning Post”, и её муж журналист Джон Грегори Данн приобрели права на фильм по книге под названием “Игольчатый парк” и хотели, чтобы Джим и его друг Том Бэйкер сыграли там главные роли. А короткий чёрно-белый документальный фильм Бобби Ньюверта “Не трогайте Землю” был задуман в стиле других снятых “Doors” промоушн-фильмов.

Идея была в том, – говорит Бобби, – что “Doors” никогда не должны были делать “Шоу Дика Кларка ” или другие подобные фильмы. Они сделают больше, чем просто перекроют последний фильм. Это вариант, когда никому не нужно будет прилагать никаких усилий и никому не придётся быть трезвым.

Фильм Бобби так никогда и не был снят. “Doors” решили не выпускать “Не трогайте Землю” в виде сингла, и Бобби ушёл из команды.

После его ухода было решено сделать более длинный

документальный фильм. Четверо “Doors” энергично согласились разделить поровну между собой его стоимость, они считали, что фильм станет выгодным вложением с большой потенциальной отдачей. Если он пойдёт в широкий прокат и станет популярным, скажем, как “Не гляди назад” Дилана, они смогут получить большую прибыль. Даже продажа его на телевидение сделает проект весьма доходным. В то же время фильм, как ожидалось, сможет поднять творческий статус группы, пока улучшаются её финансовые дела. В 1968-м году фильм был для рок-группы вполне подходящим способом засветиться, и “Doors” были среди первых, сумевших стать интересными.

На камеры, освещение, магнитофоны и монтажное оборудование было потрачено двадцать тысяч долларов; кроме того, были наняты три штатных сотрудника. Двое из них были выпускниками киношколы УКЛА, сокурсниками Джима и Рэя. Первым был Пол Феррара, приятный на вид молодой человек, появлявшийся на ранней венецианской сцене, а теперь занимающийся фотографией. Вторым был Фрэнк Лишьяндро, с мягким голосом, немного странный студент, который вместе со своей женой Кэти (она будет секретарём “Doors”) отслужил два года в Мирном Корпусе в Африке. Третьим был Бэйб Хилл, один из старых школьных друзей Пола Феррары – из спального пригорода Инглвуда, где до недавнего времени у Бэйба была жена и двое детей.

Следующие три месяца эти трое следовали за “Doors” по всей южной Калифорнии – от Диснейленда до Каталины – а затем и по всей Америке, чтобы снимать их за работой в студии и на концертах. Как и все остальные, попадавшие в орбиту “Doors”, эти трое притягивались силой личности Джима и глубиной его великодушия. В то время они были его самыми близкими друзьями, особенно похожий на ребёнка Бэйб, чья открытость и доброжелательность ко всему и всем восхищали Джима. “Я не знаю, что это – кошачья глупость или гений, но он, безусловно, знает, как нравиться людям”, – сказал однажды Джим.

В это же время Джим снова занялся поэзией. Хотя остальные “Doors” считали “Празднование Ящерицы” своеобразным альбатросом на их шее, пока, наконец, его не выбросили из третьего альбома, Джиму нравились слова, и он усматривал там даже что-то от “чистой драмы”. Здесь повторялись многие из его любимых тем, в том числе тюрьма, безумие, мечты и смерть. (Увы, из 133 строк поэмы будут помнить только две: “Я – Король Ящериц / Я могу делать всё”). Кроме

того, он получал удовольствие, раскапывая некоторые из своих ранних творений времён УКЛА для журнала “Eye” – рассеянные эссе видения, поэтические, интуитивные, но столь эзотерические, что редакторы почувствовали необходимость добавить от себя подстрочные примечания, чтобы объяснить некоторые из его колдовских ссылок.

Памела подарила Джиму тиснёную кожаную сумку, чтобы хранить в ней стихи, которые он так аккуратно и старательно печатал на машинке, и организовала ему встречу с санфранцискским поэтом Майклом МакКлюром. Джим сказал, что хотел бы посмотреть полемическую новую пьесу МакКлюра “Борода”, и Памела позвонила одному из старых друзей своей сестры, который был литературным агентом МакКлюра. Он достал им билеты на спектакль в Лос - Анджелесе, и после него Джим встретился с поэтом бит-поколения, который был одним из его школьных кумиров. Встреча стала разочарованием для обоих. МакКлюр не читал ничего из стихов Джима, а Джим из-за своей застенчивости немыслимо напился. Но Джим вернулся после этой встречи в приподнятом настроении. Агент, Майкл Хэмилбург, сказал, что хотел бы почитать стихи Джима, и согласился, что они должны быть выпущены на рынок без упоминания о рок -музыкальном имидже Джима.

Между тем, Джим всё больше скучал от своей “звёздности”. В самом деле, он и Рэй задумывали “Doors” как умный, изменчивый сплав театра, поэзии и хорошо исполненной непривычной музыки. Джиму было ясно, что его концепция терялась для аудитории, большую часть которой привлекала сенсационность и разрекламированный образ секс-идола.

Но теперь он начал показывать своё презрение и поворачиваться спиной к своим фанатам. Несколько месяцев он проявлял враждебность к ним (или к своему образу в их глазах) и напивался настолько пьяным, что это явно не шло на пользу концертам. В начале лета 1968-го года Джим стал ужасно высокомерен – он использовал это как способ отрицания бессмысленного восхваления, предлагаемого емусамому.

10 мая “Doors” играли в Чикаго. Джим шагал из передвижной раздевалки на сцену в сопровождении полицейских, возможно, проверяя на практике свой собственный, написанный ещё во Флориде, трактат о сексуальном неврозе толпы. Конечно, последующие его действия были преднамеренны. Джим впоследствии признавал это. Среди групп это тогда становилось модным – доводить своих фанатов до крушения стен, а ему хотелось посмотреть, сможет ли он сделать

шаг дальше – ему хотелось посмотреть, сможет ли он спровоцировать бунт.

Остальные “Doors” были уже на сцене, создавая любимый всеми типично “дорзовский” музыкальный мир. Джим выпятил грудь, слегка коснулся своих длинных волос и шагнул вперёд. Он сделал шесть больших шагов к центру сцены, схватил микрофон и зарычал.

“ Гитлеровское” извержение пятнадцатитысячной силы приветствовало его, и в качестве противодействия он сказал ребятам играть все самые “возбуждающие” песни, начиная с “Неизвестного солдата”. В 1968-м году антивоенные настроения росли как на дрожжах, и эта песня была фактически запрещена к публичному исполнению, пока неистовый фильм, сделанный “Doors” для того, чтобы протолкнуть песню на телевидение, не прошёл цензуру. Эта запись достигла Top 40, став “пробивной” песней того явления, которое потом с надеждой назовут Революцией.

Следом шло “Прорвись насквозь”, а потом – “Пять к одному”. Когда Джим кричал “Мы хотим мир, и мы хотим его сейчас” в песне “Когда музыка закончилась”, вся толпа повторяла это требование вслед за ним.

Джим отдал этому концерту всего себя, используя все известные ему приёмы: падал и прыгал, корчился в мнимой агонии, бросался на пол сцены с такой силой, что поранил бок, приставлял маракасы к соответствующему месту своих обтягивающих кожаных штанов, затем бросал их в девочек из первых рядов, расстёгивал рубашку и бросал её в зал следом за маракасами.

Было два “биса”, затем Билл Сиддонз объявил: ““Doors” уехали, они покинули это здание”.

Это было самое обычное концертное объявление, которое делали и “Beatles”, и “Rolling Stones”.

Толпа топала ногами и требовала в один голос: “Ещё, ещё, ещё, ещё, ещё, ещё, ещё…”

Кто-то балансировал на перилах балкона в позе лебедя, ныряющего с пятиметровой высоты в пропасть, в толпу, беснующуюся на бетонном полу внизу. Пульсирующий рёв голосов – и внезапная тишина, когда все в зале разом повернулись лицом к безымянному тинэйджеру, который оторвался от перил, а его руки вытянулись из плеч как крылья.

Толпа расступилась перед ним, и он приземлился с неприятным хлопающим звуком. Никто не дышал. Затем тинэйджер поднялся на ноги и нарушил молчание:

Здорово! Какое открытие!

Толпу прорвало. Она заполонила сцену. Она смела оцепление и одолела первые три метра, была отброшена назад, затем новой волной накрыла инструменты.

В итоге гастрольная команда “Doors” и полицейские майора Дэли ногами, дубинками, брошенными барабанными палочками Денсмора и микрофонной стойкой Джима отогнали последних фанов “Doors”. Джим Моррисон увидел доказательство своей теории.

Для сотен тысяч, а, возможно, и для миллионов своих слушателей Джим был миловидным мятежником, воображаемым сексуальным партнёром, Королём Ящериц, романтическим сумасшедшим. Для средней Америки он был общественным развлечением, непристойным и высокомерным. Это была апокалиптическая его сторона.

В частной жизни, с друзьями, он обнаруживал естественную невинность, дополненную неподдельно застенчивым поведением и мягким голосом. Но, по собственному признанию, его тянуло к крайностям: “Я думаю, что важны высшие и низшие точки. А всё, что между ними – в промежутке. Я хочу попробовать всё, и я хочу попробовать всё в самых крайних проявлениях”. Он мог быть весьма воспитанным, вежливым, даже начитанным; в другой ситуации он мог быть грубым или, как он предпочитал это называть, “примитивным”.

Но более всего Джим Моррисон был гениальным.

Со своими друзьями он мог быть успокаивающе благовоспитанным, даже почтительным. Джек Холзман говорит: “Он не пытался, как правило, понравиться кому-то, кто нравился ему, поддакиванием. Я думаю, он пытался найти способ согласиться с вами – как японцы, которые никогда не скажут “нет”, а только: “да, но…” Обычно в интервью Джим так реагировал на утверждения, с которыми не был согласен: “Я понимаю, что вы имеете в виду, но, может быть…”” Подобным же образом он показывал своё сочувствие к фанатам. В Филадельфии, например, он увидел двух тинэйджеров, посаженных друзьями на мель, и снял им на ночь комнату в гостинице, а в Нью-Йорке после концерта он утешал другого тинэйджера, кем-то обиженного. Однажды он отдал свою куртку какому-то подростку, встреченному наулице в ливень и дрожащему от холода. Джек говорит, что, “судя по его манерам, я думаю, Джиму нравилось, чтобы люди так думали о нём”. Когда он хотел, у него были превосходные манеры, и он был удивительно интересным собеседником.

Он мог проявлять невероятное сочувствие. Примером тому – юный тинэйджер, для которого Джим был одновременно кумиром и

старшим братом – позже, кажется, Джим получал удовольствие от такой специфической роли. Денни Салливан познакомился с “Doors” через одного из их гастрольных менеджеров, а после того, как он попал на их концерт, привязался к ним настолько, что направился в офис “Doors” в Западном Голливуде. Возможно, потому, что ему было всего тринадцать лет и он был маленьким, его никто не остановил. Это произошло незадолго до того, как все в “Doors” узнали, кто он такой. Это было незадолго также и до того, как Биллу Сиддонзу показалось, что Денни слишком часто и всюду суёт свой нос и вмешивается в офисный распорядок. Он порядком приуныл, когда Сиддонз сказал, чтобы он пореже появлялся здесь. Но Джим сказал, что слова Билла не имеют значения, и поручил Денни заботы о фанатской почте, которую к тому времени приносили мешками. Денни платили по десять центов за каждое письмо, на которое он отвечал.

Джим серьёзно относился к своим фанатам, и он действительно считал, что Денни выполнит эту работу с чуткостью, не то что коммерческая служба, о которой подумывали “Doors”. Таким образом, Денни стал чаще появляться в офисе, бросая школу ради того, чтобы быть рядом с людьми, к которым его так тянуло.

Как-то днём в пятницу, несколько недель спустя, Джим небрежно спросил Денни, почему у него такая короткая стрижка. Денни сказал, что подстричься его заставили родители.

– Они тебя заставляют? – нахмурил брови Джим. – Ну, больше они не заставят тебя стричься.

– Почему нет?

Потому что я так сказал, – заявил Джим. – Потому что я им не позволю. С этого момента ты не должен делать ничего такого, чего ты делать не хочешь. Ты не должен стричься, если ты этого не хочешь, понял? – Джим ткнул пальцем в грудь Денни. Он знал, что его внимание переворачивает всё в мире Денни. – В следующий раз, когда они будут тебя ругать, скажи мне, и я скажу тебе, как с ними справиться.

Его сильнейшее пьянство продолжалось. Как и все другие аспекты его поведения, оно не могло прекратиться. Кроме того, по многим причинам, больше всего Джим тяготился давлением группы, поэтому ему давали пить, если ему было это нужно или если он этого хотел. Фактически, Джим был в состоянии что-то делать, если только он этого хотел, не заботясь о том, насколько это нравится окружающим, и он это делал. Это не было преднамеренно, но зато это было саморазрушительно.

Он становился толстым и пассивным. В волосах появилась седина. Живот свисал теперь над низким поясом его кожаных джинсов, и, чтобы скрыть его, он стал носить рубашки поверх штанов. Когда какой-то фан, встреченный им на улице, сказал ему, что он толстеет, он записался в Клуб здоровья на Беверли Хиллз, на членство в котором он потом не обращал внимания.

Хуже того, Пол Ротшильд сказал ему, что он теряет голос. Пол никогда не считал, что у Джима был большой певческий талант, хотя иногда он говорил, что Джим был “первым настоящим эстрадным певцом со времён Фрэнка Синатры ”. Но у Джима “не было головы певца. Он больше думал о театральности, чем о вокале. А пьянством он уничтожал свой голос ”.

Его всё ещё шумно приветствовали. В первые месяцы 1968-го года читатели “Village Voice” назвали Джима вокалистом года. (“Doors” были признаны также дебютом года, Рэй Манзарек стал третьим музыкантом года, после Эрика Клэптона и Рави Шанкара, а первый альбом группы стал вторым альбомом года, уступив только “Сержанту Пепперу”). Семистраничный материал в журнале “Life” доказывал состоятельность и грамотность “Doors”, кроме того, здесь был и сочувственный отзыв о нью-хэйвенском аресте Джима. Группа попала также в справочник “Кто есть кто в Америке” – редкая честь в их жанре.

Но, как критик Дайана Триллинг написала о Мэрилин Монро, слава рано или поздно протягивает звёздам свою недобрую руку; она назвала это Законом Отрицательной Компенсации. Джим протянул ей свою руку в июне, на запланированной встрече “Doors”.

Он припарковал свою машину “Shelby GT 500 Cobra” (у него всегда были только американские машины) на стоянке у бара под открытым небом рядом с офисом “Doors” в Западном Голливуде. Он заметил, что в нижней репетиционной комнате никого не было, поэтому по наружной лестнице он медленно поднялся наверх и открыл дверь.

В первой комнате было три или четыре одинарных столика, дешёвая кушетка, фотография, кофеварка и обычный беспорядок из фанатской почты, журналов, газет и записей альбомов. В углу была крошечная ванная комната с душевой стойкой. На стенах офиса висели золотые записи “Doors”, которых было теперь четыре.

Джим молча прошёл к своему столику в заднем углу, ничего не говоря другим присутствующим: секретарю, Биллу Сиддонзу, другим “Doors”. Он мельком глянул на самое необычное и интересное письмо

дня из фанатской почты – такое ежедневно откладывалось по его просьбе – затем вытащил из бумажного пакетика холодный гамбургер и откусил от него. Он жевал медленно, так же медленно двигался и говорил. Через минуту-другую он взглянул на остальных и сказал, что уходит из группы.

Что?! – Все разом обернулись.

Я ухожу, – сказал Джим.

Все заговорили одновременно. В конце концов наступило молчание, и Билл спросил:

Почему?

Это не то дело, которым я хочу заниматься. Раньше хотел, а теперь нет.

У “Doors” была устоявшаяся политика: если они в чём-то не согласны – по поводу концерта, песни, чего угодно – это не делалось: всем правило единодушие. У Джима был только один голос из четырёх, но его нельзя было игнорировать.

Остальные “Doors” и Сиддонз заговорили о том, как теперь раскручена группа; не было проблемы в том, куда поехать на гастроли – группа имела возможность делать всё, что угодно.

– Это не то дело, которым я хочу заниматься, – снова сказал Джим. Он начал рыться в фанатской почте; откусил ещё кусочек мяса с булочкой.

Рэй вышел вперёд и сказал настоятельно, хотя и с явной паникой в голосе:

Ещё шесть месяцев. Давай поработаем ещё шесть месяцев.

Всегда непросто выйти из быстро идущего поезда, так и Джиму не удалось привести свою угрозу в исполнение. “Doors” уже проводили репетиции для самого престижного своего концерта 5 июля на празднике “Hollywood Bowl”. После это был громадный “Singer Bowl” в Нью -Йорке. Затем последовал европейский тур, и одновременно в июле они выпустили свой третий альбом и новый сингл, которые мгновенно стали хитами. Был создан импульс достаточной силы, чтобы существовать ещё десятилетие и больше.

В это время “Doors” попытались превзойти самих себя. Для концерта в “Hollywood Bowl” они наняли трёх операторов, и всего их стало пять, а для звука они растянули пятьдесят два усилителя на тридцать метров поперёк сцены, обеспечивая шестьдесят тысяч ватт мощности на один только вокальный канал, – этой мощности было достаточно, чтобы разнести голос Джима далеко по голливудским холмам за пределами “Bowl”.

Не было пауз и в шумном успехе. Попадание в афиши “Hollywood Bowl” поставило “Doors” в один ряд с “Beatles”, сделало их американскими “Rolling Stones”. “Elektra” получила предварительные заказы примерно на полмиллиона копий нового альбома, и в течение девяти недель было продано 750.000 копий, альбом поднялся вверх в чартах. “Привет, я люблю тебя” вышла на первое место в чартах среди синглов, став второй сорокопяткой группы, проданной в количестве более миллиона экземпляров.

Заголовок альбома менялся несколько раз за время его пятимесячного создания, от “Американских ночей” (ранний выбор Джима) до “Празднования Ящерицы” (когда Джим хотел сделать конверт пластинки как имитацию кожи ящерицы), и, наконец, до “В ожидании Солнца” – это было название песни, не вошедшей в альбом. Одно время Джим хотел читать между песнями короткие стихи, но в конце концов было решено напечатать текст стихотворения, которое, таким образом, оставалось без музыки (“Празднование Ящерицы”) на внутренней стороне конверта пластинки.

Джим так объяснял свою очарованность рептилиями. “Мы не должны забывать, – говорил он, что ящерица и змея идентичны с бессознательным и с силами зла. В человеческой памяти есть что-то глубокое, что сильно отзывается на змей. Даже если вы никогда ни одной не видели. Я думаю, что змея просто воплощает в себе всё, чего мы боимся”. Его длинная поэма, говорил он, была “чем-то вроде приглашения к тёмным силам”, но придуманного им образа Короля Ящериц не было. “Это всё сделано в насмешку, – настаивал он. – Я не думаю, что люди это понимают. Это не должно восприниматься всерьёз. Это как если бы вы играли злодея в каком -нибудь вестерне – это же не значит, что это вы. Это просто одна из ролей в шоу. Я действительно не воспринимаю это всерьёз. Это, наконец, сделано с иронией”.

“Doors” опять отправились в путь, перемещаясь в июле из “Hollywood Bowl” в Даллас и Хоустон, в Гонолулу и затем в Нью-Йорк. Самым большим и запоминающимся из тех концертов было выступление на “Singer Bowl” на старых полях Всемирной Ярмарки в НьюЙорке 2 августа. Билл Грэхэм хотел, чтобы по случаю своего возвращения “Doors” дали концерт в “Fillmore East”, но уличное выступление в “Queens” стоило в пять раз дороже, и там они должны были выступать в одной программе с “Who”, британской группой, которая только что объявила, что хочет сделать рок-оперу. “Doors” предвкушали артистичный и захватывающий вечер.

Моррисон Моррисон Моррисон Моррисон…

Джим вышел из чёрного лимузина; группа операторов документальных съёмок то пятилась вперёд перед ним, то следовала за ним. Выражение его лица расслаблялось, когда он медленно двигался сквозь толпу девочек, затем уходил за кулисы, где его брала под охрану нью -йоркская полиция.

Моррисон Моррисон Моррисон…

Его имя было мантрой, которую повторяла публика на всех полях ярмарки. С торжественным выражением на лице он по ступенькам поднимался на сцену. Полицейские заняли свои места перед сценой, а операторы (Пол и Бэйб) пробрались вслед за ним на сцену. Кроме лампочек света на усилителях и отблеска фимиама на органе Рэя, сцена была в темноте.

Моррисон Моррисон Моррисон…

“Doors” играли вступление к “Человеку чёрного хода”. Джим подошёл к микрофону, появилось пятно света, публика взорвалась, а Джим заполнил звуковое пространство длинным болезненным и пронзительным воплем. Мгновение он стоял неподвижно, затем упал на пол, корчась и колотя ногами.

Через час Джим был привидением в мексиканской батрацкой рубашке и чёрной коже, кружась на одной ноге, падая от первобытной боли, чтобы встать и закрыть свою промежность сложенными чашечкой руками, прыгая вперёд; глаза закрыты, губы сжаты в экстазе. Подростки из публики начали лезть на сцену, как клопы, прорывающиеся сквозь решётку радиатора. Полицейских загнали на саму сцену, где они образовали между “Doors” и их взбешённой публикой стену из голубых рубашек с короткими рукавами и тёмно-голубых штанов.

Ничего не было видно. Джим корчился, лёжа на боку, его руки вздрагивали между бёдрами. Музыка колотилась.

Подростки стали карабкаться на спины друг другу, стараясь ухватиться за край сцены, только чтобы их схватили полицейские и буквально отбросили назад в темноту.

Сотни деревянных складных стульев летели в полицейских. Сотни тинэйджеров были в крови.

Концерт внезапно закончился, и это был Бунт Номер Два. В эпоху, когда рок-“бунты” приобретали андеграундный шарм и обеспечивали газетные заголовки – репутация группы упрочивалась. Ещё один толчок к этому был дан в августе. “Привет, я люблю тебя” была номером 1 в национальном хит-параде четвёртую неделю.

“Doors” опять попали в “Vogue” – в статью о рок-театре. Критики из журналов “New York” и “Los Angeles Times” называли третий альбом группы лучшим. Итеперь им предстояла Европа.

“ Привет, я люблю тебя” была первым и главным хитом “Doors” в Европе, и именно эта песня была положена в основу их взрывного трёхнедельного тура. Гипнотическая эта песня успела уже высоко подняться в британских чартах, когда группа приземлилась в Лондоне. В аэропорту их встретили сотни фанов и съёмочная группа телевидения “Granada”, которая снимала не только их прохождение через таможню, но также и первый из четырёх концертов в “Roundhouse”.

Европа была готова к “Doors”, и “Doors” это знали. “Roundhouse” напоминал театр, в зале было всего 2500 мест – меньше, чем на площадках, к которым успели привыкнуть “Doors”. Было запланировано четыре концерта за два вечера, это всего 10 тысяч билетов, которые были быстро распроданы. Тысячи людей кружили вокруг здания в надежде почувствовать то, что происходило внутри. Диск-жокей Джон Пил в своей колонке в “Melody Maker” заметил: “ Англия так же тепло приняла “Doors”, как Америка – наших “Beatles””.

Концерты в “Roundhouse” имели несомненный успех. Публика оказалась весьма восприимчивой, а группа была в ударе. В тесном контакте с маленькой аудиторией театральность Джима развернулась на полную мощь – больше, чем обычно. На каждом концерте публика требовала “бис”. Английская пресса напрочь забыла о выступавшей в той же программе группе “Jefferson Airplane”, посвящая почти все материалы только Королям кислотного рока Америки. Те десять тысяч человек, которым повезло увидеть концерты, рассказывали о них остальным. “Granada” должна была восполнить для них этот пробел. Популярность “Doors” достигла легендарных размеров после того, как они пробыли в городе всего неделю.

Моррисон познакомился с Англией, и было ясно, что молодые американцы победили. Потом они направились в Копенгаген, Франкфурт и в Амстердам.

Единственная реальная неприятность за всё время тура случилась в Амстердаме. Во Франкфурте Джиму подарили порцию гашиша размером примерно с полпальца, и, когда на следующий день “Doors” выходили из самолёта в Амстердаме и подходили к таможне, Билл Сиддонз спросил:

У кого-нибудь что-нибудь есть?

Джим сказал:

Да, у меня вот хэш.

Всё было ясно. Сиддонз сказал:

Ну так избавься от него.

Джим его прожевал и проглотил.

Несколько порций спиртного Джим выпил в самолёте, потом на ланче с организаторами шоу в Амстердаме он пропустил ещё несколько, а затем отправился исследовать знаменитый городской квартал красных фонарей.

Сиддонз обратился к одному из гастрольных менеджеров:

Иди с Джимом и обеспечь, чтобы он вовремя прибыл на концерт.

Джим продолжал пить весь день и начало вечера, а когда какой-то фан предложил ему ещё кусочек хэша, он немедленно проглотил и его. Около девяти часов гастрольный менеджер посадил его в такси.

“Doors” снова играли с “Airplane”, который выходил на сцену первым. Джим приехал за кулисы примерно в середине их выступления, и на середине хорошо знакомой ему песни “Airplane” он неожиданно появился на сцене, пытаясь петь, танцевать, кружась по сцене, пьяно прыгая.

Что именно произошло дальше – неясно: мнения свидетелей расходятся. Одни говорят, что Джим упал около кулис и его отнесли в раздевалку. Другие считают, что “Doors” помогли ему туда вернуться, а там он сел на скамейку около пианино в состоянии, близком к коматозному, голова падала на грудь, глаза были безжизненно закрыты – в то время, как все остальные спорили о том, что делать.

“Airplane” пришлось продлить своё выступление, а потом техникам обеих групп сказали тянуть время, размонтируя аппарат “Airplane” и устанавливая аппарат “Doors”. Потом было решено: Винс Тринор объявит, что Джим болен, но трое остальных “Doors” во что бы то ни стало хотели играть.

И скажи им, что те, кто хочет, могут немедленно получить назад свои деньги, – закончил Билл.

Вдруг Джим соскользнул со своего стула на пол, как будто его стянули верёвкой. Билл подбежал к нему, вытащил из кармана маленькое зеркальце и поднёс его ко рту и носу Джима, чтобы проверить, дышит ли он.

Уйдите! – закричал на всех Билл. – Я не вижу, дышит он или нет. Уйдите, к чёрту!

Билл снова склонился над Джимом, с надеждой вглядываясь в маленький кусочек зеркала в своей руке. Лицо Джима было цвета

старой слоновой кости, дыхание неглубокое. Врач прикрикнул на окружающих, и после беглого осмотра объявил: “Господин потерял сознание”.

Когда стало известно, что случился приступ, и как только Джима увезли в местную больницу, сочувствие превратилось в плохо сдерживаемый гнев. Остальные “Doors” были очень сердиты: тем вечером они выступали, и Рэй пел так, как будто они всегда были трио.

На следующий день в больнице быстро восстанавливающиеся силы Джима вернули его лицу нормальный цвет.

Послушайте, что сказал мне врач сегодня утром, – обратился Джим к остальным. – Он спросил меня, почему так получилось, и я сказал, что я, должно быть, устал, и, ха! – он двадцать минут читал мне лекцию об опасности эстрадных концертов. Он сказал, что мне нужно остерегаться жадных менеджеров, которые так нещадно эксплуатируют таланты.

Билл и остальные свирепо глянули на него, а Джим лишь смущённо улыбнулся в ответ.

Глава 7

Во время всего европейского турне Памела оставалась в Лондоне, в роскошной квартире, снятой в дорогой и фешенебельной Белгрэвии. В первые дни они с Джимом вместе знакомились с Лондоном, гуляли по Сохо, по улицам Карнаби и Оксфорда, где Памела покупала одежду. В октябре они смотрели передачу “Granada” “Двери открыты”, которая показывала Джима в революционном ключе, перемежая отрывки из концерта в “Roundhouse” хроникальными съёмками из Демократической конвенции в Чикаго и недельной демонстрации у американского посольства в Лондоне. Это было очевидно, но Джим счёл, что их представили вполне хорошо.

Неделей позже они встретились с поэтом Майклом МакКлюром, который приехал в Лондон, чтобы встретиться с американским кинопродюсером – эмигрантом Эллиотом Кэстнером, который хотел видеть Джима в роли Билли Кид в фильме по мотивам пьесы Майкла “Борода”.

Джим с Майклом быстро преодолели неловкость, и несколько дней, проведённых за выпивкой и разговорами, укрепили их дружбу. Для Джима, Майкла и Памелы пьянство было обязательным ритуалом в давней поэтической традиции, так что в первый вечер все они выпили чрезмерно и тщетно пытались поймать такси, чтобы восемь часов ехать на север в Страну Озёр Англии, родину Лэмба, Скотта, Вордсворта и Коулриджа. Каждый раз их останавливал один и тот же полицейский, который в четыре часа утра пригрозил им арестом, если они посмеют ещё раз высунуться из квартиры.

Утром Майкл проснулся с похмелья – “было плохо, как от мескалина” – и начал лениво читать какие-то стихи Джима, найденные на столе. Он слышал о стихах Джима, но раньше не видел ни одного из них, и теперь они произвели на него “грандиозное впечатление”. Он даже начал думать о Джиме как о человеческом воплощении Аластора Шелли, соединении полу-духа и получеловека, который жил в лесах и поклонялся красоте интеллекта, и стихи, которые он читал перед завтраком – многие из них потом вошли в “Новые творения” – ни коим образом не переменили его мнения.

Когда Джим вышел к завтраку, Майкл сказал ему, что, по его мнению, эти стихи должны быть опубликованы. Раздражение Джима на Памелу за то, что она так небрежно оставила его стихи на столе, вскоре рассеялось от высокой похвалы поэта. Он спросил Майкла, что

тот думает об опубликовании стихов в частном порядке.

Я сказал, что, по моему мнению, когда это сделано по важной причине, то это не то же самое, что тщеславная публикация, – говорит МакКлюр. – Джим не хотел, чтобы его поэзия приобрела известность благодаря тому, что он – Джим Моррисон, рок-звезда. Он хотел отделить поэзию от этого имиджа. Я сказал, что Шелли опубликовал свою работув частном порядке. Я сказал, что и первая работа Лорки была издана частно. И я свою книгу издал частно.

Разговор о поэзии продолжился после нескольких дней пьянства. Джим сказал, что посвятил стихи Памеле, потому что она была его редактором.

Она читает их и выбрасывает все “е…” и “г…”, – сказал Джим с усмешкой.

Майкл посмотрел на него и сказал:

– Жена Марка Твена делала то же самое.

Майкл листал некоторые стихотворения и комментировал.

Ты знаешь стихотворение Уильяма Карлоса “Красная тачка”? Это одна из великих объективистских поэм, и её мне напомнила твоя “Ensenada”. Она напоминает мне “Красную тачку” во всей её конкретности и по всей длине, хотя бы импрессионизмом в технике. Она движется сквозь пространство как фильм, как кино.

В первую же неделю по возвращении в Лос-Анджелес Джим сходил в офис литературного агента Майкла, Майка Хэмилбурга. Вместе с ним он составил подборку стихов на 42 страницы плюс двадцать фотографий, сделанных во время поездки в Мексику. Это были “Новые творения”. Он подготовилтакже длинную поэму под названием “Сухая вода”. Агент весьма заинтересовался материалом и согласился, что не стоит делать акцент на рок-звёздном имидже Джима. В конце октября “Новые творения” лежали на столе редактора “Random House” в Нью-Йорке, и Джим планировал частным образом издать книгу в Лос-Анджелесе.

В то же время случился кризис в съёмках документального фильма. Около 30.000 долларов было уже потрачено на него, но Джим решил отказаться от проекта. Всё остановилось в тот момент, когда до завершения монтажа было ещё далеко, и ещё не был снят ни один из задуманных вымышленных эпизодов. Всё же удалось достичь компромисса. Они отказывались от дальнейших съёмок, Пол Феррара и Фрэнк Лишьяндро соглашались работать бесплатно, а “Doors” – выделить три из четырёх необходимых для завершения монтажа

тысячи долларов. Они надеялись продать законченный фильм на телевидение.

В последние дни октября Джим безвылазно сидел в монтажной – небольшом помещении, отгороженном в репетиционной комнате в офисе “Doors”. Везде, куда ни глядь, валялись коробки и коробки с кинолентой, а к доске объявлений прикреплялись предлагаемые варианты названия фильма, большинство из которых были цитатами из стихотворений Джима. Джону Денсмору больше нравилась “Немая агония ноздрей”, но в итогебыло принято одно из предложений Рэя: “Праздник друзей” из “Когда музыка закончилась”. Джим сел за монтажный стол и подготовил несколько отрывков и пробную их последовательность, но все окончательные решения оставил Полу и Фрэнку. “Джим отчётливо сознавал, что фильм был сделан в нетрадиционной форме, – говорит Фрэнк, – что он был построен как эволюция, где каждая сцена дополняла и усиливала конечный результат. Джим страшно интересовался монтажом фильма ”.

Просматривая отснятый материал, Джим сделал для себя пугающее открытие. Бэйб, Пол и Фрэнк постарались на концерте “Singer Bowl” в Нью-Йорке, чтобы записать всю силу этого концерта, движения Джима на сцене в мнимой агонии, и то, как полиция забирала тинэйджеров из аудитории всего в нескольких шагах от него. “В первый раз, когда я смотрел фильм, я был ошеломлён, – говорил позднее Джим, – потому что, будучи на сцене и являясь одной из центральных фигур фильма, я видел всё это только со своей точки зрения. Теперь я видел цепь событий, которые, как я думал, происходили под моим контролем, я увидел, что на самом деле… я неожиданно ясно понял, что был просто марионеткой множества сил, которые очень смутно понимал”.

Хотя “ошеломлённый” Джим и думал о хаосе и силе, которую он вызывал, 1 ноября “Doors” начали самый бурный в их карьере тур, наняв четырёх телохранителей из числа самых крупных, работавших в Агентстве детективов Паркера – организации чёрных натренированных парней, каждый из которых весил не менее 115 кг и имел право на ношение оружия.

Концерты в Милуоки и Коламбасе 1-го и 2-го были вполне обычными. Единственным заслуживающим внимания отличием было то, что Джим больше пел блюзового материала и меньше – ранних песен, так же, как он делал на некоторых концертах в Европе. Но за восемь последующих дней произошли столкновения, нарушения общественного порядка и аресты в Чикаго, Кливленде, Сент-Луисе и

Фониксе.

Заголовок на первой странице “Phoenix Gazette” гласил: “В Колизее извергается полувосстание ”, и ниже следовала статья: “Прошлой ночью “State Fire” поверг Колизей в состояние войны между подростками и полицией. Скажите за это спасибо “Doors”, вероятно, самой спорной группе в мире. Лидер-певец Джим Моррисон вышел на сцену в поношенной одежде и вёл себя воинственно. Толпа радостно поглощала шалости Моррисона, которые включали в себя бросание предметов со сцены в зал, ругань и оскорбительные жесты”. Было свыше двадцати арестов.

Когда его спрашивали, как он чувствует себя в случаях насилия в концертном зале, Джим отвечал неопределённо. В этом было “просто много смешного, приятного, весёлого, – говорил он одному журналисту. – Мы смеёмся, ребята смеются, полицейские смеются. Это такой фатальный треугольник. [Но] посмотрите на это логически. Если бы здесь не было полиции, разве кто-то попытался бы лезть на сцену? Потому что – ну, залезут они туда, и что дальше? Когда они залезут на сцену, они станут очень мирными. Они не собираются там ничего делать. Есть только один стимул атаковать сцену – потому что это барьер. Я твёрдо в этом уверен. Это интересно хотя бы потому, что ребята имеют шанс испытать на прочность полицию. Вы видите, что сегодня полиция приходит на концерт с оружием и в униформе, и, естественно, всем интересно, что произойдёт, если вы бросите им вызов. Я думаю, это хорошо, потому что это даёт ребятам шанс испытать власть на прочность”.

В другом интервью он говорил так: “Я пытался стимулировать несколько маленьких бунтов, вы знаете, и после нескольких раз я понял, что это такая шутка. Всё это быстро достигло такого уровня, на котором никто уже не думает, удачный ли был концерт, если все не попрыгают и не походят по лезвию. Это шутка, потому что это никуда не ведёт. Я думаю, что лучше было бы играть концерт и заставить всех чувствовать себя погружёнными, так, чтобы после концерта они вынесли эту энергию на улицуи взяли её с собой домой ”.

К этому времени публика стала осознавать, чего можно ждать на концерте “Doors”: восстания и трансцедентности. Не получая этого, зрители шли, чтобы, по крайней мере, посмотреть, как Король Ящериц делает то, чего никто бы другой сделать не смог или не захотел. Застыв, он споткнётся на сцене – как пьяный, вскричит криком вместо забытых стихов – сдвинет усилители, затем упадёт на сцену, не в силах подняться. “Doors” показывали шоу – шоу, не похожее ни на что

другое, что вы когда-либо раньше видели, необычное шоу.

“Doors” упорно работали, чтобы оправдать их ожидания. Они были самой драматичной группой в официозе, и они апеллировали к андеграунду, как и подростки. Моррисон был способен одновременно двигаться мимо простого зрителя в царство прямого опыта и благоговения.

Но чем больше Джим понимал, что на слова и музыку не обращают внимания, тем больше его разочарование отражалось на сцене и вне её. Он также всё больше уставал от бремени ожиданий толпы. Раньше ему не требовалось усилий, чтобы приводить толпу в восторг, потому что она приходила на концерт с чистым интересом. Теперь же толпа будет удовлетворена не менее, чем тем, что она об этом слышала, почувствовав не меньше, чем было обещано. И как с этим быть?

“Doors” стали больше, чем жизнь. Их отношения с публикой становились с каждым шоу всё менее реалистичными. Джим не только чувствовал себя недостойным восхищения, но он всё больше и больше ломал голову над тем, что делать в такой ситуации. Презрение просто стало “дополнительным к главному действию номером”. Возможно, он считал, выходом из тупика было бы – перестать подчиняться своему разрекламированному образу. Это не было немедленным решением, но, возможно, он мог бы постепенно этого достигнуть, уменьшая требования аудитории и в концеконцов, может быть, даже радикально изменить и улучшить отношение публики к себе.

На первой неделе декабря, после того, как группа записала своё первое, больше, чем за год, телевизионное шоу, “The Smothers Brothers Show”, Джим зашёл в бар “Troubadour”; напившись довольно пьяным, так, что ему трудно было идти, он уговорил одну из официанток уйти с ним. По пути к машине, прозванной “Голубой Леди”, к нему пристали двое голубых.

Слушайте, это не ко мне, – отрывисто и грубо сказал он. Но те продолжали следовать за ним и сели в его машину. Джим быстро завёл машину, нажал на педаль газа и двинулся на Дохени Драйв. Он ехал по встречной полосе и на скорости. Дерево. Крики, визг шин, гудки – и машина остановилась, натолкнувшись на бордюрный камень. Двери открылись, пассажиры, не пострадав, вывалились на землю, а Джим снова рванул в ночь. Официантка вернулась в бар, чтобы по телефону вызвать такси. Джим снова появился здесь, прокричав, что она должна сесть в его машину. Она отказалась, так как, по её словам, он был совершенно ненормален, и Джим уехал, закончив свой кутёж менее,

чем через милю, где он вписал Голубую Леди в дерево на бульваре Сансет. Его привезли в комнату мотеля без сознания, но совершенно невредимого во всех остальных отношениях.

Через полчаса позвонила официантка, и он просил её немедленно к нему приехать. Она примчалась в мотель, и Джим начал рыдать.

Я не хочу никого обидеть, – говорил он, – я не хочу никого обидеть.

Она спросила, что он имеет в виду. Но он только плакал:

Я не хочу никого обидеть, я не хочу…

Никто не был обижен, а через несколько дней машину отбуксировали в ремонтную мастерскую на Беверли Хиллз.

На следующей неделе, в пятницу 13 декабря “Doors” впервые со времён “Hollywood Bowl” выступили дома, первым номером в 18-тысячном “Forum”. Днём группа записывала первые песни для своего четвёртого альбома, и Джим покинул студию “Elektra” за пару часов до того, как за ним должен был приехать лимузин. Со своим братом Энди, которому было теперь девятнадцать лет и который приехал из Сан-Диего, он прошёл квартал до винного магазина, где купил шесть бутылок пива и поллитра водки; всё это он выпил по возвращении на автостоянку “Elektra”, причём, допивая каждую бутылку, он разбивал её о стену.

Концертный менеджер прекрасно сделал свою работу по подготовке шоу. Местное телевидение показывало Моррисона в блестящей коже, рекламируя концерты на несколько недель вперёд, афиши покрыли весь Лос-Анджелес от пляжного сообщества до Западного Голливуда, где городские радиостанции прожужжали все уши: “Doors” вернулись! Арена была готова, надежды – радужны.

Публика не обратила внимания на начало концерта, выступление китайского фолк-музыканта, которого ввёл в программу Рэй (приглашение Рэем статиста вызвало больше аплодисментов, чем целое отделение, показанное музыкантом), улюлюкала под Джерри Ли Льюиса каждый раз, когда игралась песня в стиле кантри, а когда вышли “Doors”, требовала при каждой возможности “Зажги мой огонь”. Кто-то бросил на сцену бенгальский огонь, едва не попав в

Джима. Джим подошёл к краю сцены.

Эй, парень, – крикнул он в толпу, и его голос прогремел через тридцать два гигантских новых усилителя, сделанные Винсом, – убери это траханное дерьмо. – Публика была на взводе. – Заткни себе задницу. – Это была микстура страстного желания, смеха и

нарушенного “всё в порядке”.

Что вы здесь делаете? – спросил Джим. – Зачем вы сегодня сюда пришли? – Ответа не было. Это было не то, чего ожидала публика, и Джим это знал.

Ну да, мы можем всю ночь играть музыку, но это ведь не то, чего вы на самом деле хотите, не правда ли? Вы хотите чего-то ещё, чего-то большего, чего-то более великого, чем то, что вы видели раньше, верно?

Публика ревела.

Ну, чёрт с вами. Мы пришли играть музыку.

Группа начала “Празднование Ящерицы”. Резкое, зловещее вступление приглашало публику принять в нём участие, но этого никто не делал. Как только музыканты добрались до основной части этой песни, публика стала внимательнее. Представление было безупречно слова усиливались и доносились с непривычным проявлением страсти. Джим не танцевал. Он даже не прыгал. И ни разу не вскрикнул. Закончив с маракасами, он положил их обратно на барабанную установку. Песня длилась около 40 минут, и, когда она закончилась, публика сидела неподвижно. Не было восстания… не было овации… Немного аплодисментов. Музыканты на прощание не поклонились и не помахали руками – они молча ушли со сцены прямо в раздевалку. А толпа сидела оглушённая. Затем зрители по одному стали медленно выходить из огромного зала в ночной Лос -Анджелес.

После этого Джима и Памелу не пустили на пресс-конференцию, потому что секьюрити их не узнали, а их имён не было в списке гостей. Джим, однако, не разозлился, как этого ожидала Памела. Вместо этого он повернул дело в шутку.

Но у меня есть друзья в высоких сферах, – сказал он охране.

Это ещё ничего не значит, войти нельзя.

Вскоре Джима узнали и проводили внутрь. Толпа окружила его и Памелу.

После вечера он, его брат и Памела играли пивными банками в футбол на огромной тихой и пустой автостоянке у “Forum”.

Несколько месяцев Билл Грэхэм уговаривал “Doors” вернуться в “Fillmore East” в Нью-Йорк, но Билл Сиддонз постоянно говорил “нет”. Когда “Doors” в следующий раз отправятся на восток, говорил он, они будут играть в “Madison Square Garden”, в зале, название которого и двадцатитысячная вместимость сделали его самым престижным и доходным концертным залом в городе. Грэхэм заметил:

Это было ещё до тебя, Билл, я был единственным, кто пригласил

“Doors” в “Fillmore” в СанФранциско, ещё до того, как у них появился хит, я дал им первый шанс.

Да, верно, Билл, – парировал Сиддонз. – Я думаю, ты заплатил им 350 долларов.

– Слушай, а ты дерьмо…

Очевидно, беседа ничем не закончилась, и Сиддонз начал переговоры об организации шоу в “Garden” с другим продюсером, не с Грэхэмом. “Doors” будет первой группой, которая перешла из “Fillmore” в “Garden”, и Сиддонз подумал, что Грэхэму это должно понравиться.

Ты ничем не можешь поделиться с публикой на большой площадке, – сказал на прощание Грэхэм. – Ты не можешь ничего сказать о чувствах на кладбище. Я счастлив за ребят, что они так хорошо делают своё дело, но скажи им, что, по моему мнению, играть на больших площадках – плохо для бизнеса.

В середине января 1969-го года “Doors” действительно хорошо делали своё дело. Они действительно были “американскими “Beatles””, Главной Группой Америки. Они перестали играть в залах вместимостью менее 10 тысяч фанов, и их концерт стоил теперь 35 тысяч долларов за вечер или 60% выручки, если так выходило больше. Их последней записи, удивительно традиционной любовной песенке, написанной Робби – “Дотронься до меня” предстояло вскоре стать ещё одним синглом, проданным в количестве миллиона экземпляров, а для разнообразия звучания они взяли с собой в Нью-Йорк бас-гитариста и джазового саксофониста и наняли несколько скрипачей из нью - йоркской филармонии. По результатам читательского опроса журнала “Eye” в этом месяце “Doors” были названы первой группой, а Джим – “самым сексуальным человеком в рок-н-ролле”.

На следующий день после триумфального концерта в “Garden” Джим устроил приём в своём люксе гостиницы “Plaza”. Его усатый помощник из “Elektra” в Лос-Анджелесе, Дэйвид Эндерль, представил его девушке, знакомству с которой, как он думал, Джим будет рад маленькой миловидной блондинке из их нью-йоркского офиса Дайане Гардинер, которая была новой штатной журналисткой. Дайана была привлекательной и общительной девушкой двадцати одного года, бросившей колледж в Калифорнии, которая помогала рекламировать успешные концерты (“Cream”, “Bee Gees”, “Jefferson Airplane”, в частности), но “Doors” и особенно сам Джим Моррисон притягивали её больше всего. Он напился и шутил; она слушала.

Какая разница, – спросил Джим, – между умным карликом и

венерической болезнью?

Все присутствующие уставились в пол.

Ну, во-первых, это хитрый карлик…

Дайана попросила Джима выйти в спальню – позвонить одному человеку.

И в комнате:

Слушай, Джим, ты классный парень для прессы и всех остальных, но сейчас ты… чёрт возьми, ты падаешь, а… а мне поручено сделать эту работу, поэтому… Я выйду к ним и скажу, что мы позвонили этому человеку, ты договорился с ним о встрече и должен уйти. Потом ты уйдёшь, а я останусь здесь и извинюсь перед ними. – Дайана взглянула на Джима, который всё это время молчал. – Чёрт возьми, я хочу помочь тебе, ответь мне… пожалуйста, Джим.

Джим был в той же одежде, что и на вчерашнем концерте в “Garden”: неотбеленной льняной рубашке из Мексики, чёрных кожаных джинсах и чёрных ботинках. Он стоял около двери в спальню, опираясь одной рукой о косяк, другая нога чувственно приподнимается, в правой руке виски. Он ответил ей кривой мальчишеской гримасой и боком рухнул на кровать. Джим глянул в тревожное лицо Дайаны.

Я хочу трахнуть тебя, – сказал он, держа одну руку за головой, а другую, с виски – на промежности.

– Конечно, Джим, конечно. – Дайана нервно вышла из комнаты.

В Нью-Йорке рассвело. Было выпито огромное количество алкоголя и съедено шоколадное жареное печенье с гашишем, принесённое Эллен Сэндер – робкой, но весёлой брюнеткой, которая в своей колонке в “Saturday Review” назвала Джима “Микки Маус де Сад”. Было странное ощущение, что все присутствующие так здесь и родились, и уходить никто не собирался. Вдруг Джим рухнул на пол и на коленях пополз к кушетке, на которой сидела Эллен. Он начал раскачиваться взад и вперёд, приближая своё лицо к лицу Эллен.

Спой нам песню, Эллен.

Эллен сжала ноги под кушеткой.

Я не пою, Джим. Моя профессия – быть публикой.

Давай, Эллен, – упрашивал Джим, – пожалуйста, спой нам песню.

В самом деле, Джим, я журналистка, а не певица.

Джим повысил голос и взревел:

Я сказал – пой!

Эллен по-прежнему отказывалась.

Я не пою, это ты поёшь, ты певец, лучше ты спой нам что-

нибудь, Джим. – Её голос звучал слабо, умоляюще. – Я всего лишь критик.

Джим продолжал устрашающе раскачиваться взад и вперёд, свирепо и устрашающе глядя на Эллен. В конце концов она запела слабым запуганным голосом первые строчки из битловской “Хей, Джуди”. Всего четыре строчки. Потом все зааплодировали, и снова всё было в порядке. Джим ушёл в спальню и увеличил громкость телевизора – шёл художественный фильм.

Микки Маус де Сад, – фыркнул он сам себе.

Все выходные Джим был в плохом настроении. Выступления в “Garden” прошли хорошо, и вообще поездка была удачной во всех отношениях, но что-то его беспокоило, и он не разговаривал в те выходные в Нью-Йорке с остальными “Doors”. Оказалось, что, когда Джим был в Лондоне с Майклом МакКлюром и Памелой, одно рекламное агентство попросило Джека Холзмана, который всё ещё управлял аудиозаписями “Doors”, разрешить “Buick” использовать в коммерческом ролике “Зажги мой огонь” за 50.000 долларов. Джек сказал, что должен посоветоваться с ребятами. Робби, Джон, Рэй и Билл Сиддонз, не сумев найти Джима, проголосовали без него. Джим услышал “Давай, Buick, зажги мой огонь”, когда вернулся в Соединённые Штаты, и сразу же отправился к Джеку Холзману, зажав его в угол во внутреннем дворике офиса Дэйвида Эндерля, сказав, что он считал песню неприкосновенной, даже если ему надоело исполнять её на публике.

Я хочу тебе объяснить, Джек, я повторяю, я хочу объяснить: не вздумай сделать это ещё раз. Эта песня дорога мне, и я не хочу, чтобы кто-то её использовал.

Песня так никогда и не была продана. Но Джим наказал их молчанием, даже не сказав никому, кроме Джека, что он был очень расстроен всем этим.

Но не только это расстраивало Джима.

Будучи в Нью-Йорке, Джим завёл нового друга – красноречивого и обаятельного Фреда Майроу, который в свои 28 лет был помощником Леонарда Бернштайна, композитором из Нью-Йоркской филармонии. Дэйвид Эндерль специально привёл Фреда в “Plaza”, чтобы познакомить с Джимом.

Джим взял бокал в другую руку, и они обменялись формальным рукопожатием. Джим сразу же потащил Фреда куда -то в сторону, почти заговорщически. Ему много говорили о Фреде Майроу – он был одним из подающих надежды композиторов в мире классического

авангарда. Но, как слышал Джим, Фред хотел бросить это дело. Он услышал “Beatles” и решил, что то, чем он занимался, было не совсем то, что надо, и ему захотелось найти более популярные формы. Джим шёл к тому же с другой стороны, но оба хотели почти одного и того же: значительных изменений.

Если в течение года я не найду нового пути для творческого развития, – сказал Джим Фреду, едва они познакомились, – мне останется только ностальгия.

Это заявление произвело большое впечатление на Фреда: он знал, что для художника это было редкостью – предаваться таким мыслям на другой день после огромного успеха. Но судьба, которую Джим со страхом принимал, выходила из моды. Он никогда бы не сказал об этом вслух, разве что самым близким друзьям, но он видел себя революционной фигурой, одним из тех, кто должен был обеспечивать социальное равновесие в противостоянии старшему поколению. Или так казалось. Джиму не хотелось с этим соглашаться, но он был очень похож на своего отца. Их цели, может быть, были противоположны, но у них была одна и та же напористость и одни и те же амбиции.

Джим не стремился быть обязательно вождём революции, но если кто-то должен был им стать, то у Джима всё для этого было. Хоть он и говорил, что некоторые его песни родились из видений, но он всегда догадывался о мятежной и апокалиптической природе этих видений. Когда его фаны и рок-публика стали считать его главной фигурой существующего политического и социального движения, Джим остался внешне равнодушен к этому, но в глубине души был польщён.

Долгое время он считал, что музыкальные записи могут сыграть ту же роль, что книги и печатные манифесты – в предыдущих революциях. Он ещё не убедился в том, что был не прав. Но он чувствовал, что ему нужно найти новое направление, и, договорившись ещё раз встретиться с Фредом Майроу, он вернулся в Лос-Анджелес и стал одним из последователей радикального теоретика драмы, Антонина Арто и тридцати двух членов “Living Theatre”, находящегося в турне по Америке.

Джим был сторонником Театра Жестокости ещё в ФГУ, когда впервые прочитал Арто. Летом 1968-го года он спрашивал Джона Карпентера, журналиста из “Los Angeles Free Press” о его друге, который участвовал в “Living”. Потом он “выкачивал” информацию из Майкла МакКлюра, когда узнал, что Майкл был знаком с основателями театра – Джудит Меймена и Джулианом Беком. В

ноябре Джим зачитывался статьёй о группе радикального театра в журнале “Ramparts”, пока не смог пересказать такой пассаж: “Они – не просто исполнители [написанного автором Стефаном Шнеком], а странствующая группа искателей Рая, определяющих Рай как тотальную свободу, практикующих гипноз и пропагандирующих Рай сейчас; их существование, их функция – в прямом противостоянии тому репрессивному тоталитарному состоянию, которое названо Правопорядком”.

В феврале 1969-го года, узнав о приезде театра в Университетский городок Южной Калифорнии, Джим просил секретаря “Doors” забронировать 16 билетов на каждое из пяти запланированных выступлений, а затем пригласил одного из актёров, Марка Аматина, на обед к себе домой.

Его домом было теперь уютное отдельное здание, которое Джим снял для Памелы на Бичвудских холмах в Голливуде. Джим был груб с Памелой и так и не представил Марка своей “половине”. После обеда он грубо выгнал всех, кроме Марка.

Джим пил и глотал маленькие белые таблетки. Он предложил немного и Марку, ошибочно приняв их за бензадрин. Они безостановочно проговорили до утра.

Марк выплёскивал своё нутро, рассказывая Джиму, как сильно он изменился.

В ночь, когда я увидел “Living”, я привёл с собой домой ещё тринадцать человек, которых я никогда раньше не встречал – я потерял голову после того, как сбросил одежду на сцене. Это было совсем не то, что я мечтал сделать, когда шёл туда. Хорошо! К концу следующего дня я знал, что отныне моя жизнь пойдёт именно в этом направлении. Так я стал постоянным странствующим актёром, и когда кто-нибудь советовал мне снять свои бусы, я советовал тому трахнуть себя, и шёл дальше.

“ Я делал то, что считал своим политическим и духовным миссионерством, – говорит сейчас Марк, – и то, чего искал Джим. Его работа была религиозным опытом, но она стала развлечением, и он был этим страшно не удовлетворён. “Living Theatre” состоял из людей, которые пришли посмотреть, что это такое, и не смогли уйти, и Джим хотел знать об этом больше. Он сказал, что хотел бы найти способ соединить эту политическую миссию с тем, что он делал, но не знал, как это сделать или с чего начать. Он чувствовал – все ждут, что он будет говорить, готовы слушаться каждого его слова, и это была огромная ответственность, но Джим не знал, что им сказать”.

Что же такое есть в “Living”, что вызывает такой энтузиазм? – спросил Марка Джим. – Как можно достичь такого же рода обязанности и преданности? Что я должен делать?

Череда событий, ведшая непосредственно к уменьшению привлекательности “Doors”, началась вечером в пятницу 28 февраля 1969-го года, когда “Living Theatre” представил на сцене свой революционный “круг силы, Рай сейчас”. Для Джима это представление было сродни землетрясению.

Он с друзьями сидел в первом ряду, как и всю неделю до этого. Пьеса начиналась с “Церемонии Партизанского театра”, в которой актёры были скупы на общение со зрителями, сказав лишь первую из пяти ключевых “расслабляющих” фраз:

Мне не разрешают путешествовать без паспорта.

“Living Theatre” отправился в турне по Соединённым Штатам после четырёх лет самоизгнания в Европе. За это время труппа стала интернациональной по составу, и из первых рук знала неприятности, связанные с пересечением границ. Они вовлекали зрителей в диалог, пытаясь добиться ответа, в муке и разочаровании выкрикивая слова.

Я не могу путешествовать свободно, ездить, как угодно!

Нас разделили с приятелем, меня произвольно отрезали от других!

Ворота Рая закрыты для меня!

Через несколько минут актёры уже были близки к истерике, и театр будто переменился. Джим, как и многие другие, был уже на ногах, выкрикивая лозунги, требуя “Рай Сейчас”.

Актёры тихо ушли, затем вернулись на сцену, выждали минутную паузу, и начали работать снова, теперь со второй фразой.

Я не знаю, как прекратить войны!

И пошло: перечень недовольств, поданных со взрывной энергией.

Вы не можете жить, если у вас нет денег!

Мне не дают курить марихуану!

И наконец:

Мне не дают сбросить с себя одежду!

Само тело, то, из чего мы сделаны, есть табу!

Мы стыдимся того, что наиболее прекрасно, мы боимся того, что наиболее прекрасно!

Мы не можем относиться друг к другу естественно!

Культура подавляет любовь!

Мне не дают сбросить с себя одежду!

Актёры начали раздеваться, снимая одежду, затем стояли на

сцене и в проходах, но интимные места были ещё скрыты от публики. Это была активная демонстрация запрета. Когда раздевание достигло “легальных пределов”, актёры выкрикнули ещё раз:

Мне не дают сбросить с себя одежду! Я – за воротами Рая!

В этот момент появилась полиция, и представление прекратилось.

Концерт “Doors” состоялся на следующий день. После него Джим и Пэм собирались вместе провести неделю в доме на Ямайке, который уже был для них готов. Но перед отъездом в аэропорт они поссорились. Затем в аэропорту они поссорились ещё раз, и Джим отправил Памелу домой. Потом он пропустил свой самолёт. Ругаясь и мечтая о бутылке, Джим заказал место в другом самолёте и отправился в бар, где он ждал отлёта и пил. Уже на борту, во время полёта, он выпил столько, насколько смог очаровать стюардессу в первом классе. В Новом Орлеане была промежуточная остановка, где Джим снова отправился в бар и снова пропустил свой самолёт. К тому времени, когда он оформил документы на следующий рейс и позвонил в концертный зал, чтобы сказать ребятам, что немного опоздает, он был пьян.

Джим продолжал пить. Всю дорогу в Майами.

Глава 8

Жаркая, испаряющаяся южная ночь.

Ноги Джима согнуты в коленях. Одной рукой он схватился за огромный чёрный усилитель на сцене справа от него, а в другой руке держал большую бутылку пива, из которой жадно пил. На лице его появилась борода, придававшая ему какую-то мефистофельскую силу. Тёмная рубашка без воротника надета поверх чёрных кожаных штанов, чтобы спрятать выпирающий живот. Джим курил, искоса поглядывая на аудиторию.

Было несколько минут одиннадцатого, когда Джим выпил последнюю порцию пива. “Doors” задержали концерт больше, чем на час, и обстановка в зале была весьма накалённой.

Это было первое выступление группы во Флориде – результат их первого места в списке популярности университетского городка в Майами – но даже самые преданные фаны не могут терпеть так долго, когда многие из них плотно “утрамбованы” в старом гидросамолётном ангаре без сидений и вентиляции.

В темноте Рэй, Робби и Джон подошли к инструментам. Рэй бросил нервный взгляд на Джона, которого так раздражала медлительность Джима, что он отчаянно сжал пальцами барабанные палочки. Рэй перевёл взгляд на Робби, который с отсутствующим видом “убаюкивал” свою гитару, будто и не подозревая о напряжённости.

За кулисами организаторы этого концерта ругались с Биллом Сиддонзом и одним из агентов “Doors”, который прилетел из Нью-Йорка – в связи с “событиями, ведущими к беспорядкам”. Сиддонз поверил организаторам, когда они сказали, что максимальный кассовый сбор за концерт составляет 42.000 долларов, и согласился на твёрдый гонорар в 25.000 долларов – это было больше, чем обычно определяемые по контракту 60% общей выручки. После того, как контракт был подписан, организаторы убрали в зале сидения и продали ещё семь тысяч билетов. Билл был оскорблён и взбешён.

Джим наклонился над микшерским пультом у барабанной стойки, чтобы попросить у Винса Тринора ещё пива. Вообще-то в обязанности Винса входило наблюдение за аппаратом, ремонт и профилактика впечатляющей звуковой техники “Doors”, а неофициально в его обязанности входило также снабжать Джима спиртным. Но на этот раз он отрицательно покачал головой. Пива больше нет, может быть, кока-

колы?

Не отказывайся, – спокойно сказал Винс. – Мы первый раз в Майами.

Джим отвернулся, подошёл к краю сцены и отрыгнул. Вглядываясь в неспокойную темноту, он спросил, нет ли у кого-нибудь чего-нибудь выпить. Кто-то протянул бутылку дешёвого вина.

Рэй скомандовал Джону начинать первую песню – “Прорвись насквозь” – с неё “Doors” часто начинали свои концерты. Вступление они играли около 10 минут. Но это не сработало. Джим не слушал. Он разговаривал с подростками из публики, которые поделились с ним бумажным стаканчиком. “Doors” снова смолкли, когда Джим встал на ноги и схватил лёгкий блестящий микрофон.

Я не говорю о революции!

Голос его прозвучал как резкий лай, выстрел – будто начало декламации.

Я говорю о том, как хорошо-о-о провести время. Я говорю о том, как хорошо провести время этим летом. Вы все приедете в Лос-Анджелес. Мы будем лежать там на песке и полоскать в океане пальцы ног, мы хорошо проведём время! Вы готовы? Вы готт-о-о-о-вы! Вв-вы-ы-ы го-о-о-тт-о-о-о-вы! Вы готовы? Вы… вы… го-о-тт-о-о… ах-ха… Я сосу… Й-й-я сосу…

Группа начала ещё одну хорошо знакомую песню из первого альбома – “Человек чёрного хода”.

Громче! Давайте, ребята! Сделайте громче! Давайте! Так. Да-а-а-а… Й-й-а-ха, человек чёрного хода -а-а…

Через четыре строчки Джим перестал петь и снова начал разговаривать. Его голос звучал примирительно. Говорил ли он так же ласково с Памелой, как с этой толпой?

Эй, слушайте, – кричал он, – я одинок. Мне нужно немного любви, и вы все… Давайте… Мне нужно всего несколько раз. Я хочу немного любви-и-и…, любви-и-и… Разве никто не хочет полюбить мою задницу? Давайте.

Толпа задыхалась.

Вы нужны мне. Вас там так много, и никто не хочет меня любить, милые, ну, давайте! Мне это нужно, мне это нужно, мне это нужно, нужны вы, нужны вы, нужны вы. Давайте! Да! Я люблю вас. Давайте! Никто не хочет сюда подняться, чтобы любить меня, да? У вас всё в порядке, baby. Это очень плохо. Я найду кого-нибудь ещё.

Музыканты буквально взывали. Когда Джим сделал паузу, они

заиграли “Пять к одному”, и он как будто согласился с ними, совершенно связно спев первую строфу. Затем он произнёс ещё целую речь, будто вдохновлённый жадностью организаторов концерта, запихнувших так много людей в такой маленький зал, а также и Раем Сейчас.

Вы все – скопище трахнутых идиотов!

Толпа снова задыхалась.

Вы позволяете людям говорить о том, что вы собираетесь делать! Вы позволяете людям управлять вами. Как вы думаете, сколько времени это продлится? Сколько ещё вы будете позволять им управлять вами? Сколько ещё? Может быть, вам это нравится, может быть, вам нравится, чтобы ваши морды были в дерьме…

Джим смеялся над ними, как актёры в “Living Theatre” смеялись над своими зрителями, пытаясь разрушить их летаргию.

Вы все – рабы! – кричал Джим. – Что вы думаете с этим делать, что вы собираетесь делать? это был уже охрипший крик. Потом он продолжил песню: – Твои дни танцев окончены, baby / Ночь тянется рядом”.

Но песня вскоре кончилась, и Джим опять начал говорить.

Я не говорю о революции, я не говорю о демонстрации. Я не говорю, что надо выходить на улицы. Я говорю о том, чтобы нам стало чуть веселее. Я говорю о танце. Я говорю о любви к ближнему. Я говорю о том, чтобы быть вместе друг с другом. Я говорю о любви. Я говорю о любви… Любви, любви, любви, любви, любви, любви, любви. Возьмите своего трахнутого другаи любите его. Дава-а-а-й-те-е-е!.. Да-а-а-а!

Затем, чтобы подать пример, он растянул свою рубашку над головой и бросил её в публику, где она исчезла, как мясо, попавшее к своре голодных собак. Когда он это увидел, то подцепил большими пальцами рук ремень штанов и начал поигрывать с пряжкой. Это был момент, который Джим планировал с тех пор, как увидел Рай Сейчас. Он тщательно к этому готовился. Но никому в группе ничего не сказал.

Рэй предложил начать “Дотронься до меня”, надеясь снова привлечь внимание Джима к музыке. Джим спел две строчки и опять остановился.

– Э-э-э-й-й-й, подождите минутку, подождите минутку. Эй, подождите минутку, это всё достало – нет, подождите, подождите, подождите! Вы сдули всё это, сдули, сдули, теперь давайте!

Подождите! Я не собираюсь подбирать это дерьмо! Чёрт с вами! – голосил он.

Лицо его стало красным, голос гремел громом, микрофон почти во рту.

Дерьмо!

Толпа ревела.

Джим начал расстёгивать ремень. Рэй позвал Винса:

Винс, Винс, останови его! Не дай ему это сделать!

Винс перепрыгнул через звуковой пульт, и в два прыжка оказался за спиной у Джима, одной рукой он крепко схватил штаны Джима на пояснице, другой толкал Джима в спину, чтобы тот не мог расстегнуть застёжку.

Не делай этого, Джим, не делай этого, – уговаривал Винс.

Хотя Джим редко носил нижнее бельё, в тот вечер он надел боксёрские шорты, такие большие, что чуть ли не больше его кожаных штанов. Он собирался “уронить” штаны, не обнажаясь при этом – дойти до “легального предела”, как в Рае Сейчас. Джим знал, что он делал. Он тщательно всё это спланировал. Теперь же решение Рэя и физическое препятствие в лице Винса нарушали его план. Достижение Рая опять откладывалось.

Поразительно, но группа всё ещё играла “Дотронься до меня”, хотя и почти бессвязно. В конце концов Джим расслабился, и концерт продолжился.

Джим был по-прежнему совершенно пьян, хотя пиво убрали, и он больше не обращался за выпивкой к публике. Охрипший, он невнятно произносил слова. Он забывал тексты песен, путаясь в строфах, повторяясь. Он что-то обиженно говорил о том, что родился и ходил в школу во Флориде, “но потом я стал хитрее и уехал в замечательный штат, именуемый Калифорния ”. Какой-то случайный знакомый из Лос-Анджелеса, с необычным именем Луис Марвин, который слышал один из первых концертов “Doors” ещё в 1966-м году, вышел на сцену с овцой, и дал её подержать Джиму.

Я бы трахнул её, ты знаешь, – сказал Джим, – но она слишком юная. – Потом он снял с одного из полицейских фуражку и бросил её в толпу перед сценой, а полицейский, подобрав фуражку, которую вернули Джиму, к общему смеху, бросил её туда же.

К некоторым фразам он возвращался снова и снова, между песнями и между куплетами. “Я хочу танцевать, я хочу веселиться” – одна из них. “Нет правил, нет границ” – другая. В его вдохновении и причинах этого вдохновения не было сомнений.

Эй, слушайте, – говорил он, – я думал, что всё это было только большой шуткой. Я думал, что над этим можно посмеяться, но буквально вчера я познакомился с людьми, которые реально всё это делают. Они пытаются изменить мир, и я хочу делать то же самое. Я хочу изменить мир.

В течение примерно часа Джим дразнил публику и призывал её присоединиться к нему на сцене, и к исходу первого часа концерта фаны двинулись вперёд. Один из организаторов заявил в микрофон, что “кое-кто допрыгается” и пригрозил закончить концерт раньше времени. Подростки немного успокоились. Но и теперь толпа из более чем сотни человек кружилась, танцевала под музыку “Doors”, каким-то образом всё ещё продолжавших играть.

Мы не уйдём, пока не свернём эти скалы, – кричал Джим. Он начал танцевать с двумя-тремя девушками. Сцена раскачивалась так, что Джон и Робби думали – она вот-вот рухнет. Ещё больше подростков цеплялось за выступы на краю сцены, пытаясь подняться наверх. В конце концов один из “секьюрити”, имевший чёрный пояс по каратэ, влез в толпу на сцене и профессиональным лёгким движением выкинул Джима со сцены. Он приземлился на свободном пространстве, вскочил на ноги, будто змея в человеческом обличье, и потащил за собой сотни подростков. Через несколько минут он промелькнул на балконе, помахав толпе, затем скрылся в раздевалке. Концерт закончился.

В раздевалке сидело около двадцати человек и, казалось, все они говорили одновременно, сокрушаясь, сколько погибло аппаратуры, и выражая обычное и неизбежное недовольство публикой. Позже Билл Сиддонз скажет, что Джим произнёс фразу типа: “Ах-ха, я думаю, ятаки здесь разделся”. Все остальные настаивают, что он сказал другое: “А теперь посмотрим, как Buick использует “Зажги мой огонь””. Некоторые говорят, что он смеялся, всё ещё “хорошо проводя время”, и так и не сказал ничего запоминающегося и относящегося к делу. В общем, настроение было светлое. Отчасти – из-за облегчения, которое каждый испытывал после каждого концерта. А также и из-за шуток, которые последовали за сообщением о том, что Сиддонз заплатил одному полицейскому за фуражку, которую Джим с того снял и бросил в толпу. Даже несколько присутствующих здесь полицейских смеялись, вспоминая, как хорошо они провели время.

Через час только Винс и гастрольная команда “Doors” плюс несколько человек из охраны остались в бывшем самолётном ангаре, а теперь – концертном зале, упаковывая и разбирая остатки дорогой

аппаратуры. Сцена была сломана и ужасно наклонена, но самое большое впечатление, вероятно, производила гора пустых винных и пивных бутылок, штанов и бюстгальтеров – в таком количестве, что можно было бы открыть магазин дамского белья с неплохим запасом товара. Винс вспоминает это так: “Каждые метр-полтора валялось чтонибудь из одежды”.

Это Джиму могли помешать раздеться и приблизиться к краю, но, очевидно, никак не его публике в Майами.

Через три дня, которые Джим провёл на Ямайке, как и собирался (но без Памелы), будущее его и “Doors” было спланировано политиками из Майами, полицией и прессой. В воскресенье одна из майамских газет написала, что Джим сбросил со сцены трёх полицейских прежде, чем другие трое схватили его самого. В понедельник где-то процитировали высказывание сержанта полиции: “Вы добились того, что подросткам можно доверять. Их можно только похвалить. Этот парень сделал всё самое ужасное, чтобы начать бунт, но подростки не двигались”. Исполняющий обязанности шефа полиции заявил, что, как только ему удастся найти полицейского, который даст показания о преступлениях, он выдаст ордер на арест Джима.

В тот же день политически амбициозный помощник городского управляющего раздражённо вопрошал: “Как это могло случиться в зале нашего города?”

Ко вторнику уже шла борьба за влияние, как только президент Криминальной комиссии Большого Майами, бывший прокурор города, потребовал тщательного расследования с участием присяжных; государственный адвокат, президент Майамского биржевого клуба, написал письмо мэру Джексонвилла, советуя ему отменить запланированный на следующие выходные концерт “Doors”; капитан полиции из отделения внутренней безопасности заявил, что он непременно выпишет ордер на арест Джима, а девятнадцатилетний бывший футболист по имени Майк Левискью начал вести в местных католических газетах работу по созданию объединения против непристойности.

Топор упал на голову в среду, 5 марта, когда Боб Дженнингс, двадцатилетний служащий адвокатской конторы, согласился стать истцом в деле, и Джима обвинили в одном уголовном преступлении – непристойном и похотливом поведении, и в трёх проступках – неприличном раздевании, откровенном богохульстве и пьянстве. Это было обвинение в преступлении, весьма интригующем и публично

обсуждаемом, а в более подробном изложении утверждалось, что Джим “непристойно и похотливо показывал свой член, трогал его руками и тряс им, а потом ответчик симулировал мастурбацию на себе и оральные отношения с другими ”. На пресс-конференции, которую дал исполняющий обязанности шефа полиции, было заявлено, что если Джим будет по этим обвинениям осуждён, то он может быть отправлен в Рэйфордскую тюрьму – одну из главных во Флориде – на семь лет и 150 дней. На следующий день имя Джима и “Doors” с позором появилось на первых страницах газет по всей стране.

Тем временем Джим скучал на берегу Карибского моря. Он жил один в снятом на его имя старом поместье. Рэй и Дороти жили на французском острове Гваделупа, а Джон и Робби со своими подругами Джулией и Линн отдыхали тоже на Ямайке, неподалёку от Джима. Это был дом “с привидениями”, говорил позже друзьям Джим, и, когда кто-то из чёрных слуг предложил ему немного марихуаны, он сказал, что не рискнул отказаться, выкурил сигарету с марихуаной размером с кубинскую сигару и испытал последующее “переживание, включавшее и видение моей смерти”. В последующие месяцы Джим снова будет курить марихуану.

Джим в панике уехал оттуда и присоединился к Джону и Робби. Но он не проявил интереса к водным видам спорта, так что вскоре, скучая и заметно волнуясь, он вернулся в Калифорнию.

То, что Билл Сиддонз сначала называл “всего лишь ещё одним неприличным выступлением “Doors””, приковывало к себе много внимания и оказало серьёзное давление на группу – это казалось необъяснимым. Первую неделю или около того группа надо всем этим смеялась. Когда Джим появился в офисе и Леон Барнард спросил его: “Как было в Майами?”, Джим усмехнулся и сказал: “Тебе бы понравилось, Леон”. Когда газеты пересекли страну, и начали появляться сообщения о Майке Левискью и его объединении “против непристойности”, которое он создавал в “Оранжевой чаше”, “Doors” решили создать своё собственное объединение “против непристойности” – в “Розовой чаше”, и при этом Джим вручил бы Левискью, которого ради такого случая специально привезли бы на самолёте из Майами, чек на большую сумму.

Но шутки вскоре прекратились. Меньше, чем через три недели стало ясно, что случившееся в Майами может быть опасно для будущего группы. Среди членов Ассоциации менеджеров концертных залов распространялись секретные информационные бюллетени, предупреждавшие о непредсказуемости “Doors” и перечислявшие

выдвинутые против Джима обвинения. В результате почти везде группа была запрещена.

Первым городом, отменившим концерт, был Джексонвилл. Потом – Даллас и Питтсбург, потом Провиденс и Сиракузы, Филадельфия и Цинциннати, Кливленд и Детройт. Даже Кентский Государственный университет. Хуже того, в некоторых городах радиостанции стали исключать “Doors” из своего репертуара.

Давление прессы не ослабевало. Каждое развитие событий, значительное или нет, широко освещалось, и даже “Rolling Stone” напечатали требуемый плакат в стиле вестерн на целую страницу. Впервые за всю карьеру “Doors” массмедиа повернулись против них.

Когда в Объединение Оранжевой Чаши явились лично Анита Брайант и Джеки Глизон – в компании тридцати тысяч человек! – реакция на выходку Джима стала национальным движением; подобные объединения стали создаваться в некоторых других городах и добивались поддержки президента Никсона.

В конце марта ФБР обвинило Джима в том, что он незаконно уехал из Майами. Это было смешное обвинение, потому что Джим покинул Майами за три дня до того, как были выписаны какие -либо ордера, но ФБР послало в офис “Doors” своего агента с ордером на арест Джима. В этот момент “Doors” поняли, что ситуация серьёзна.

Билл Сиддонз сохранял (в таких условиях) спокойствие, и единственное, что выдавало тревогу “Doors” по поводу этого странного кошмара, было заявление:

Нам нечего сказать, чтобы как-то улучшить ситуацию. Мы позволяем всем говорить то, что они хотят. Мы позволяем всем желающим выплеснуть свой гнев, а потом, когда всё закончится, мы продолжим заниматься своим делом. Нам нечего об этом сказать – хорошего, плохого или никакого.

Для Джима ни дня не проходило без того, чтобы кто-нибудь не напомнил ему о Майами. 4 апреля в присутствии своего адвоката он сдался ФБР и был выпущен под залог в 5.000 долларов.

Тем временем “Праздник друзей” был готов к выходу на экраны, и Джим начал делать свой новый фильм. Создав свою собственную компанию, “HiWay Productions”, Джим включил в штат своих друзей – Фрэнка Лишьяндро, Бэйба Хилла и Пола Феррару, купил большую часть оборудования, использовавшегося на съёмках “Праздника друзей” и разместил его в двух маленьких верхних комнатах неправдоподобно названного Здания Ясных Мыслей ("Clear Thoughts Building") – прямо напротив “Elektra Records”.

Съёмки начались на Пасхальной неделе. В сюжете снова доминировала смерть в пустыне бородатый Джим Моррисон бродил в горах Калифорнии около Пальм Спрингз, неожиданно столкнулся с умирающим луговым волком, пока добирался на попутке до Лос-Анджелеса, и затем, вероятно, убил первого водителя, который согласился его подвезти.

Пока в Лос-Анджелесе заканчивались съёмки, Джим совершил таинственный телефонный звонок в Сан -Франциско Майклу МакКлюру. Он не представился, когда услышал голос Майкла.

Я убил его, – сказал Джим.

Майкл узнал голос Джима.

Джим… – Он подумал, что Джим, вероятно, был пьян. Но тот был абсолютно трезв.

Джим резко бросил трубку и вышел из телефонной будки с кривой улыбкой в уголках губ.

Теперь мы идём к дому 9000, – сказал он.

Джим пил часами, но не напивался пьяным. Джинни Гэнел, тогдашняя секретарь “Doors”, и Кэти Лишьяндро были вместе с ним, как и Фрэнк, Бэйб, Пол и Леон. Было уже темно, когда они поднимались на лифте на крышу 17-этажного дома 9000 на бульваре Сансет. Идея была такая: Джиму вокруг талии повязать верёвку (которую не будет видно в кадре), и с ней он должен был исполнить краткий танец на поперечной балке шириной в полметра в семнадцати пролётах над тротуаром. Верёвку должны были держать друзья, которые спасли бы его от смерти, если бы он сорвался.

Когда Джим объяснил эту сцену, все забеспокоились. Они знали, что не смогли бы отговорить его от задуманного, но они не были бы его друзьями, если бы не попытались хотя бы протестовать.

Но ведь на самом деле ты не хочешь этого делать, правда? – сказал Леон.

Джим посмотрел на него. Казалось, он воспринял этот вопрос как вызов. Он эффектно сбросил с пояса верёвку, выпрыгнул на парапет, скомандовал Полу начинать съёмку и исполнил свой танец, переходя порой границы спектакля, помочившись, например, с балки вниз на Сансет. Вся эта сцена выглядела бессмысленной – если бы вы не знали Джима. А это было просто пьяное сумасшествие.

Если в своих фильмах Джим был безрассудной звездой рок-н-ролла, то книги проливали свет на другую сторону его личности – они показывали Джима-поэта.

Он был вполне доволен опубликованными им стихами. “The

Lords” были составлены наиболее экстравагантно: 82 зарисовки в духе Рембо – о видениях и о кино – были отпечатаны на дорогой кремовой пергаментной бумаге 11-го формата в шикарном голубом переплёте с красными завязками и заголовком золотыми буквами. “Новые творения” были изданы более скромно: 42-страничная книжка обычного формата с более поздними стихотворениями была напечатана на бледно -жёлтой бумаге сорта, используемого на блестящих обложках журналов, переплетена в коричневый картон, подобный тому, в какой переплетают школьные тетради для конспектов, и, опять же, имела заголовок золотыми буквами. Джим оставил в офисе “Doors” по сто экземпляров каждой книги – их сложили у стены около стола Билла Сиддонза. На обложке каждой книги было имя, которое он использовал для своих стихов – Джеймс Дуглас Моррисон.

Во всех “Новых творениях” слова и фразы сексуального конфликта сочетались с образами боли и смерти. Здесь были убийства, линчевания, катастрофы, дети привидений, разорванный рот, гонорея, зло от лжи, человеческие танцы на сломанных костях, оскорбления, восстания, художники ада. Здесь была гротескная потусторонность, незримое присутствие Лавкрафта и Босха. Часто упоминаются животные: насекомые, ящерицы, змеи, орлы, пещерные рыбы, угри, саламандры, черви, крысы, дикие собаки.

Последнее стихотворение в этом тонком томике было не менее отчаянным, чем все остальные. Здесь, в этом неозаглавленном описании последствий апокалипсиса было путешествие по потерянной земле.

Стихи отражали глубокий, долгий взгляд на кровоточащие раны страшного отчаяния Джима, которое никогда так и не было, да и не могло быть адекватно понято и объяснено, но которое оказалось болезненно ясным и прекрасно выраженным в его поэзии.

Четыре нью-йоркских журналиста, монтировавших телевизионную панель, кажется, испугались, когда Джим лёгким шагом вошёл в студию 13-го канала. Когда пять месяцев назад они последний раз видели его в “Madison Square Garden”, он был чисто выбрит и одет в свои чёрные кожаные штаны. Теперь он носил широкую бороду, тёмные авиационные очки и полосатые хлопчатобумажные железнодорожные штаны и курил длинную тонкую сигару так он больше был похож на привлекательного, мускулистого Че Гевару. Столь же харизматический, как и всегда, он был теперь трезв и очарователен, говоря всем, как он рад оказаться в

студии образовательного телевидения, где нет цензуры, разговоров и музыки, которые надо воспринимать всерьёз.

Ссылка Джима на отсутствие цензуры была не просто случайным замечанием, так как “Doors” собирались показать неотредактированный цензурой вариант песни под названием

“Сделай меня женщиной”. Когда год назад эта песня была включена в концертный альбом, строчки “Воскресный водитель / христианский motherfucker” пришлось вырезать. На “Public Broadcasting System” эти строчки, однако, восстановили, хотя Джим смягчил ситуацию, невнятно произнеся нецензурное слово.

“Doors” показали также длинную музыкальную поэму, которая даст название их четвёртому альбому – “Тихий парад”, а во время десятиминутного интервью группы Ричарду Голдштейну Джим достал экземпляр “Новых творений” и прочитал несколько стихотворений. Когда его спросили, не хочет ли он, чтобы его и дальше воспринимали как “эротического политика”, Джим впервые публично заявил, что только дай журналисту повод ухватиться за какуюнибудь фразу, и все, кажется, найдут в ней смысл.

Это был “новый” Джим Моррисон – скромный, серьёзный, вежливо уходящий от разговора о Майами “по настоянию моего адвоката”, мальчишески очаровательный, читающий стихи. Но для близких ему людей было очевидно, что Джим снова манипулировал прессой – сменив одежду, отрастив бороду, привлекая внимание к своей поэзии, искренне говоря о своём маккиавелианском прошлом, он создавал себе другой имидж. Он был более скромным. Не то, чтобы предыдущее одетое в кожу его воплощение было не разумным, но оно оказалось ограниченным, и он явно из него вырос. Его новый имидж был одновременно проще для жизни, и с ним было легче жить по принципам. Джим учился.

Интервью PBS было у Джима первым после Майами. Второе случилось меньше, чем через неделю – лос-анджелесскому корреспонденту для публикации в издании, которое (как считал Джим) больше всего повредило его имиджу – в “Rolling Stone”. За две или три недели Джим четыре раза встречался с Джерри Хопкинсом и дал своё самое обширное и, возможно, самое глубокое интервью. Казалось, он очень хотел понравиться, хотел быть понятым. Хотя слова он произносил медленно, бережно – как ювелир берёт необработанные камни.

Как и ожидалось, он отказался говорить о Майами – по юридическим соображениям, как он сказал. Но, неожиданно, он

говорил о своей семье, не глубоко, но честно и многообещающе то, чего он никогда бы раньше себе не позволил. Джерри спросил Джима, зачем он придумал свою прежнюю историю. Джим чуть подумал, прежде чем ответить, и сказал: “Я просто не хотел их впутывать. Если вы действительно хотите выяснить какие-то личные детали, то это довольно легко сделать. После нашего рождения остаются следы в документах, и так далее. Пожалуй, когда я говорил, что мои родители умерли – это была своеобразная шутка. У меня есть брат, но я не видел его больше года. Я не вижу никого из них. Я сказал сейчас об этом больше, чем когда-либо”.

Ответ давал не много информации, но сам факт, что Джим подтвердил существование своей семьи, многое говорил о пути, которым Джим пришёл к пониманию своей жизни в другом образе. Или, как сказал однажды в интервью Билл Сиддонз, “Джим использовал множество маленьких демонов, живущих у него внутри. Я не думаю, что у него там ещё много чего. Кажется, он вырабатывает их из самого себя”.

Некоторые из его ответов были тщательно отшлифованы: “Меня интересует кино, потому что для меня это ближайшее приближение к художественной форме, которое мы превращаем в действительный поток сознания, одновременно в жизни-мечте и в каждодневном восприятии мира ”. Другое определение он предложил в качестве ритуального: “Это чем-то сродни человеческой скульптуре. В некотором смысле это подобно искусству, потому что даёт форму энергии, и в некотором смысле это обычай, привычно повторяющееся действие или карнавал, имеющий определённое значение. Это охватывает всё. Это как игра”. И ещё такая мысль: “ логическое продолжение личности есть Бог”, а “логическое продолжение жизни в Америке быть президентом”.

В конце третьей встречи Джим как-то добродушно потянулся и уставился на Джерри, у которого, кажется, закончились вопросы.

Не хотите ли вы поговорить о моём пьянстве? – спросил Джим. Он улыбнулся и, сидя в кресле, изменил позу.

Ну да, конечно, – сказал Джерри. – У вас репутация…

– … человека, который любит напиваться пьяным, – закончил Джим. – Да, это правда, всё это правда. Напиваться пьяным – это… хм… напиваться пьяным – это когда вы целиком контролируете… путь наверх. Это ваш шанс, каждый раз, когда вы делаете маленький глоток. У вас много маленьких шансов.

Длинная пауза. Джерри ждал.

В этом, как я думаю, различие между самоубийством и медленной смертью.

Действительно ли Джим считал, что медленно приближал себя к смерти и не заботился об этом, потому что это было в духе той поэтической традиции, которой он был так очарован? Или он просто, ради драматического эффекта, предположил то, что станет его судьбой?

Джерри попытался это выяснить. Он спросил:

Что вы имеете в виду?

Джим мягко улыбнулся.

Я не знаю. Давайте дойдём до следующей двери и выпьем.

В конце последней встречи Джим сказал Джерри, что хотел бы прочесть длинную поэму, которая могла бы ответить на многие вопросы. Безымянная тогда, она будет позднее опубликована как “Американская молитва”. Как и во многих ранних его стихотворениях, и в некоторых из наиболее известных его песен, темой этой поэмы был надвигающийся американский апокалипсис, и здесь снова был перечень болезней середины века, очень личный и произнесённый часто с гневом.

Когда через несколько недель он держал в руках опубликованное интервью (на обложке красовался Джим в кожаных штанах и без рубашки – фото Пола Феррары) и увидел там же свою поэму, опубликованную, как он и просил, с копирайтом Джеймса Дугласа Моррисона, он чрезвычайно обрадовался.

Наконец-то, говорил он друзьям, – этот журнальчик начинает при встрече с настоящим талантом его узнавать.

К июлю был, наконец, составлен четвёртый альбом “Doors”. Целый год был потрачен на подготовку, но этот альбом стал самым разочаровывающим, а Джиму принадлежала только половина материала. Очевидно, его энергия была больше направлена к поэзии, чем к песням. По этой причине, а также потому, что Джим не хотел, чтобы их следующий сингл, “Скажи всем людям ”, приписали ему, на конверте был указан конкретный автор вместо традиционного “песни “Doors””.

Но, как и в предыдущих альбомах, в “Тихом параде” было несколько “строк Джима Моррисона ”, строк, которые, очевидно, были слишком таинственными и яркими, чтобы принадлежать кому-то ещё – в “Блюзе шамана” был образ: “Холодно скрежещущие челюсти серого медведя / Греются на твоих пятках”, а в “Тихом параде” монотонные стихи: “ Подземелья, детские кости / Зимние женщины

растят камни / Неся детей к реке”, и последняя строка наталкивала на вопрос: купать или топить?

В “Лёгкой прогулке”, песне, которую Джим рассчитывал сделать синглом, были острые и доступные во всех отношениях стихи, но в последней строфе он не смог удержаться от поэтического выверта: “Королеве быть теперь моей невестой, / бушевать в моей темноте, / гордо владеть летом, / спокойно относиться к зиме. / Давай прогуляемся”.

Но везде лирический импульс был более слабым, чем на предыдущих альбомах, а использование “La Cienega Symphony” (как называл это Винс Тринор) – струнных инструментов из Лос - Анджелесской филармонии и духовых инструментов (на них играли некоторые из ведущих джазовых музыкантов) – затуманило когда-то прозрачный саунд “Doors”.

“Doors” приходилось искать работу. Новый альбом стоил 86.000 долларов, но гораздо хуже был продолжающийся экономический упадок, который Джим приписывал теперь “инциденту в Майами ”. Рэй вспоминает о 25 отменённых концертах, которые Джон определял тогда как “миллион долларов за выступления”.

Организаторы концертов в некоторых городах возбуждали судебные иски по поводу денег, потерянных ими из-за официальных запрещений концертов “Doors” местными “доброжелателями”. Хотя их последний сингл, “Дотронься до меня”, продававшийся до инцидента в Майами, шёл почти так же успешно, как и “Зажги мой огонь”, деньги были быстро потрачены на адвокатов, а последующие записи лежали мёртвым грузом, когда группа оказалась в “чёрных списках” на двадцати важнейших радиостанциях. Это, однако, продолжалось недолго, и, когда новая музыка ударила в лицо нации, уровень продаж записей восстановился.

Хотя “Дотронься до меня” была записана до инцидента в Майами, начало продажи как бы связало её появление с этим инцидентом. Последний освещался в новостях, а просьба “Дотронься до меня” штурмовала хит-парады – подростки невинно поглощали её, и фаны “Doors” гордились своей группой, несмотря на духовые и струнные, которые они считали бравадой.

В конце концов Билл Сиддонз получил хорошие новости.

Мы твёрдо договорились о нескольких выступлениях, – сказал он. – Чикаго и Миннеаполис 14 и 15 июня. Юджин, штат Орегон – 16-го. Поп-фестиваль в Сиэттле – 17-го.

Эй, – спокойно сказал Джим, отворачиваясь от офисного

холодильника, держа в руке банку “Coors”, – я думаю, вы согласны: ни одного больше шоу на открытом воздухе.

Другие “Doors” безучастно посмотрели на Джима.

Это твёрдые выступления, Джим, – сказал Билл. – Нам действительно нужна работа. После Майами прошло три месяца. У нас долго не было концертов.

И как же нам удалось получить четыре подряд? Что обещает агентство? Оно обещает, что я не сниму штанов?

Мы должны дать обязательство, Джим. Пять тысяч долларов за концерт. Мы потеряем эти деньги, если шоу будет непристойным. Это записано в контрактах.

– Fucking-пункт, – проворчал Джим. Он прыгнул на кушетку и потянулся к пиву. – Держу пари, что это прежде всего рок-н-ролл.

Джим позаботился о том, чтобы в обоих городах не надевать кожаные штаны и не говорить непристойностей. Для такой осторожности была причина. В Миннеаполисе перед их выходом на сцену по бокам встали управляющий залом и полицейские – на случай “возникновения инцидента ”. Началась послемайамская паранойя.

16го “Doors” прилетели в Юджин, а затем 17-го на фестиваль под открытым небом в Сиэттле. Они снова были осторожны (к разочарованию публики), но в то же время они снова начали достигать ощущения спектакля. Фестиваль не принёс им удовлетворения. После выступления в “Hollywood Bowl” они считали, что их музыка не годится для открытых площадок. Но тем не менее было ясно, что четверо “Doors” ещё могли выступать как одно целое. Каждый следующий концерт был музыкальнее, свободнее, спонтаннее предыдущего. В дороге поведение Джима стало, как правило, более цивилизованным, иногда заказывали семь блюд – просто для того, чтобы попробовать каждое. Он проводил время за чтением, походами в кино и осматриванием достопримечательностей – избегая гостиничных баров и ночных похождений.

Он был доволен, даже рад тому, как шли дела. Ожидания публики, кажется, уменьшались. Возможно, он преуспел в Майами, где, как он рассказывал одному журналисту, “попытался свести миф к абсурду и, таким образом, уничтожить его”. Однако были ещё люди, которые приходили послушать не музыку, а одну только песню “Дотронься до меня”.

С приходом лета стало больше концертов – в Торонто, Мехико, Сан-Франциско, Филадельфии, Питтсбурге, Лас-Вегасе и Лос-

Анджелесе. Но к тому времени Америка уже глубоко погрузилась в то состояние, которое “Rolling Stone” назвал “Веком Паранойи”. Годом раньше были убиты Мартин Лютер Кинг и Роберт Кеннеди, а в Чикаго полиция нарушила Демократическую Конвенцию. Чтобы подавить молодёжную культуру, которая совсем недавно принималась так тепло, использовались Мэнсоновские убийцы. Было совершенно ясно, что “Doors” стали одной из мишеней.

В Торонто, когда они монтировали сцену, им сказали, что городская полиция была готова на них наброситься, если Джим начнёт слишком много дёргаться. За два дня до концерта в Филадельфии мэр откопал закон 1879 года, по которому он мог запретить концерт, если последний окажется “аморальным по природе или неприятным и вредным для общества”, и после того, как организаторы оспорили поведение мэра и победили, “Doors” были предупреждены, что водители их лимузинов – агенты полиции. В Питтсбурге, когда сотни тинэйджеров полезли на сцену, концерт был остановлен. В Лас-Вегасе шеф полиции пришёл на концерт с бланками ордеров, выписанных на имя каждого из “Doors”, чтобы вписать в них обвинения – или нет – в зависимости от того, как будет играть группа.

Несмотря на давление, концерты продолжались и шли успешно. Джим получал удовольствие от возможности просто петь и развлекать публику, и, по ситуации, даже иногда шутил. Но его раздражала неприязнь к нему властей, и он начал думать, что мог бы сделать что-нибудь этакое раз и навсегда.

Со смешанными чувствами они ждали намеченных на конец месяца концертов в Мехико, в “Plaza Monumental”, крупнейшем строении города. Это снова означало играть на большой открытой площадке (на сорок восемь тысяч зрителей), но “Doors” чувствовали, что престиж концерта значил больше, чем эстетическое вознаграждение, а из-за того, что билеты стоили от 40 центов до 1 доллара, они считали, что их смогут увидеть и бедные. Планировалось также, что группа выступит на бенефисе Объединённых Наций или Красного Креста в “Camino Real Hotel” – дорогом вечернем клубе.

Но организатор концерта в Мехико, молодой бородатый дизайнер по интерьеру Марио Олмос был не в состоянии получить все необходимые разрешения, поэтому он отправился к Хавьеру Кастро, двадцатишестилетнему певцу и владельцу “Forum”, тысячеместного вечернего клуба, который по оформлению и посетителям был примерно эквивалентен “Copacabana” в НьюЙорке. Он сказал Хавьеру, что мог бы привезти “Doors” на четыре концерта за 5.000 долларов

каждый. Вдвоём они нашли человека, который обеспечил чек на 20.000 долларов для “Doors” в качестве гарантии, и на следующее утро газеты Мехико поместили на всю страницу рекламные объявления о предстоящих в выходные концертах “Doors” в “Forum”.

С “Doors” эти планы не обсуждались, и они были весьма обижены, когда Марио и Хавьер пришли в их офис с рекламными газетами и чеком в руках, с извинениями. Тем вечером офис был слабо освещён, стол Билла Сиддонза был завален пустыми пивными бутылками, плакатами и газетной рекламой “Forum”. Члены группы сидели вокруг с серьёзными лицами, обсуждая, как бы им вызватьмедиума. Эта идея возникла, когда Алан Роней и Леон Барнард одновременно высказали предчувствие смерти Джима. Это было не в первый раз, но сейчас это и впрямь казалось предвестием гибели.

Билл Сиддонз никогда не воспринимал такие предчувствия спокойно. Несколько раз в прошлом году с утра в понедельник распространялись слухи, что Джим умер, став жертвой воскресного самозлоупотребления, и каждый раз Билл паниковал, отчаянно звоня всюду, пытаясь разыскать Джима, пока сам Джим не прекращал все эти дикие истории своим появлением в офисе, чтобы просмотреть почту.

Говорили, что ты умер, – скажет Билл, улыбаясь, с явным облегчением.

О? – ответит Джим, открывая холодильник около стола Билла и вытаскивая банку “Coors”. Опять? Каким образом на сей раз?

Джиму не сказали о предчувствиях, которые были у Леона и его близкого друга. Сборы в Мексику продолжались.

Джи-и-им! Джи-и-им! Где Джи-и-им? – тысячи фанов “Doors” пришли поприветствовать группу и пригласить её в Мексику.

“Doors” через таможню прошли в вестибюль аэропорта Мехико. С широкой бородой Джима не узнали – он был не похож на Джима Моррисона, нарисованного на фасаде “Forum”, и в толпе прошёл недовольный ропот. Сиддонза попросили сказать об этом Джиму, что он и сделал. Но борода осталась.

Концерты были одними из лучших у “Doors” за всю их карьеру. “Doors” были в Мексике гораздо популярнее, чем они думали, и отклик богатых тинэйджеров, каждый вечер заполнявших клуб, воодушевлял их на необычную музыкальную эйфорию – хотя они замечали, что иногда это была странная популярность. Такой была реакция на “Конец” – она больше всего их удивила.

В первый вечер Джим и остальные не обращали внимания на

повторяющиеся просьбы спеть эту песню, но на втором концерте они уступили. Как только они подошли к Эдиповой части, многие в зале стали заставлять друг друга молчать – это было похоже на комнату, полную змей.

Отец? – Да, сын?

Джим ужаснулся от ответа, который вызвала эта строчка – вся молодёжь в зале в один голос воскликнула:

Я хочу уб-и-и-ить тебя!

Джим посмотрел в темноту, заметно ошеломлённый.

Мать? – как будто робко продолжил он. – Я хочу… – и снова публика взорвалась.

Это произвело впечатление на Джима.

Эта песня была так популярна в Мексике, что её выпустили на удлинённой сорокопятке, и она так часто игралась на проигрывателях-автоматах, что стихи едва можно было разобрать. “ Мексика – Эдипова страна, – кто-то позже говорил Джиму. – Объяснение этому – в национальном мачизме и Материнской Церкви ”.

К “Doors” относились как к королям, и через неделю они смогли оценить комфорт, которым их окружили на всё время длительного пребывания в стране. У них было время для осмотра достопримечательностей, для этого им выделили чёрный и белый кадиллаки, водителей и женщину по имени Малу, которая вообще-то работала в “Forum” журналисткой, но сейчас была и переводчиком “Doors”, и почти матерью. Всё было доступно им круглосуточно. Мотель располагался в лучшем квартале, совсем рядом. Их представили сыну мексиканского Президента, который был одет по последней моде Карнаби Стрит и за которым ходила стайка американских девочек, известных здесь как “президентские группиз” (с одной из них Джим познакомился во время посещения антропологического музея, она была очень похожа на Памелу). За кулисами появлялся кто-то с чем-то, напоминающим большую пластиковую коробку с 500 г кокаина, предлагая его ребятам в любом количестве.

Всю неделю у Билла Сиддонза шли деловые встречи. Сначала он попытался организовать бесплатный концерт в парке, но ему резко отказали, потому что правительство не решалось позволить столь большому количеству молодёжи собраться в одном месте (годом раньше прошли студенческие волнения и массовые забастовки). После этого Сиддонз попытался организовать телевизионное шоу, и в конце концов был подписан контракт на двухчасовой спецвыпуск для

“Doors”, их музыки и их идей. Но и из этого ничего не вышло.

“Doors” возвращались к себе в мотель с последнего из пяти выступлений. Водитель кадиллака Джима ехал по широкому трёхрядному бульвару со скоростью 130 км/ч, замедляя её до 80 на поворотах. Скорость заставляла всех нервно смеяться.

Джим сложил “ружьё” из большого и среднего пальцев рук и издал хриплые звуки револьверного выстрела.

– Andele! Andele! кричал он (“Иди! Иди!”). “Doors” громыхали сквозь мексиканскую ночь.

Группе всё ещё трудно было найти работу. Перед отъездом в Мексику были отменены ещё два концерта, в Сент-Луисе и Гонолулу, и на весь июль у них остался всего один твёрдый контракт на концерты в Лос -Анджелесском театре, который был арендован для серии концертов по понедельникам собственной компанией звукозаписи “Doors”. Билеты были проданы мгновенно, едва поступив в продажу.

Было два концерта, и перед каждым из них Джим распространял среди публики экземпляры своей импрессионистской поэмы, написанной по поводу недавней смерти гитариста “Rolling Stones” Брайана Джонса – “Оды Лос-Анджелесу, думая о Брайане Джонсе, умершем”. Как и в “Американской молитве”, здесь была “Джойшенская” игра слов и всестороннее исследование смерти.

Штормовая волна в прессе, которая шла от инцидента в Майами, наконец, стала спадать. В июне, июле и августе, когда “Doors” фактически сидели без работы, было опубликовано несколько важных для “Doors” хвалебных статей.

Один из лос-анджелесских журналистов назвал концерт в “Aquarius” “одним из самых запоминающихся концертов года ”, а другой придумал такой заголовок: “Аудитория слушает Нового Джима Моррисона”. “Rolling Stone”, журнал, который, кажется, сразу после Майами выставил Джима полным идиотом, напечатал благоприятную рецензию на “Праздник друзей ”, затем – фотографию на обложке и интервью Джерри (объёмом более 8 тысяч слов) и отчёт из Мексики (4 тысячи слов). В июле издание Пэт Кеннели “Jazz amp; Pop” напечатало положительный отзыв о выступлении “Doors” по 13 каналу Нью-Йоркского телевидения. Наконец, на первой неделе августа в “Los Angeles Free Press” появилась длинная хорошая рецензия на “Doors”, написанная молодым драматургом Харвеем Перром. Со временем Харвей станет другом Джима, и эта статья будет включена в ““Doors” Полностью” компиляцию всех музыкальных статей о “Doors”.

Я не вполне уверен, что моё собственное восхищение “Doors” имеет какое-то отношение к их песням [писал он]. Некоторые из них, по общему мнению, слабые, но я нахожу в них тот уровень, ради которого они стремятся к простоте, поразительно более впечатляющий, чем уровень, ради которого меньшие художники простоты сознательно избегают. Мне кажется, что, если бы группа действительно достигла поэтических высот, она получала бы огромное удовольствие, совершая большие ошибки; очень немногие делают либо одно, либо другое. Это похоже на поэзию Моррисона; большая её часть – творение гениального поэта, Уитмана революции 60-х, но какая-то её часть довольно второсортна. Нет криминала в движении от одной художественной крайности к другой; есть, кроме всего прочего, человеческие потоки, и нет искусства, если в нём нет гуманности. Но, опять-таки, это не совсем их музыка, и, может быть, даже не совсем стихи, сочинение музыки или харизма, как и альбомы, как и концерт в “Aquarius” – всё это так странно, прекрасно и волнующе, что действительно заставляет меня восхищаться “Doors”. То ощущение, которое я испытываю благодаря им – из-за того, что, я чувствую, они пытаются войти сами и ввести нас в мир, который переходит границы рока и вторгается на территорию кино, театра иреволюции. Посмотрите на Моррисона не на сцене, а в жизни, в более спокойных ситуациях: в постановке “Оленьего Парка” Нормана Мейера, на любом спектакле “Living Theatre”, на открытии “James Joyce Memorial Liquid Theatre” (Мемориальный Прозрачный Театр Джеймса Джойса), всегда в нужном месте в нужное время, напрасно загнанного в рамки какого-то вида искусства, которое гораздо более уместно, чем склонность к жизни. Этот тип личности не должен носить в себе поэзию, а если она в нём есть – когда она есть – вы стремитесь подойти к ней поближе, понять её глубже. В случае с Джимом Моррисоном и “Doors” это оправдывает и искупает ваши волнения. Они приблизились к Искусству, и неважно, как много они при этом нагрешили, как сильно они насмешили или даже возбудили рок -критиков. Мерки, по которым нужно мерить их искусство, – старше и глубже.

Через несколько дней после концерта в “Aquarius”, в четверг, в конце дня, Джим вошёл в ванную комнату в офисе. За столом Джима в это время сидел Денни, перед ним была разложена почта.

О чёрт, – воскликнул Денни.

Снова стихи, да? – заметил кто-то.

Что там? – спросил Джим, возвращаясь в офисную комнату.

Ничего, – пробормотал Денни, делая вид, что читает почту.

– Что ты имеешь в виду под “ничего”? Не говори мне “ничего”, – пристал Джим. – Я выкроил время в своём деловом расписании, чтобы узнать и, может быть, помочь молодым талантам, пока не слишком удачливым, – жест, который ты беззаботно отвергаешь. – Джим был явно в хорошем настроении.

Денни отчаянно пытался достать билеты на предстоящие здесь концерты “Rolling Stones”, всего за несколько дней до них. Они были проданы давным-давно, и с последним своим телефонным звонком он не только исчерпал все свои возможности, но и понял окончательно, что билетов нет.

Ты можешь достать мне билеты на “Stones”? – нерешительно спросил Денни.

Зачем тебе Мик Джеггер, если у тебя есть я? – спросил Джим со смесью бравады и обиды.

Денни не мог ответить. Он совсем не собирался обижать Джима, но ему хотелось достать билеты, и он был уверен, что Джим мог бы раздобыть их простым телефонным звонком. Джим подыгрывал Денни.

А когда этот концерт? В эту пятницу, да? По-моему, мы что-то собирались делать все вместе в тот вечер, – сказал Джим, потом ещё что-то сымпровизировал, прежде чем его позвали для разговора в другую комнату.

На другой день, в день концерта, Джим пришёл в офис. Денни снова сидел за столом Джима, сосредоточенно изучая почту. Оба они вели себя, как будто вчерашнего разговора не было. Джим вытащил из кармана пиджака пару билетов на концерт.

Посмотрите, что кто-то дал мне вчера вечером. Просто так. Этот человек просто сказал: “ Смотри, Джим, у меня вот есть пара билетов на “Rolling Stones”, и я хочу, чтобы они были у тебя”. И отдал их мне. Вы можете себе такое представить? – Джим взглянул набилеты. – Чёрт возьми, смотрите, что здесь написано: третий ряд! Но, чёрт, я не хочу, чтобы они пропали. Я не смогу их использовать. Они нужны ещё кому-нибудь?

В комнате было три человека, кроме Джима, из тех, кто был там и вчера.

Конечно, Джим, я их возьму, если ты не собираешься их использовать, – сказала секретарь.

Джим сел на стол перед Денни и положил правую руку на письмо, которое тот читал.

Сегодня тебе везёт, мой мальчик. Я хочу предложить тебе одно

дело.

Денни поднял глаза.

Я не хочу иметь с тобой дела! – сказал он.

Ты даже не хочешь узнать, насчёт чего? – утешающе сказал Джим.

Денни кивнул.

О’кей, – продолжил Джим, – всё дело в том, что ты возвращаешь мне мой затраханный стол, а я отдаю тебе эти билеты. – Джим положил билеты на стол.

Денни подпрыгнул, обежал вокруг стола, сжал Джима в медвежьих обьятиях, схватил два билета и побежал к двери.

– Эй! – рявкнул Джим.

Что? – остановился Денни.

Ты мог бы хотя бы сказать “спасибо”.

Вернувшись из офиса в квартиру на Нортон Авеню в Западном Голливуде, Памела была под действием транквилизатора и раздражительна, а Джим сидел на телефоне и пытался разговаривать с Бэйбом Хиллом. Памела перебивала его, создавая на заднем фоне постоянное ворчащее жужжание.

Да, эй, Бэйб…

Джим, послушай меня, – сказала Памела, – положи трубку и послушай, это более важно, чем то, где вы с Бэйбом собираетесь встретиться…

– … Извини, Бэйб, что?

– … чтобы сделать то, что вы обычно делаете – напиться пьяными. Я говорю тебе, Джим. Джим!

Джим не обращал на неё внимания, наклоняясь над телефоном и поворачиваясь к ней спиной.

– Бэйб, извини за шум на заднем фоне. Ты знаешь, это Памела…

Джим! Ты хочешь спровоцировать ссору? – голос Памелы поднялся на полоктавы и двадцать децибелл. – Джим, чёрт побери, каждый раз ты начинаешь ссору, ты идёшь и напиваешься, а потом устраиваешь скандал. К чёрту, Джим.

Памела не любила многих друзей Джима. Скорее, она ревновала его к тем, кого выбирал Джим, чтобы проводить время не только с ней. Позже она стала резко возражать против того, чтобы Джим был постоянным хозяином в доме, и ещё больше ненавидела его упрямую скрытность. В ответ и друзья Джима терпели Памелу, понимая, что Джим действительно её любил и что она, несмотря на всё её собственничество, подходила ему.

Джиму не нравились многие из её друзей, некоторые из которых были гомосексуалистами. Пэм пыталась обратить его внимание на то, что ему не нравилось в других как раз то, что ему не нравилось или что он не мог принять в себе самом. Во всяком случае, у неё были приятели, которыеудовлетворяли её социальные побуждения, отвечали её нуждам и симпатизировали тому, чему не мог не симпатизировать Джим, не требуя взамен ничего материального. Джим, однако, чувствовал про себя, что они использовали её для того, чтобы приблизиться к нему. Он был отчасти прав, но не мог сказать ей об этом. Вместо этого он приводил другие доводы.

Джиму также не нравился её выбор наркотиков. Он считал транквилизаторы опасными. В то же время он чувствовал некую вину за то, что именно он познакомил её с наркотиками. Поэтому он, как правило, проглатывал это. Он не знал об опытах Пэм с героином. И она, в свою очередь, чувствовала вину за то, что скрывала это.

Взаимный обман разделяет, и со временем, если ни одна из сторон не выходит на откровенный разговор, эта разделённость обычно проявляется в ссоре. Они почти всегда начинались из -за чего-нибудь самого обычного, какого-нибудь посмотренного вечером кино. Однажды они жестоко поссорились по поводу средних жизненных ожиданий золотоискателей. (Они знали одного по имениСэйдж).

Летали горшки, книги и посуда. Однажды, когда Памела выразила недовольство беспорядком в его книгах, он несколько сот их выбросил из окна второго этажа. Дом огласился воплями и криками. Потом Джим уйдёт, или Памела отправится к своим друзьям-голубым на Бичвудские холмы по соседству и объявит: “Отношения сегодня… дерьмовые”.

Порой Памела мстила, нанимая лимузин, который Джим иногда использовал для поездок с ребятами в Мексику. Она уезжала с обычным водителем Джима, который возил её за покупками, она знала, что о её шалостях будет доложено Джиму. Для неё было в порядке вещей потратить на это хвастовство 2.000 долларов или больше.

Однажды, после особо драматичного эпизода, осложнённого тем, что Джим был пьян, Пэм долго искала что -то в своей косметичке, нашла то, что искала и, как только Джим вышел из дома, написала поперёк зеркала в ванной красной губной помадой: “Какой-то секс-символ не может даже встать с кровати!”

После всех ссор Памела будет без разбору употреблять транквилизаторы, а изредка героин, иногда её видели на людях – то

она ругалась с барменом из “Polo Lounge” в Беверли Хиллз, то она была под столом в баре “Troubadour”, то переезжала с вечеринки на вечеринку с богатой рок -звездой, растянувшейся на заднем сидении лимузина и кончиками пальцев игравшей рокн-ролл. У неё было много любовных связей. Одна из них, с молодым французским графом, владельцем имения в Северной Африке, разделявшим её привязанность к героину, была достаточно серьёзной. Другая, с сыном рано погибшей кинозвезды, также была больше, чем просто весёлое времяпровождение.

Джим также поддерживал свои старые связи, приглашая к себе своих тогдашних подружек Энн Мур, Памелу Зарубика или Гэйль Энокс. Дни сексуального филантропства Джима были далеко позади. Хотя он видел Энн, Памелу и Гэйль всего два-три раза в месяц максимум, это были прочные отношения.

Гэйль была ласковой брюнеткой, которую он нашёл в Нью-Йорке, когда “Doors” выступали на образовательном телевидении, они встречались у неё дома (это было рядом с домом Памелы на Бичвудских холмах), куда он изредка приезжал для разговоров на всю ночь. В другой раз они гуляли по Голливудскому бульвару и обедали в маленьких этнических ресторанах, которые предпочитал Джим, или брали бутылку вина с собой в какой-нибудь из кинотеатров наВестерн Авеню, который специализировался на зарубежных фильмах.

Его отношения с Энн были более интеллектуальными. Она была студенткой археологоантропологического факультета УШК (Университет штата Калифорния) и писала в несколько подростковых журналов. Оба они забывались в бессвязных беседах о египетских и талмудских поэмах наводнений, или о Гинсберге, Корсо и Керуаке. Джим посоветовал ей прочитать этих авторов и послушать несколько курсов о кино в УШК.

Памелу Зарубика он видел реже, обычно приходя в её маленький домик в Голливуде поздно ночью, мертвецки пьяным, чтобы поспорить о поэзии.

Поэт? – любовно усмехнётся она. – Подожди. Поэт? Лорд Байрон? Так ты именуешь себя, baby? Неплохо для мальчишки из Лос-Анджелеса.

Джиму это нравилось. Как и другие, Пэм нежно любила Джима, и Джим говорил им всем, что любит их. Иногда он действительно имел в виду именно это. Но в большинстве случаев он просто стремился быть любимым и принимаемым больше как личность, чем как звезда.

Однако именно с Памелой Корсон его связывали самые

крепчайшие узы, именно её он называл всё ещё своей “космической супругой”. В августе бухгалтер Джима сообщил ему, что его космическая супруга тратила деньги в космических пропорциях, и заметил, что последний “подарок” Джима Памеле мог нанести ему финансовый урон. Джим посоветовал Бобу Грину не беспокоиться, заявив, что он бы предпочёл тратить деньги на Памелу, чем на адвокатов. Памела хотела иметь свой собственный магазинчик, и Джим оплачивал счета.

Помещение, которое они нашли, подходило Памеле. Оно было на первом этаже Здания Ясных Мыслей, практически под офисом “HiWay”, так что она весь день могла не упускать Джима из виду. Они наняли друга-художника из Топанги, чтобы сделать дизайн в магазине, а также пригласили плотников. Первоначально они собирались назвать его “Fuckin’ Great” – они даже напечатали несколько визиток с этим названием – но в конце концов они остановились на “Themis” (“Фемида”) в честь греческой богини правосудия и правопорядка.

На нижнем этаже плотники вмонтировали в потолок кусочки зеркала. На верхнем этаже в комнате G – монтажной “HiWay” – сидел Джим, куря маленькую сигару, ноги на столе, рассказывая об убийствах в Шэрон Тэйт на прошлой неделе. Одним из убитых был Джей Себринг, который делал Джиму стрижку “под Александра Великого” в 1967-м году.

Всего два года прошло с тех пор, но Джим сильно изменился. Его волосы не были больше вьющимися и тщательно взъерошенными, его щёки не были больше впалыми, а туловище худым и мускулистым, будто сделанным из узловатого каната. Кожаные штаны и бусы были позади. Теперь Джим выглядел почти обычно: привлекательный, пьющий пиво студент колледжа с длинноватыми волосами и квадратным подбородком. И он стал больше улыбаться.

Глава 9

Хотя к концу лета отношения Джима с Памелой улучшились, он всё больше и больше времени проводил с теми, кто меньше всего нравился Памеле – с Фрэнком Лишьяндро, Бэйбом Хиллом и Полом Феррарой, с которыми он заканчивал съёмки фильма, начатого в марте в Пальм Спрингз. Теперь он уже назывался “HWY”.

В сфере кино его постигло несколько неудач. В эти месяцы у него, Фрэнка, Бэйба и Пола было много проектов. Они говорили с Тимоти Лири о съёмках его кампании перед выборами губернатора Калифорнии, а потом Лири был арестован. Они встречались с Карлосом Кастанедой по поводу получения прав на съёмки фильма по “Учениям дона Хуана”, но здесь они опоздали.

Американский сценарист предложил Джиму принять участие в итальянском фильме, но Джим отказался, узнав, что там ему тоже предстояло быть звездой, играя рок-певца, который непристойно вёл себя в Лондонском “Albert Hall”.

Затем его старый друг из “Whiskey a Go Go” Элмер Валентайн представил его Стиву МакКвину. Компания МакКвина предлагала ему принять участие в фильме “Адам в шесть утра”, но после первой же встречи с Джимом МакКвин охладел к нему. Видимо, он слишком много говорил, говорил о том, как нужно будет сделать фильм и как переделать сценарий. Хотя он и побрился для разговора, всё же выглядел он нездорово – толстый, бледный после ночного клуба. “Они боялись его пьянства, – вспоминает Элмер, – это было хуже всего”.

Затем Джим познакомился с Джимом Обреем, легендарным экс-президентом телекомпании CBS, известным как Улыбающаяся Кобра, вдохновителем “Машины Любви” Джекквилайн Сьюзанн. В это время Обрей находился на перепутье – между двумя империями шоу-бизнеса (вскоре он будет контролировать MGM).

Сначала он просмотрел два фильма Джима, потом устроил для него ланч в Беверли Хиллз. Среди присутствующих был и разговорчивый личный помощник Обрея Билл Биласко. Когда они попрощались с Джимом, Обрей обратился к Биласко и сказал: “Джим Моррисон обещает стать самой большой кинозвездой следующего десятилетия. Этот парень будет Джеймсом Дином семидесятых ”. Он сказал, чтобы Биласко любой ценой взял его на работу.

Джим вышел после ланча в раздумьи.

Эти ребята говорят, что хотели бы экранизировать пьесу,

которую мы писали с Майклом, говорил он своему другу Фрэнку Лишьяндро. – Но на самом деле, я думаю, они просто хотят увидеть меня на экране.

У Джима росло и число проблем с законом. Во Флориде ему пытались вменить смешное обвинение в “сокрытии от правосудия”, и ФБР интенсивно изучала его биографию, обзванивая его бывших друзей и преподавателей Флоридского Государственного университета.

9 ноября 1969-го года Джим явился в зал суда в Майами к судье Мюррею Гудману и заявил официальное прошение. Ему установили залог в 5.000 долларов, и судья сказал, что судебный процесс начнётся в апреле следующего года.

11го числа, уже в Лос-Анджелесе, Джим и Памела крупно поссорились. Через несколько часов, в конце дня, Джим вошёл в офис “Doors”. Он огляделся вокруг.

Эй, Леон… Фрэнк… А не поехать ли нам в Фоникс на “Rolling Stones”?

Билл Сиддонз и промоутер “Doors” Рик Линнелль готовили этот концерт, и у Джима было четыре билета в первый ряд. Он позвал ещё Тома Бэйкера, и все четверо, купив упаковку из шести банок пива и бутылку “Courvoisier” на дорогу, отправились в аэропорт.

Меня зовут Райва, – сказала стюардесса, начиная инструктаж перед полётом.

Если тебя зовут Райва, – выкрикнул Бэйкер, – то твоего старика должны звать Старик Райва.

Джим, Леон и Фрэнк стали хором подпевать Тому песню: “Тот старик Райва, он просто крутится…”

Стюардесса заметно смутилась, но начала объяснять, как пользоваться кислородными масками. Когда она уронила одну маску, Том снова закричал: “У моей подруги есть такая же, но она называет её диафрагмой!”

Затем Том отправился в туалет, а на обратном пути уронил в бокал Джима кусок мыла. Джим нажал кнопку вызова стюардессы, а когда она пришла, он жалобно проскулил:

Он бросил мыло в мой бокал.

Ладно, Джим, хорошо, оставь его в покое, я принесу тебе другой.

Вместо этого она привела пилота, который заявил:

– Если вы, молодые люди, не перестанете себя плохо вести, мы вернёмся в Лос-Анджелес, где вы, все четверо, будете арестованы.

Они на какое-то время успокоились, но как только пришла

стюардесса по имени Шерри, Том обнял её за талию.

Вскоре после этого Джим бросил в Леона несъеденный сэндвич, а Том в Джима – пустой пластиковый стаканчик.

Стюардесса и пилоты, казалось, не обращали внимания на хулиганство, но как только самолёт стал заходить на посадку в Фониксе, его окружили машины с мигалками.

В самолёте сделали объявление: “Леди и джентльмены, примите, пожалуйста, извинения компании “Continental”… Высадка задержится всего на несколько минут”.

Перед Джимом и Томом появился первый пилот.

Как капитан этого самолёта я арестовываю вас обоих. Все пассажиры покинут самолёт, а потом вас выведет ФБР.

ФБР? Они были ошеломлены.

За что? Что мы сделали?

Эй, ты, – крикнул Бэйкер вслед уходящему капитану, – разъясните мне мои права.

В чём нас обвиняют? – спросил Леон.

Самолёт опустел, за исключением их четверых и агентов ФБР из Фоникса, которые завели за спину руки Джима и Тома и вывели их к собравшимся фотокорреспондентам.

В чём нас обвиняют? – снова спросил Леон, принимая на себя роль обвиняемого.

Том опустил голову, выходя из самолёта, отворачивая лицо и глаза от камер. Джим же с точностью до наоборот выходил высокомерно, грудь выпячена вперёд, голова откинута назад, на лице – гордая ухмылка.

После того, как ночь и большую часть следующего дня Джим и Том провели в тюрьме, им было предъявлено обвинение в пьянстве, недисциплинированности во время полёта последнее нарушало новый закон о полётах и могло закончиться штрафом в 10.000 долларов и десятилетним заключением. Джиму ещё не было 26 лет, и это возможное заключение, плюс три года, висящие над ним в Майами, означали, что он может провести в тюрьме ближайшие 13 лет своей жизни.

“Elektra Records” настаивала, чтобы “Doors” как можно скорее выпустили новый альбом. После выхода “Тихого парада” прошло менее шести месяцев, но “Elektra” хотела получить к Рождеству концертный альбом. В сентябре “Doors” стали репетировать новые песни, надеясь к ноябрю записать их на плёнку.

Сила и жизненная энергия новых песен, принимая во внимание

депрессивные последствия Майами, были весьма ироничны. По части стихов новый альбом годы спустя будет считаться лучшей работой Джима, а Рэй, Робби и Джон обеспечили этим стихам сильнейшую музыкальную поддержку.

Отчасти причиной возродившейся их силы было то, что весна оказалась для Джима невероятно продуктивным периодом. Участвуя в съёмках фильмов, он продолжал писать песни и немного – стихи. Казалось, он, наконец, согласился про себя с тем, что своё главное слово ему суждено сказать в поэзии, а не в кино, и тот факт, что он с этим согласился, явилось движущей силой для написания такого количества стихов всего через год после того, как он стал бояться, что творчески “иссяк”.

“Morrison Hotel” был назван в честь реального отеля в районе, где жили “отбросы общества” в нижнем Лос-Анджелесе, где комнаты стоили 2,50 доллара за ночь, и который Рэй и Дороти обнаружили во время одной из воскресных поездок по городу. В альбоме было много захватывающих песен, значимых для Америки 1969-го года. Одна из них включала в себя двухстрочную рефлексию из детства Джима. Этой песней была “Лягушка мира”, мотив и тлеющая мелодия которой так нравились Робби, Джону и Рэю, что они записали инструментал, даже когда ещё не было стихов. Но потом Рэй нашёл стихотворение, которое в одной из записных книжек Джима было названо “Истории Выкидышей”, и они почти целиком его использовали. Поразительно, как близко написанные Джимом строки подходили к музыке, созданной другими.

Кровь на улицах, она на моих ногах,
Кровь на улицах, она мне по колено,
Кровь на улицах города Чикаго,
Кровь всё выше, она преследует меня.

На одной из репетиций Джим сымпровизировал в связке песни ещё две строчки.

Кровь на улицах течёт рекой печали,
Кровь на улицах, она мне по бёдра.
Река течёт вниз по ногам города.
Женщины плачут реками слёз.
Когда дошло дело до связки, он спел:
Она вошла в город, а потом ушла,
Солнечный свет в её волосах.

Возвращаясь в конце песни вновь к стихотворению, он начал его

с двух строчек, вызванных воспоминаниями о виденной им в детстве аварии грузовика с индейскими рабочими, становясь мрачным:

Индейцы, разбросанные по рассветной
Большой дороге, истекают кровью,
Привидения собирают хрупкую
Яичную скорлупу детского ума.

После этого он пел:

Кровь на улицах города Нью-Хэйвена,
Кровь пачкает крыши и пальмовые деревья Венеции.
Кровь в моей любви в это страшное лето,
Кроваво-красное солнце в фантастическом Лос -Анджелесе.
Кровь кричит от боли, будто ей рубят пальцы,
Кровь появится при рождении нации.
Кровь – эмблема таинственного союза.

“ Блюз придорожной закусочной”, который задумывался сначала как заглавная песня альбома, был, как и многие песни Джима, посвящён Памеле. Когда он пел (писал): “Обрати глаза на дорогу / Держи руки на руле / Мы идём в придорожную закусочную / Чтобы там хорошо провести время ”, – он повторял слова, которые сказал ей однажды по дороге (она была за рулём) в коттедж, который он купил для неё в грязном районе Лос-Анджелеса – Топанге. В “Грустном воскресении” он опять пел о своей любви к ней: “Теперь я нашёл / Мою девочку” Памела была также и прообразом “Королевы шоссе”: “Она была принцессой / Королевой Шоссе / Знак на дороге гласил: / “Подбрось нас до Мадре” / Никто не мог спасти её / Спасти Слепую Тигрицу / Он был Монстром / Одетым в чёрную кожу” Последняя строчка была ссылкой на сардоническую их любовь: “Я надеюсь, что это может продлиться / Ещё немного дольше ”.

Хотя песни сочинялись быстро, во время записи Джим обычно был пьян, и часто на запись вокала одной песни уходила целая ночь. Однажды Памела пришла в студию и, найдя у Джима бутылку, выпила её, чтобы этого не сделал он.

Итак, их было двое, совершенно вне себя, кричащих, – говорит единственный очевидец этого события звукоинженер Брюс Ботник. – В ярости он начал трясти её. Я думаю, он так пытался вывести меня из себя. Она кричала ему, что ему больше пить нельзя, и поэтому выпила она. Чтобы это прекратить, я сказал: “Эй, парень, уже довольно поздно”. Он поднял на меня глаза, перестав трясти её, и сказал: “Да, верно”, обнял её, и они вышли, держась за руки. Я чувствовал, что он делал всё это для меня. Я знал, что он вытворял подобные вещи и

раньше, чтобы потом, улыбаясь, посмотреть на вашу реакцию.

А проблемы всё накапливались.

Ещё в одно происшествие Джим попал со своей Голубой Леди – на этот раз он снёс пять деревьев на бульваре Ла Сьенега около Здания Ясных Мыслей. Он выскочил из машины и бросился к телефонной будке звонить Максу Финку, чтобы сказать, что у него украли машину.

О “Празднике друзей” написали в “Variety” – упоминание там могло сильно подействовать на ход кинопроката – как о пустой трате времени, “к тому же сделанной из материала, не вошедшего в другие альбомы, не продаваемого даже в дневные телепередачи, которые смотрят школьники после школы ”. “Rolling Stone” в “Рандомских записках” назвал фильм “банальным, претенциозным, глупым, небрежным, фантастически скучным и, самое главное, невероятным любительством “дебюта””. Если этого было ещё не достаточно, чтобы сломить Джима, то фильм был освистан и в Сан-Франциско, и на фестивале в Санта-Крузе.

Последний сингл “Doors” из “Тихого парада”, дань уважения Отису Реддингу и третий, написанный Робби, “Бегущий блюз”, медленно двигался в чартах и достиг номера 64.

Суды в Майами и Фониксе ждали своего часа.

Прошли премьерные показы фильма о путешествии Джима, “HWY”, и, по общему мнению, он оказался каким-то… незаконченным.

Одна из подруг Джима была беременна.

Бухгалтер Джима надоедал ему по поводу расточительности Памелы. Он соглашался с её карманными деньгами, даже периодические шалости и приходившие счета ещё умещались в рамках здравого смысла. Но магазин был безумием. Он уже стоил Джиму 80.000 долларов, а Памела была в Европе, покупая вещи. Это было для Джима хуже всего. Они поссорились, и Памела уехала к французскому графу, которого, как она говорилаподругам, она любила.

Джим пил.

Они все были пьяные. Том, Фрэнк, Бэйб и, конечно, Джим зависли в баре “Barney’s Beanery”.

Ты осторожничаешь, Моррисон, – сказал Том, подзуживая друга. – Ты, чёрт возьми, стал страшно осторожен.

Джим не обращал внимания на насмешку. Фрэнк и Бэйб уставились в свои бокалы.

Теперь скажи нам, мистер Джим Моррисон, рок-звезда, – продолжал Том громко, на весь бар, – расскажи нам, что случилось в

Майами.

Этот вопрос страшно надоел Джиму. Он уставился на Тома и сделал ещё глоток из своего бокала.

Давай, Джим, сейчас же расскажи нам всё.

Да, – спокойно сказал Джим, – я это сделал.

Сделал что, Джим? – голос Тома звучал резко, триумфально.

Я показал свой х…

– Зачем, Джим? Когда я показал свой в своём фильме, ты сказал, что в этом нет искусства.

– Ну, – сказал Джим тихим голосом, так что всем присутствующим пришлось напрячься, чтобы услышать его ответ, – я хотел посмотреть, как он выглядит в свете прожекторов.

Через секунду Бэйб и Фрэнк одновременно взорвались хохотом, разбрызгивая содержимое бокалов. Джим озорно усмехнулся.

Сцена в “Ahmet and Mica Ertegun’s” была менее забавной. Ахмет был очаровательным сыном турецкого дипломата, основавшим “Atlantic Records” и сильно разбогатевшим. Его жена была одной из самых модных хозяек Манхеттена. Ахмет знал, что контракт “Doors” с “Elektra” заканчивается, и хотел услышать Джима на пластинках своей фирмы, поэтому он пригласил Джима к себе на вечер. Всё, что Ахмет вспоминает сегодня, это то, что в одну минуту Джим был истинным южным джентльменом, рассказывая светские истории и являя изысканные манеры, а в следующую минуту он был уже сильно пьян, стоял на кушетке и тянулся к дорогим картинам на стене. Jekill and Hide.

8 декабря 1969-го года Джим отметил своё 26-летие с Биллом Сиддонзом и его женой Шери, Фрэнком и Кэти Лишьяндро, Леоном Барнардом в доме Сиддонзов на Манхеттен Бич. После ужина перед Джимом оказалась бутылка бренди, а у остальных – сигареты с марихуаной. К этому времени от марихуаны Джим лишь становился нервным. Или ненормальным.

Джим и Леон между делом говорили о том, чтобы вместе снять комедийную ленту, затем разговор перешёл на Мика Джеггера. Джим был неожиданно великодушен (возможно, не без сарказма), назвав Джеггера “принцем среди людей”. Затем он искренне поблагодарил всех за вечер и, допив бутылку, откланялся.

О Господи, смотрите! – воскликнул вскоре Леон. – Посмотрите на Джима! – Леон вскочил со своего места. Бессознательно сползая со стула, Джим умудрился вытащить из штанов свой член и мочился на ковёр.

О Боже! – Билл бросился к нему через всю комнату, схватил большой хрустальный бокал и подставил его под струю.

К удивлению Билла, Джим наполнил бокал. Билл взял со стола ещё один, и Джим тоже его наполнил, потом и третий.

Леон, Фрэнк, Кэти и Шери покатились со смеху.

Потом Фрэнк и Кэти отвезли Джима в офис “Doors” и уложили его, по-прежнему спящего, на кушетку.

Давление росло невыносимо. Джима крутили и дёргали во все стороны. Фрэнку, Полу и Бэйбу не хватало денег, чтобы закончить фильмы, и “Doors” хотели прекратить съёмки, полагая, что кино отнимает у Джима энергию, которую он должен был бы отдать группе. Они также хотели, чтобы Джим сбрил бороду и сбросил несколько килограммов веса к серии концертов, которая начиналась в Нью-Йорке через несколько недель. Пэм всё время требовала, чтобы Джим бросил карьеру солиста “Doors” и начал вести с ней домашнюю семейную жизнь, в которой она миролюбиво предоставляла ему заниматься поэзией. В это же время шло не менее двадцати дел о признании отцовства. Джим знал, что в предстоящем турне публика будет ждать от него гротеска, в то время как он хотел теперь просто стоять на сцене и петь. Его адвокаты запрещали ему говорить о Майами, и ему непременно нужно было доказать свою невиновность, как и показать отвращение к лицемерию всего этого дела. Недавно Винс снова взял для него “нового менеджера”. И очень явным стало давление того обстоятельства, что он уже не мог пройти по улице неузнанным (отсюда и борода) – это неудобство Джим стал ощущать всё больше и больше.

На другой день после дня рождения Джим сидел на кушетке, пил пиво и пытался разобраться во всех этих требованиях, когда вошли Билл и другие. Он отсутствующе кивнул вошедшим, затем тупо уставился в газету “Los Angeles Times”, которая лежала перед ним на столе. Он тупо читал: в Южной Азии продолжается “вьетнамизация”; третью неделю были оккупированы индейцы на острове Алькатрац; вчера – в день его рождения! – была четырёхчасовая перестрелка между полицией Лос-Анджелеса и Чёрными Пантерами; большое жюри присяжных признало Чарли Мэнсона виновным в убийстве Шарона Тэйта, и т.д.

Джим отложил газету. Он подвинулся на кушетке и сделал ещё глоток.

Я думаю, – сказал он медленно, – что у меня нервный срыв.

Все бросились его успокаивать, стараясь сказать что-нибудь

ободряющее, но в то же время они боялись возможности того, что он, наконец, был близок к тому, чтобы уйти из группы. Билл пошёл к двери, чтобы из репетиционной комнаты позвать Винса Тринора.

Джим недобро посмотрел на Билла.

Когда вчера вечером ты поставил передо мной ту бутылку “Courvoisier”, ты сказал: “Это для человека, который пьёт”. Мне пришлось выпить её всю.

Он повернулся к Винсу, как только тот вошёл в комнату.

Я знал, что делал, Винс. В Майами я пододел боксёрские шорты. Ты их не видел? Я знал, что делал, а ты остановил меня.

Он повернулся к Леону и напомнил ему сцену на крыше Здания 9000, когда Леон предложил ему спуститься на балку.

Ты не понимаешь? – спросил Джим. – Мне пришлось это сделать. Я не мог остановиться.

Это было странное и пугающее оправдание. Никогда раньше он не позволял этим людям видеть его столь беззащитным и ранимым.

Через неделю они наняли для него ещё одну няньку – почти двухметрового чёрного футболиста из Университета Южной Калифорнии, который во время недавнего тура “Rolling Stone” был личным телохранителем Мика Джеггера.

Джиму сразу понравился Тони Фанчес.

Пойдём выпьем, – сказал он.

Конечно, Джим. Как ты скажешь, – подмигнул Тони. – Может быть, благодаря тебе я заинтересуюсь какой -нибудь танцовщицей-топлесс.

Джим с Фрэнком отдыхали в Мексике. Остальные “Doors” были в Нью-Йорке, с беспокойством ожидая приезда Джима на концерты. После долгих переговоров и подписания обычного обязательства в “fucking-пункте”, группу пригласили в престижный “Felt Forum”.

В гостиничном номере Билла Сиддонза зазвонил телефон.

– А… Я пропустил свой самолёт.

– О Господи, Джим. – Билл сразу вспомнил звонок Джима о пропущенном самолёте по дороге в Майами. – Джим, ты трезв?

Да-а-а…

Концерты 17 и 18 января – по два каждый вечер – были очень важны для Сиддонза, других “Doors” и “Elektra”. Выступления записывались для live-альбома, начатого прошлым летом. Нью-Йорк был тем местом, где сосредоточено большинство редакторов и журналистов, и концерты в “Felt Forum” должны были доказать, что “Doors” как группа ещё в силе. Невыход на сцену или, ещё хуже,

выходка, подобная происшедшему во Флориде, были бы самоубийством.

Сиддонз говорил с интонацией раздражённого родителя в голосе:

Джим, ты забронировал билет на другой рейс?

Джим сказал “да” и назвал Биллу номер рейса.

Джим, мы вышлем за тобой лимузин.

А… Билли? А… будет остановка в Майами.

Джим? Ты будешь так любезен остаться в самолёте?

Повесив трубку, Билл позвал Тони Фанчеса.

Садись на самолёт и немедленно лети в Майами. Перехвати Джима. Встреть его самолёт при посадке в Майами и уговори Джима остаться в нём. Мы забронируем тебе место на обратный путь в Нью - Йорк вместе с ним.

Концерты прошли успешно. В основном они играли старые песни: “Движение лунного света”, “Человек чёрного хода”, “Прорвись насквозь”, “Зажги мой огонь”, “Конец”. Были запоминающиеся моменты, когда Джон Себастьян и Даллас Тейлор, барабанщик из “Crosby”, “Stills”, “Nash”, “Young” во время одного из выступлений на несколько песен присоединись к “Doors”; когда на Джима бросился молодой гомосексуалист и обхватил его руками и ногами, а когда его, наконец, отодрали и утащили, Джим небрежно сказал: “Ну, это Нью-Йорк. Только те, кто лезет на сцену – голубые”. Эти слова без объяснений войдут в концертный альбом. Единственное, что не войдёт туда, это случай, когда кто-то бросил Джиму сигарету с марихуаной толщиной примерно с карандашный грифель. “Это то, что мне нравится в ньюйоркских сигаретах с марихуаной, – сказал он, – ими можно ковырять в зубах”.

Во время пребывания “Doors” в Нью-Йорке прошли и деловые встречи. На некоторых из них обсуждались реклама и промоушн “Morrison Hotel”, и на такие встречи всегда приглашались “Doors”. Джим же терпеть их не мог и посещал редко. Он охотнее позволял другим принимать за него решения. Но он присутствовал в офисе “Elektra”, когда обсуждали его имидж и где появилась памятная записка в духе кампании за новые общественные отношения. Джим, ссутулившись, сидел на кушетке, замшевая на овчине куртка натянута до ушей, пока представитель отдела рекламы говорил о “Джиме Моррисоне как о человеке Возрождения ”.

В четырёхстраничной памятке было ясно сказано, что чувства Джима должны обсуждаться:

Джим Моррисон – публичная фигура, ищущая расширения

своего художественного горизонта. Все публичные фигуры должны иметь публичный имидж. Лучший публичный имидж – это когда и публика, и художник довольны одновременно. Художник является первым, потому что ему приходится сосуществовать с этим имиджем наиболее близко. Поскольку человек Возрождения предполагает неограниченные исследования всего и вся, а также некоторые созидательные действия и стремления, я думаю, что Моррисон сможет жить в этом образе довольно легко. Однажды войдя в установленные этой памяткой рамки, он сможет стремиться, действовать, жить тем, что доставляет ему удовольствие, не подвергаясь опасности, и даже не беспокоясь об этом – репутация Хорошего/Плохого.

Кроме того, памятка подчёркивала: “Это не какие-то Леонардо на сцене, и им в “Poughkeepsie” понравится”.

Джиму не хотелось влезать в имидж, созданный корпорацией. Кроме того, “Elektra” изменила практике трёхлетней рекламной политики “Doors” и начала уделять Джиму Моррисону больше внимания, чем группе. На следующий день его даже пригласили на приём в “Elektra”.

Это была часть фирменного ритуала. Большинство звукозаписывающих компаний готовят пышные приёмы для своих наиболее известных артистов, когда близится время продления контракта.

Этот вечер был необычным, с аляскинскими королевскими крабами, чёрной икрой, “Dom Perignon” и множеством звёзд Уорхола – всё это в 44-этажном небоскрёбе с впечатляющим видом на Манхеттен. В конце показали “39 шагов” Альфреда Хичкока.

Это было после двух часов ночи. Джим с Памелой уходили, и, проходя мимо хозяина, президента “Elektra” Джека Холзмана, Памела выдала длинную речь по поводу того, что они уходят. Джек был уверен, что к этому её подговорил Джим.

Ну, в случае, если на будущий год все мы будем на Атлантике, – сладко сказала Памела, благодарю за отличный вечер.

Джим просто улыбнулся.

Имидж человека Возрождения не удался.

В первую неделю февраля был выпущен новый альбом, а на “Arena” в Лонг Бич и в “Winterland” в Сан-Франциско прошли удивительно удачные концерты. Всё было продано, и на всё появились хорошие рецензии. Джим побрился, надел чёрные джинсы и рубашку и пел лучшие свои песни. И наконец-то было подписано соглашение между Джимом, Биллом Биласко и Майклом МакКлюром по поводу

съёмок “Адепта”. Компания Джима, “HiWay” и компания Биласко “St.Regis Films” совместно приобрели на один год права на фильм по неопубликованному роману МакКлюра, заплатив ему 500 долларов вместо обычных 5.000.

В марте во всех газетах появились рецензии на пятый альбом “Doors” на “Elektra” – “Morrison Hotel”, характеризующие его как золотой, подчёркивающие, что группа стала первой в Америке хардроковой командой, которая выпустила пять золотых дисков подряд. Хотя в Буффало концерт был отменён, “Doors” выступили в Солт Лэйк Сити, Денвере, Гонолулу, Бостоне, Филадельфии, Питтсбурге, Коламбусе и Детройте.

Из “Morrison Hotel” пока не был отдельно выпущен хитовый сингл, а “Doors” снова стали фаворитами критики, и почти во всех значимых изданиях они были засыпаны благосклонными отзывами. Не было ни струнных, ни духовых, а у группы при этом было время поработать над некоторыми из песен до записи – впервые со времён записи первого альбома они смогли позволить себе такую роскошь. Это было заметно. “Morrison Hotel” восполнил и недостаток энергии двух предыдущих альбомов. Голос Джима был зрелым, глубоким, и остальные выросли как музыканты. Это было художественное возвращение: “Doors” смогли записать серию песен одна лучше другой.

Дэйв Марш, бывший тогда редактором журнала “Cream”, писал: ““Doors” предстали нам с самым шокирующим рок -н-роллом, который я когда-либо слышал. Когда они хороши – они просто невыносимы. Я знаю, что это лучшая запись из слышанных мною… когда-либо вообще ”.

“Rock Magazine” тоже восторгался: “Вы говорите, Моррисон больше не сексуален; он стареет и толстеет. Ну, на записи вы не видите пузо, но можете услышать интересные вещи, и пятый альбом “Doors”, вне всякого сомнения, стал их самым замечательным (и лучшим) альбомом к предстоящим концертам ”.

Вторил этим восклицаниям и майский номер журнала “Circus” за 1970-й год: ““Morrison Hotel” – вероятно, лучший альбом “Doors”, он обратит в веру Моррисона новых приверженцев и убедит тех, кто, как и я, думал, что два предыдущих альбома были проходными. Хороший хардовый, злой рок – и один из лучших альбомов этого десятилетия. Больше энергии кожаным штанам Моррисона ”.

Только “Rolling Stone” воздержался от похвалы, утверждая, что первые два альбома “Doors” действительно имели значение, а сейчас

““Morrison Hotel” на самом деле можно порекомендовать лишь тем, кто имеет в этом личный интерес”.

Тем временем Джим по-прежнему был не в себе. Он думал о предстоящем судебном заседании в Фониксе и возможных серьёзных обвинениях, предъявляемых ему: три месяца и 300 долларов за словесные оскорбления и угрозу физического насилия, и 10 лет и 10.000 долларов по федеральному обвинению в создании помех персоналу самолёта в коммерческом полёте. В среду, 25 марта, Джим, Фрэнк, Том и Леон улетели в Феникс для короткой предсудебной встречи с Биллом Сиддонзом и адвокатом Джима Максом Финком. В комнате обслуживания заказали выпивку. Как обычно, Джим и Том начали соревноваться.

Том становился воинственным. Ему захотелось выйти из “пьяного состояния”.

Брось эту дерьмовую пьянку! Пойдём, Джим.

Джим согласился и, шатаясь, встал на ноги. Сиддонз предложил им остаться. Он не хотел, чтобы Джим выходил сегодня на публику. Он в ужасе представил, как того арестуют за пьянство – это будет в день суда приятной новостью для прессы.

Вдруг Леон вскочил на кофейный столик и закричал на Джима:

Задница! Задница! Задница!

Почему ты меня так называешь? – спросил Джим. – Почему ты говоришь со мной, как с ребёнком?

Потому что ты ведёшь себя как ребёнок.

Тут вошёл Фрэнк и посоветовал Леону заниматься своим делом, когда их прервал стук в дверь. Кто-то впустил воздушную блондинку.

Я ищу Джима, – сказала она.

Джим моментально приблизился к ней и стал губами двигаться вниз по её блузке. Все остальные тихонько вышли.

На следующее утро оба – и Джим, и Том – надели белые рубашки, галстуки и двубортные спортивные куртки. Длинные волосы были зачёсаны за уши. Леон и Фрэнк были вызваны в качестве свидетелей, как и стюардессы, Райва Миллз и Шерри Энн Мэйсон. Судья зачитал показания Шерри. Она говорила, что во время полёта один из обвиняемых хватал её руками, несмотря на неоднократные предупреждения. При этом она указала на Джима.

Джим был смущён. Каждый раз, когда она описывала происходившие события, она говорила, что это сделал он, тогда как на самом деле она описывала поведение Тома. В результате она заставила смутиться их обоих. Это было похоже на сцену из “Алисы в Стране

Чудес”. В конце концов обвинение попросило свидетелей называть Джима и Тома не по имени, а как человека на месте “А” и человека на месте “Б”. Джим был признан невиновным по федеральному обвинению и виновным в “словесных оскорблениях, угрозах, запугивании и во вмешательстве в действия ” двух стюардесс. Том был оправдан по всем обвинениям. Вынесение приговора было отложено на две недели.

Джим, Леон, Том, Фрэнк, Билл Сиддонз, Макс и местный адвокат, участвовавший в этом деле, вернулись в гостиницу и зашли в зал выпить коктейль. Удивительно! Там были обе стюардессы и пилот, который арестовал Тома и Джима.

Билл и Леон подошли с дружескими поздравлениями. Джим заказал первую двойную порцию.

Билл очаровал стюардесс, полчасика с ними поболтав, и вернулся к столу вместе с двумя девушками. Шерри села рядом с Джимом, который пропустил к тому времени уже четыре двойных, и который сказал ей, что она очень мила.

Ты знаешь, – сказал он, – при всех других обстоятельствах мы не пришли бы к тому, к чему пришли.

Прошло время – и ещё две двойных порции – Джим решил спеть. Шатаясь, он встал со стула и зигзагами направился к пианино.

Вы не против, если я спою, да? – спросил Джим вздрогнувшего пианиста.

Хозяин бара подбежал к Джиму с такой же скоростью, с какой футболист бросается на мяч.

Нет, нет, нет. Извините, мистер Моррисон, но нет, нет, нет.

Джим пришёл в ярость от такого властного вмешательства.

Fuck you, парень, fuck you! Fuck you! Fuck you!

Макс и второй адвокат выволокли Джима из комнаты, а для остальных вечер продолжился. В фойе Том подбил Джима прыгнуть на улице в фонтан.

Джим пьяными глазами взглянул на Тома и бегом побежал к фонтану.

Но Билл остановил его и с чьей-то помощью довёл до гостиничного лифта. Как только двери лифта закрылись, Джим снова закричал: “Fuck you!”

На следующее утро все они вернулись в Лос-Анджелес, и там Джим отправился в бар “Palms” вместе с Томом и несколькими девушками, одну из которых Джим привёз из Фоникса, а другая была давней группи “Doors”. Они много пили и играли в пул. Том напился и

опрокинул бильярдный столик. Хозяин бара вызвал полицию, и Джим с Бэйбом с трудом утащили Тома в близлежащий офис “Doors”.

По пути Том орал:

Моррисон, ты ужасен! Весь мир ненавидит тебя! Ненавидит тебя! Ты совершенно ужасен!

В офисе Джим, Бэйб и ещё кто-то предложили Тому уйти. Наконец, Джим объяснил, чем он был недоволен. В Фониксе он везде платил за Тома: билеты на самолёт, гостиница, еда, питьё, адвокаты, все счета. Он также взял на себя ответственность за Тома, а в ответ получил от него сущее дерьмо.

Джим набросился на Тома и стал толкать его к двери. Том смеялся.

Убирайся отсюда, – ворчал Джим, – это место для дела.

Тут появился друг Тома и схватил Джима; затем этого друга схватил Тони Фанчес. К нему присоединился Бэйб. Джим зашёл в комнату Билла Сиддонза, чтобы вызвать полицию. Машина, приехавшая по звонку из “Palms”, появилась очень быстро.

Ты хочешь сказать, что ты вызвал ментов? – спросил Том. Он стоял теперь отдельно от остальных, ошеломлённо глядя на Джима.

Вы хотите сказать, что это вы вызвали нас? – спросили не менее ошеломлённые полицейские.

Бэйб начал обзывать полицейских, но они предпочли не обращать на него внимания. Тома отвели в машину его друга и увезли, Джим, Бэйб и Тони остались стоять на тротуаре. Когда Том через десять минут вернулся, чтобы бросить камень в офис “Doors”, Джим успел уже уйти в “Barney’s Beanery”, чтобы ещё выпить. В следующий раз Джим увидит Тома почти через год.

В апреле проблемы Джима с законом усугубились. Прежде, чем 6-го числа вернуться в Фоникс, он просмотрел впечатляющий 63-страничный документ, который Макс Финк подготовил к судебному заседанию в Майами. Джиму понравилось красноречие Макса в зале заседаний в Фониксе – он назвал его “профессиональным Терри Мэйсоном” – и был очень доволен, увидев, что изложение Максом обстоятельств дела подвергало сомнению конституционность законов, на основании которых он был арестован.

Первые десять страниц объясняли “современные общественные отношения и социальные стандарты, так, как их видел Макс (и Джим): “Молодёжь (и большая часть взрослого населения) восстала против “надводного” лицемерия, фальши и “только для белых” и “подводной” гнилости нашего общества. Фальшивые, эфемерные викторианские

идеи разочаровывают в мире знания, научного развития и образования…”

Макс приводил в качестве прецедентов судебные дела, касающиеся фильмов “Я любопытный трусливый ” и “Полуночный ковбой” и ссылался на “Тропик Рака” Генри Миллера как на картины Гогена, Пикассо и Микеланджело. Много страниц было посвящено доказательству того, что Первая и Четырнадцатая поправки защищали театральные спектакли, и самоэто дело показывало лишь исторический “страх перед политическими возможностями театра”. Были упомянуты и постановления Верховного Суда США, защищающие свободу слова. Наконец, Макс оспаривал каждое обвинение в отдельности, доказывая, что все они в той или иной степени нарушают Первую, Восьмую или Четырнадцатую поправки, были “неконституционно не ясными или не подкреплёнными фактами”. Из четырёх законов, которые, как утверждалось в деле, были нарушены Джимом, самый свежий вступил в силу в 1918-м году.

6 апреля Джим вернулся в Фоникс вместе с Максом, очевидно, чтобы выслушать приговор по раздутым обвинениям в нарушении закона. Макс заявил в суде, что стюардесса по имени Шерри допустила ошибку и хочет изменить показания; тогда судья отложил вынесение приговора и назначил новое судебное заседание на более поздний срок в течение месяца.

7го Джиму доставили первые экземпляры его книги из “Simon and Schuster”. Джим держал в руках тонкий томик и восхищался им. Книга называлась “The Lords и Новые творения” с подзаголовком “Стихи”. Джиму не понравилось, как было обозначено его имя. Он просил написать – Джеймс Дуглас Моррисон, а написали Джим Моррисон. На обложке напечатали две фотографии “молодого льва”, упоминали пыльный пиджак в его рок-карьере и называли его публику “kids” – всё это ему не нравилось. Пыльный пиджак не имел к этому никакого отношения, но зато был самым неглубоким местом в поэзии Джима. В аннотации значилось: “ Он видит современную Америку и говорит о ней – о городах, наркотиках, кино, погоне за деньгами, старых, навязших в зубах идеях и новой свободе в любви…”

Джим отправил в Нью-Йорк, своему редактору, телеграмму, которая начиналась так: “ Спасибо вам и “Simon and Schuster”, книга далеко превзошла мои ожидания”. А Майклу МакКлюру он сказал: “Меня впервые не надули”. Майкл клянётся, что на глазах у Джима были слёзы.

На следующий день Бэйб Хилл, после попойки с Джимом в

“Phone Booth”, вывалился на ходу из машины и сломал два шейных позвонка, а ещё через день Джим пьяным выступал на сцене в Бостоне.

Концерт затягивался, и в два часа ночи управляющий залом решил отключить аппарат. Странно, но микрофон Джима всё ещё работал.

Джим закрыл глаза. Затем вытащил из стойки тонкий блестящий микрофон и внятно произнёс: “Х…сосы”.

Рэй выскочил вперёд. Произошло то, чего боялись он и все остальные. Одной рукой он крепко зажал рот Джиму, а другой поднял его и вынес со сцены как статую.

Публика требовала ещё музыки.

Через какое-то мгновенье Джим вырвался от Рэя и вновь появился на сцене. Пошатываясь, он шёл к краю сцены и кричал:

Все вместе мы бы смогли это сделать и немного повеселиться… потому что они победят, если вы им позволите!

К тому времени, как на следующий день Джим проснулся, был уже отменён вечерний концерт в Солт Лэйк Сити. Управляющий залом из Солт Лэйк Сити был в числе зрителей в Бостоне, и ему не понравилось увиденное там.

Продолжалась паранойя Майами. Почти на каждом выступлении все управляющие залов просили Винса убрать звук, если Джим скажет что-нибудь “спорное”. Каждый день “Doors” не могли быть уверены, что их ближайший концерт не отменится в последнюю минуту.

Инцидент в Майами касался всех. К концертным контрактам других групп добавлялись статьи и пункты против непристойностей, или же заранее требовались обязательство чеком, которое не возвращалось, если во время пребывания на сцене будут какие-нибудь “незаконные, непристойные, неприличные, распутные или аморальные высказывания”.

17 и 18 апреля “Doors” играли на огромной площадке в Гонолулу. Затем для “Doors” начались короткие каникулы, а Джим с Сиддонзом снова вылетели в Фоникс, чтобы встретиться с Максом Финком и стюардессой Шерри. Она изменила показания от 20-го числа с точностью до наоборот, и отпало последнее обвинение против Джима.

В сентябре прошлого года Джим начал переписываться и созваниваться с редактором и критиком из Нью-Йорка Патрицией Кеннели, в марте и апреле они вновь стали общаться, когда в своём журнале “Jazz amp; Pop” она рецензировала книгу его стихов, он прислал ей телеграмму с выражением благодарности.

Патриция была посвящённой и практикующей колдуньей,

высокой жрицей шабаша ведьм это восхищало Джима – и на другой день после получения телеграммы она приехала в Филадельфию для встречи с другими колдуньями. В тот же день в Филадельфии играли “Doors”, и она сходила в “Spectrum” на их концерт, где за кулисами коротко переговорила с Джимом. Он сказал ей, что на следующий день группа будет играть в Питтсбурге, а после этого он поедет в Нью-Йорк. Там Джим пол-недели провёл с Памелой в “Navarro Hotel” и пол -недели – с Патрицией в её маленькой квартирке.

С Памелой и Биллом Биласко, который всё ещё следовал за Джимом в загородных поездках, Джим прошёл по магазинам Пятой Авеню и пообедал в “Luchow’s” и “Mamma Leone’s” известных ресторанах шоубизнеса. С Патрицией он ходил в “Fillmore East” на концерт “Jefferson Airplane”, сидя в будке освещения вместе с Алленом Гинсбергом.

К этому времени Грэйс Слик придумала новое оскорбление, чтобы прерывать выступающих. Из зала кричали:

Спой “Белого кролика”, Грэйси!

О, сегодня я вижу здесь Джима Моррисона, – с насмешкой сказала Грэйс.

Спасибо, Грэйс, – проворчал Джим, не собираясь продолжать разговор. Ему пришлось присутствовать с самого начала, а потом он говорил Патриции, что, с его точки зрения, “Airplane” “был самой скучной командой, которую я слышал в своей жизни. Всё в накат, все играют громко, насколько могут, и никто не предстаёт в выгодном для себя свете. Нет необходимого взаимодействия, которое есть в моей группе”.

В конце мая появилась ещё одна негативная статья о группе – в “Amusement Business”, в журнале, весьма популярном среди организаторов концертов и управляющих залами. Публикация перечисляла все “подвиги” “Doors” со времени ареста за непристойность в НьюХэйвене, и теперь на первой полосе был заголовок: “Джим Моррисон и “Doors” вновь вызвали раздражение менеджеров – устроителей концертов”. Журнал цитировал менеджера детройтского “Cobo Hall”, в котором играли “Doors”, сказавшего, что группа “буквально захватила здание, и в результате была немедленно запрещена”. И группа, и фаны сочли концерт того вечера весьма необычным.

Джиму, кажется, удалось избежать надвигающегося “нервного срыва”. Он производил на людей впечатление равнодушного, расслабленного. На последней неделе мая они с Бэйбом поехали на

премьеру новой пьесы, и с несколькими группами подпевок он пел в топлессклубах на Норт-Бич. Затем на несколько дней он уехал в Ванкувер, где бродил по городу с Айхором Тодоруком, художником и редактором канадского поп-журнала, который месяцем раньше устроил “Jim Morrison Film Festival”. ТодорукуДжим без конца говорил о Париже, о том, что он хочет поехать туда, как только сможет привести в порядок всё, что должно быть приведено в порядок.

После провального концерта в Ванкувере и “среднего” в Сиэттле расписание Джима составляли уже не выступления, а судебные заседания. Суд в Майами был назначен на август, и адвокаты Джима делали последние попытки его отсрочить. 9 июня они направили ходатайство в федеральный суд, чтобы прекратить дело на основании того, что три обвинения, предъявленные Джиму, были очень неопределённы и наказывали поведение, которое не подпадало под юрисдикцию полиции. Ходатайство было отклонено, и через три дня адвокаты обратились в другой суд Майами, требуя рассмотрения дела в суде присяжных.

В промежутке между судебными заседаниями в календаре Джима значился ещё показ фильма “HWY” для менеджеров кинопроката и для друзей. “HWY” показывали уже несколько раз, но лишь однажды – публично, на кинофестивале в Ванкувере. В основном же фильм показывали в “Synanon” и частных киносалонах. В конце концов двое молодых продюсеров, Бобби Робертс и Хол Лэндерс, предложили Джиму сделать фильм с Микеле Филлипсом, который раньше работал с “The Mamas and the Papas”. Вместо этого Джим заявил, что думает о другом сюжете, и прекратил переговоры. Фрэнк спорил с ним, но он был непреклонен.

Переговоры с “MGM” казались более успешными. Джим регулярно встречался с Биласко и Обреем по поводу “Адепта”, и они убедили его, что сценарий можно сильно сократить. Он с усмешкой заметил на это, что они собирались “вырезать из секвойи зубочистку”.

Биласко и Джим искали нового директора, и наконец они остановились на Теде Фликере, который в первую очередь был известен как руководитель импровизационной театральной труппы под названием “Играющие вступление” и как автор, совместно с Джеймсом Кобурном, недооцененной сатиры “Аналитик Президента”. Совместными усилиями дело медленно сдвинулось с места. Обрей хотел использовать Джима в качестве актёра не только в “Адепте”, но также и в фильме под названием “Пьяный”. Джиму не нравилсясценарий (роль, в которой его хотел снимать Обрей, будет

сыграна Робертом Блэйком), но он согласился немного похудеть для своего собственного фильма – кроме всего прочего, кто бы слушал толстого торговца кока-колой? – и сбрить бороду, которая за время процесса в Фониксе снова успела отрасти.

В середине июня “MGM” фактически предложила Джиму то, чего он хотел: 35.000 долларов за окончательную доработку сценария и, если этот сценарий будет принят к производству, ещё 50.000 долларов за работу в качестве сопродюсера (с Биласко) и “звезды”. По голливудским меркам это небольшие цифры, но Джим был доволен. Он дал указания своим адвокатам разобраться в этом деле, поручил им заплатить 600-долларовый штраф, наложенный Федеральным агентством авиации в связи с полётом в Феникс (и независимо от суда), и стал собирать чемодан для поездки во Францию и Испанию.

Глава 10

Патриция Кеннели была в панике. Когда они проснулись, у Джима была температура под 38 градусов, и вместо того, чтоб идти на работу, Патриция осталась дома – ухаживать за Джимом, выйдя только для того, чтобы купить диетического питания: супа и эмбирного пива. Через два часа у Джима была уже температура 39,4 градуса. Она дала ему аспирина, тетрациклина, воды и натёрла спиртом, попыталась найти Леона Барнарда. Её врачу, который жил всего в двух кварталах отсюда, было невозможно дозвониться домой. Температура Джима поднялась до 40,6 градуса.

Джим приехал в Нью-Йорк накануне, по пути в Европу, вместе с Леоном и одним из друзей Леона, с последними записями для концертного альбома.

Хотя он был совершенно пьян, когда Патриция нашла его в гостинице, они провели приятный и не богатый событиями вечер, посмотрев новый фильм Мика Джеггера “Ned Kelly” и последний фильм Ингмара Бергмана “Страсть Анны” – дважды. Единственным приметным происшествием было то, что перед тем, как они отправились спать, Джим убрал в комнате Патриции перегородку. Теперь же, на следующий хмурый нью-йоркский день, в квартире Патриции он чувствовал себя умирающим.

В два часа Патриция решила ещё раз измерить ему температуру, прежде чем вызвать скорую. Жар вдруг спал, с 40,6 до 38,3 градуса за пятнадцать минут. Ещё через три часа Джим встал и отправился гулять, как ни в чём не бывало. Он вернулся в гостиницу, переоделся и, взяв с собой Леона, они с Патрицией пообедали, снова сходили в кино и купили в “Brentano’s” несколько книг.

На следующую ночь Джим и Патриция поженились.

Двадцатичетырёхлетняя Патриция была главным редактором рок-журнала и одной из нескольких лояльных к “Doors” рок-критиков на Восточном Побережье. Она обожала Джима с того момента, как они познакомились 18 месяцев назад, когда она брала у него интервью в гостинице “Plaza”. Он стоял у входа в её комнату и во время знакомства формально пожал её руку. Она помнит эту сцену:

Всё, что я могла тогда подумать, было: “О Господи, его мать научила его манерам, и он в самом деле их помнит!” Когда мы коснулись руками, полетели искры. Конечно, это было статическое трение моих ботинок о ковёр, но искры были настоящие, как из

сборника сказок. Джиму это понравилось. “Предзнаменование”, – сказал он. И был прав.

С тех пор Патриция стала часто писать в своём журнале о Джиме и “Doors” в сдержанном критическом стиле, в сочетании с буквальными ссылками и цитатами. Она всегда воспринимала работу Джима всерьёз, критикуя его работу, но не его имидж. “Если бы Т.С.Элиот был рок-группой, он был бы “Doors” и сделал бы “Тихий парад””. В рецензии на “The Lords и Новые Творения” она предположила, что “новое прочтение при первой же возможности аристотелевской “Поэтики”, а ещё лучше – “Предисловия к лирическим балладам”, должно помочь в восстановлении крайне необходимых поэтических приоритетов”.

У Патриции было обоснованное мнение почти по всем вопросам; лёгкий, хлёсткий ирландский язык, очень похожий на язык Джима; весьма необычная внешность – с длинными тёмно -рыжими волосами, карими глазами и сексуальной фигурой; широкие познания в оккультизме; и прекрасный дар рассказчицы.

Во многом их отношения были вполне типичны для Джима. Кроме Памелы, не было ни одной девушки, которую он видел очень часто или периодами больше нескольких дней подряд, и с тех пор, как они познакомились, Джим и Патриция ночевали в одной комнате не больше 7-8 раз. Не больше было и телефонных звонков. Пачка необычно личных писем, драгоценности и редкие книги, экземпляры трёх своих частно изданных книг в подарок; но всё же ничего не говорило о страстном ухаживании.

Не было и ничего, в чём бы Джим вёл себя по отношению к Патриции иначе, чем к другим. С нею он также пил, “умирал” и играл в свои бесконечные игры. “Мы могли сидеть в баре, вспоминает Патриция, – и он мог выдать вдруг эти совершенно неожиданные экспромты совсем без повода, типа “Однажды ночью я уснул при свете полной Луны, а когда я проснулся, я увидел над собой лицо матери, смотревшей на меня сверху. Что ты об этом думаешь? Как ты думаешь, что это значит?” Он всегда испытывал людей, всегда пытался увидеть, как сильно вы стараетесь приноровиться к нему или как вы собираетесь ему противодействовать. Он никому не доверял. Кажется, он никогда не верил мне, когда я говорила, что люблю его. Я понимаю, что он слышал это от каждой женщины, с которой когда - нибудь спал. Но я, однако, имела в виду именно это. Даже при том, что, я чувствовала, когда я говорила ему, что люблю его, я тем самым давала ему оружие против себя, которое он мог опустить мне на

голову. В первый раз, когда я сказала о том, что чувствую к нему, он ответил: “Ну вот, теперь ты меня любишь и, наверное, я никогда не смогу избавиться от тебя ”. Я спросила: “Ты хочешь избавиться от меня, да, Джим?” Он просто улыбнулся, закрыл глаза и сказал: “Нет”. А потом он сказал мне, что любит меня. Возможно, он это и имел в виду ”.

Ночь середины лета, 1970-й год. В викторианской готической квартире Патриции горят свечи. Объявили свадебную церемонию. Колдуньи, или Wiccans – не сатанисты; они поклоняются древним силам природы, Триединому Божеству, Великой Матери и её мужскому воплощению Лорду, Бодающему Богу. Это была религиозная традиция, предшествовавшая христианству и иудаизму, и, по мнению многих исследователей, была пережитком древней религии.

Колдовская свадьба, – объясняла Патриция, – это смешение душ в кармической и космической плоскостях, которая оказывает воздействие и на будущие инкарнации двух связанных душ: смерть их не разделяет, и данная клятва “всегда в поле зрения Божества”. Патриция говорила Джиму, что, согласно легенде, Генрих VIII и Анна Болейн поженились по колдовскому ритуалу – возможно, отчасти и по этой причине.

Одна из подруг Патриции, высокая жрица шабаша ведьм, при помощи высокого жреца, руководила церемонией. Они провели Джима и Патрицию через традиционный “handfasting” с молитвами и заклинаниями Божества, благословениями, двумя маленькими порезами на запястьях и предплечье каждого из партнёров и смешением нескольких капель их крови в освящённой чаше вина, из которой они позже пили, с ритуальным шествием над метловищем, обменом определёнными клятвами и, наконец, с вызыванием Божественного присутствия.

Для Патриции это была совершенно естественная церемония в её религии, а Джим был всецело захвачен ритуалом. Он вручил Патриции серебряное claddagh, традиционное ирландское свадебное кольцо, а она надела ему парное золотое. Совершающая богослужение жрица и Патриция, в её сане жрицы, составили два рукописных документа, один на английском языке, другой – колдовскими рунами. Бумаги подписали все присутствующие, а Джим и Патриция должны были сделать свои подписи кровью. Пару объявили супружеской, и Джим потерял сознание.

В субботу Джим и Леон уехали в Париж, где они остановились в

шикарном “Georges V Hotel”, в комнате за 60 долларов в сутки, и начали обследовать город – выпивая в бесчисленных уличных кафе, посещая любимые места экзистенциалистов Левого Берега, смешиваясь с цыганскими представлениями на Монмартре, совершая паломничества в дом Бальзака, на могилу Наполеона и в катакомбы. Затем Леон уехал в Копенгаген, а Джим отправился к своему другу Алану Ронею, который приехал в Париж, чтобы провести там свой очередной отпуск, примерно неделей раньше.

Алан часто рассказывал Джиму о Париже – фактически, именно это стало одной из причин нынешнего приезда Джима во Францию. Джим снимал фильмы “Праздник” и “HWY” в компании, где работал Алан, и они часто виделись на протяжении нескольких лет с тех пор, как познакомились в УКЛА. Алан был одним из “тайных” друзей Джима, и об их отношениях было мало известно. Алан по-доброму любил Джима и, хотя он был вынужден делить его с Фрэнком, Бэйбом и всеми остальными, ему не приходилось делить его с ними в одном и том же месте и в одно и то же время. За исключением случая, когда Джим и Бэйб, пьяные, явились к нему в три часа ночи, Алан всегда видел Джима одного.

В течение недели Джим являл собой само воплощение типичного американского туриста, лохматую фигуру под солнечным дождём. Но за день до отъезда домой он вновь почувствовал лихорадку.

Пневмония? О Господи, где он? Как он? Макс знает? Нам нужно отменить судебное заседание.

Билл Сиддонз, слушая по телефону Бэйба, нервно вертел карандаш. Бэйб сказал, что Джим вернулся из Парижа. Они с Памелой были сейчас в своём доме на Нортон Авеню, и у него была пневмония, но в остальном всё в порядке. Через день Билл разговаривал с Джимом, который сказал ему, что, расставшись в Париже с Аланом Ронеем, он уехал в Испанию и Марокко, путешествуя там по железной дороге или в арендованной машине. Он сказал также, что болел ещё в Нью-Йорке перед отъездом, а в Европе шли постоянные дожди.

Джим болел почти три недели. Сразу после того, как он вернулся в Лос-Анджелес, федеральный суд в Майами отказался удовлетворить ходатайство о прекращении дела по конституционным основаниям. Судья заявил, что, если бы Джима признали виновным, апелляция смогла бы это преодолеть. Суд не будет отменён и из-за состояния здоровья Джима. Символично, однако, что Джим быстро поправлялся, и ко времени выхода в конце июля концертного альбома он снова бродил по Сансет Стрип и заглядывал в бары на бульваре Санта-

Моника.

4 августа он был один в клубе под названием “Experience”. Перед закрытием он спросил хозяина, Маршалла Бревитца, не мог бы тот отвезти его домой. Годом раньше Джим уехал бы сам, независимо от того, был ли он пьян. Но теперь он был слишком пьян, чтобы даже идти пешком.

У меня одно время был клуб в Майами, – сказал Маршалл Джиму, сажая его в свою машину. – Тебе будет интересно узнать, что моими партнёрами были те самые молодые люди, которые пытались тебя обмануть, когда вы там выступали и прогорели. Из-за этого я уехал из Майами.

Джим кивнул и промычал:

Поверни налево… кажется, так.

Маршалл повернул налево и продолжил разговор:

Ты знаешь, что эти парни открыли в одной из гостиниц магазин подарков? И что они занялись бизнесом по продаже лосьонов для загара, сделали рекламный щит… Мы скоро приедем к твоему дому?

Джим опять пробормотал что-то похожее на “Поверни налево… кажется так”.

Через час езды вверх по одной улице и вниз по другой, покружив по десятипятнадцати кварталам, Джим наконец нашёл маленький дом в Западном Лос-Анджелесе, который он искал. Или, во всяком случае, он думал, что нашёл.

Это он, – сказал Джим.

Маршалл дошёл с ним до двери.

– Ш-ш-ш, – шипел Джим. – Девочка здесь, она без ума от меня, и… ш-ш-ш!

Джим робко постучал в дверь.

Тишина.

Джим постучал чуть громче.

Ответа снова не было.

Джим постучал ещё громче.

Эй, Джим, – нервно сказал Маршалл, – увидимся, пока. – И он быстро отошёл от Джима, упавшего перед входной дверью.

Утром Джима нашли спящим, скрючившись, у двери 68-летней женщины, хозяйки этого дома. Приняв бородатую длинноволосую фигуру за ещё одного Чарли Мэнсона, она позвонила в ближайшее отделение полиции, и Джим был арестован по обвинению в пьянстве в общественном месте.

Это было утром в четверг.

В пятницу Джим улетел на суд в Майами.

Смотрите! – Джим показывал наверх, на маленькое полотнище, натянутое как знамя, на котором читалось: “We love Spiro Agnew”.

Кто-нибудь верит в приметы? – спросил Джим.

Температура воздуха была под 40 градусов, плюс очень большая влажность – без богатых зимних туристов Майами ошеломлял своей пустотой, и большие гостиницы на пляже напоминали могильные камни. Джим стоял у входа в гостиницу “Caryllon”, средний по цене могильный камень с вестибюлем из бежевого мрамора, хрустальными люстрами и центром жизни в плавательном бассейне. Его пребывание во Флориде не было богато событиями. В воскресенье он хотел посмотреть jay alai game, но оказалось, что корты закрыты на всё лето, и вместо этого он отправился на собачьи бега. Остальное время он проводил в гостинице купался в бассейне или пил в баре с кондиционером, загорал в сауне на крыше. При встрече с Максом они обсудили, всё ли засвидетельствуют “Doors” – решили, что да – и поговорили насчёт того, чтобы сыграть бесплатный концерт. О судебном заседании говорили мало, хотя каждый отпустил по несколько утешающих шуток.

Теперь, в понедельник 10 августа, в ожидании такси, чтобы доехать до здания суда, Джим шутил о знамени Agnew. Он был одет в ковбойские ботинки, чёрные джинсы и мексиканскую крестьянскую рубашку, и нёс с собой школьную тетрадку.

О’кей, – сказал он наконец, – поехали. – Он сел в такси с Бэйбом, своим адвокатом Максом Финком и рекламным агентом “Doors” Майком Гершманом. Остальные трое “Doors” и Тони Фанчес поймали вторую машину.

Через полчаса Джим был в Здании Правосудия графства Метрополитэн Дэйд, стоя у входа в отделение “D”, и тасуя пачку из 150 фотографий, которые ему только что вручил его майамский адвокат Боб Джозефсберг. Джим остался доволен фотографиями. Время от времени он останавливался, чтобы объяснить тот или иной снимок Бэйбу и другим присутствующим: “Смотрите, это где сочли, что я положил голову на гитару Робби, да? А это – я с овечкой… эта овечка оставалась совершенно спокойной и, клянусь вам, мурлыкала посреди всего этого хаоса. Я вижу что-то сатанинское, когда овцу ведут на убой. Да, да, и группа играла. Вы знаете, я начинаю верить в то, что я невиновен”.

Он всё ещё шутил, хотя и волновался. Как ни старался он быть небрежным и холодным – на публике он утверждал, что боролся за

сохранение художественной свободы – он не мог избавиться от страха. Или от своей злости. За пять дней, проведённых во Флориде, они многое узнали ополитике и закулисной психологии дела в Майами. Судье Мюррею Гудману, назначенному замещать в суде свободную вакансию, в ноябре предстояли первые выборы. И в данный момент осуждение Моррисона увеличило бы популярность судьи. Возможно, Гудман был противопоставлен майамскому адвокату Джима Бобу Джозефсбергу, потому что тому было предложено судейство раньше Гудмана, и он отказался. Штат Флорида против Джеймса Моррисона, дело №69-2355, казалось, и против Них. Нас – тоже.

Макс Финк возражал против этих строк в прессе. Неделей раньше он собирался потребовать, чтобы присяжных отвели на спектакль “Волосы” и в кино – посмотреть “Woodstock”, чтобы они могли увидеть Джима в нужном контексте. Теперь он говорил так: “Вам придётся признать тот факт, что люди из другого поколения – типа группы Моррисона “Doors” протестовали против проблем, созданных их предками”.

Макс говорил, что суд будет длиться, вероятно, от шести до десяти недель, отчасти и потому, что он собирался вызвать сотню свидетелей защиты. Несколько месяцев для этого работал молодой юрист по имени Дэйв Тардифф, говоривший с потенциальными свидетелями, со всеми, кто готов свидетельствовать, что Джим не раздевался. Они добавили к этому ещё несколько свидетелей – экспертов, в том числе двух профессоров психологии из Университета в Майами, чтобы обсудить концепцию современных общественных стандартов; ассистента профессора английского языка, чтобы объяснить его понимание этимологии – раздела филологии, касающегося происхождения слов и словообразования; священника из университета – чтобы тот заявил, что слова Джима были не богохульны, а полемичны; и редакторов отделов развлечений и газет Майамского Пляжа – чтобы рассматривать действия Джима в местном контексте, свидетельствуя о сквернословии гостиничной и бульварной литературы, которое оставалось незамечаемым.

Затем судья Гудман объявил, что расписание судебных дел у него очень плотное, и до среды процесс не начнётся. Так что во вторник Рэй, Робби и Джон наняли машину и уехали в Кей Вест, в то время как Джим оставался в своей комнате и читал.

Если, – спрашивал Макс через два дня каждого из возможных присяжных, – свидетельские показания дадут понять, что мистер Моррисон делал вещи, которые описаны в бестселлерах и показаны в

пьесах, сочтёте ли вы, что он должен пользоваться такой же защитой закона, как и все остальные? Если мистер Моррисон использовал слэнговые выражения, которые лично вам неприятны – несколько четырёхбуквенных слов – и эти самые выражения на словах и в действии являются частью спектра разногласий в нашей стране и употребляются в пьесах и книгах молодыми людьми этой страны, будете ли вы этим оскорблены?

Ещё вопрос, насколько эффективны эти вопросы. Из четырёх мужчин и двух женщин присяжных, вызванных в пятницу, были бывший армейский повар, а ныне механик; укладчик кафеля из фирмы, занимающейся покрытиями для пола; механик из “Coast Guard” с 23летним стажем; учитель рисования из начальной школы; домохозяйка с майамского пляжа, имевшая 23-летнего сына и 30-летнюю дочь; и домохозяйка, бывшая одно время страховым агентом. Боб Джозефсберг немедленно отвёл весь список присяжных целиком, сказав, что если бы Джима судили действительно равные ему, то все присяжные должны быть в возрасте до 30 лет. Судья криво улыбнулся и принял это к сведению, затем суд отложилина выходные.

Когда Джим выходил из комнаты суда, к нему подошёл молодой обвинитель Терренс МакВильямс, одетый в оливково-зелёный костюм и оранжевую рубашку. Казалось, он был смущён и нерешителен. Наконец, он спросил у Джима, нет ли у него случайно с собой экземпляра его нового альбома; обвинитель сказал, что он купил все остальные, а “Absolutely Live” в местных магазинах уже закончился. Интонация его голоса говорила всё: он был расстроен, он не хотел суда, на который его назначили, он всего лишь исполнял свою работу.

Это не означало, что МакВильямс уменьшит строгость своей профессиональной атаки. Как он в действительности ощущал это дело, было ясно видно из записки, которую он позже отправил Джиму, с оригинальным отрывком плохих виршей:

Была такая группа под названием “Doors”,
Которая пела не так, как многие.
Для молодёжи они были протестантами,
Как свидетельствуют очевидцы,
Пока их лидер не снял штаны.

Тем вечером Джим, Бэйб и Тони пошли послушать “Creedence Clearwater Revival” в Центре Собраний Майами -Бич, затем – в “Hump Room” в отеле “Marco Polo”, где Джим на четыре песни присоединился к группе “Canned Heat”. “После этого, – написал в дневнике Бэйб, Джим, я и Айна [Готтлиб, стюардесса, с которой они познакомились

по пути в Майами] отправились в “Fontaine-bleau”, где остановились “Creedence Clearwater Revival”, пили и пили, пока я не вырубился на кушетке рядом со столиком у пруда. Когда я проснулся, Джим был под этой кушеткой…”

В воскресенье они снова были в отделении “D”, где обвинитель был теперь одет в красную рубашку и стоял рядом с Джимом, закончив своё вступительное заявление с патетическим изложением обвинений:

Обвиняемый вёл себя непристойно и похотливо, демонстрировал свой член в вульгарной и неприличной форме, желая, чтобы это все видели, брал свой член в руку и тряс им, а потом вышеуказанный обвиняемый симулировал акты мастурбации на себе и оральное совокупление с партнёром… – Закончив, МакВильямс медленно поднял глаза от списка обвинений и посмотрел на Джима не обычным свирепым взглядом выносящего приговор, а рассеянным и изумлённым взглядом благоговейного страха. Джим невозмутимо посмотрел на него.

МакВильямс процитировал отрывок записи, который должен был продемонстрировать язык представления: “…Вы все – скопище трахнутых идиотов. Ваши лица давятся в дерьме мира. Возьмите своего трахнутого друга и любите его. Вы хотите увидеть мой член?” Присяжные сидели неподвижно, без эмоций.

Днём Макс Финк сделал своё вступительное заявление, представляя себя в роли слегка укоризненного, но в конечном счёте всё понимающего дедушки. Это был образ, который, как он полагал, мог бы убедить присяжных солидаризироваться с ним.

Ваша фантазия может быть безграничной, но есть небольшая разница между данными обвинения и показаниями свидетелей. Нет вопроса об использовании этих слов. Мне 62 года, и я не был ни на одном из этих концертов, но это тот язык, на котором они сегодня говорят. Молодые люди употребляют эти слова не с каким-нибудь похотливым намерением. Это то, что они говорят и делают. Рок-концерт – это выражение несогласия. Давайте же придём к согласию. Тем вечером в зале было 26 офицеров в форме и множество – без формы. Ни один не арестовал его за выступления на сцене. Рок-певец напряжённо работал. Он покинул сцену в поте лица и присоединился за кулисами к своим друзьям, шутил с ними, потом отправился в гостиницу, а затем уехал на Ямайку. Его никто не арестовал, там не было преступления. Слова, которые мы допускали – это свободная речь. Зло – в мозгах.

Первая свидетельница обвинения, казалось, была явно не в своей тарелке. Она была одета в белые туфли и розовое мини-платье, а светлые волосы были затянуты в хвост. Ей было всего 16 лет, когда она посетила концерт “Doors”, сказала она, и она видела, как Джим спустил до колен свои штаны, демонстрируя десять секунд свой член, а потом (она сделала паузу) она видела, как он его трогал. Когда её спросили, какие слова использовал Джим на сцене, она сказала: “Одно, начинающееся на f”. Её спросили, как это её задело, она ответила: “Меня это шокировало, это было омерзительно”.

Во время перекрёстного допроса Макс зачитал сделанное под клятвой заявление девушки в апреле, когда она сказала, что видела, как Джим касался девушки на сцене, но не знала, были ли на Джиме штаны или нет. “Ваша память подвергалась давлению за последние несколько месяцев?” – спросил её Макс. Она разразилась слезами, и судья Гудман объявил краткий перерыв, чтобы дать свидетельнице прийти в себя.

После перерыва девушка ещё дважды опровергла сама себя и сказала, что она и её друг не платили за билеты, чтобы попасть на концерт, а их бесплатно пропустил её зять, городской полицейский.

Девушку сменил её друг, который подтвердил её показания. Макс снова обратил внимание на несоответствие показаний, которые свидетель давал в суде и в заявлении под клятвой, которое он делал раньше. В последнем случае он говорил, что только “смутно помнил”, сделал это Джим или не сделал. Теперь же его память была ясной. В ответ на вопрос обвинителя он сказал, что был оскорблён не за себя, которому было тогда почти двадцать, а за свою юную подружку. В ответ на ещё один вопрос Макса, однако, свидетель заметил, что он позволил себе взять с собой девушку посмотреть “Woodstock”, хотя, по его же словам, он знал, что там показывают наготу.

Его сменила мать девушки, которая не была на концерте, но заявила, что её дочь была явно неспокойна, когда вернулась тем вечером домой.

Вечером в понедельник с приездом Патриции Кеннели началась ещё одна драма. В пятницу, 14го, Джим разговаривал с Патрицией по телефону, узнал, что она беременна, и просил её приехать к нему в Майами. Он отправил своего рекламного агента, одного из адвокатов и его жену встречать Патрицию в аэропорту.

Джим был очень ласков, когда они пили в гостиничном баре, но как ни пыталась Патриция перевести разговор на тему её беременности, он всё время уходил в сторону. По его просьбе она

привезла с собой 30 экземпляров последнего номера своего журнала с фотографией Джима на обложке и новыми стихами под заголовком “Анатомия Рока”. Джим мельком глянул на фотографии и прочитал стихи.

Наконец, Джим взглянул на Патрицию. Он сказал ей, что, по его мнению, на судью могло бы произвести впечатление то, что он не только рок-звезда, но и был полезен обществу написанием стихов. Затем он сказал, чтобы она вернулась к себе в комнату, а он придётк ней позже. Но так и не пришёл.

К этому времени судья Гудман установил, что судебные заседания будут проходить через день, так что вторник у Джима был свободен. Он по-прежнему избегал Патриции, дважды говорив ей по телефону, что навестит её, и дважды не приходил, вместо этого проводя время с Бэйбом.

В среду Джим снова был в зале суда. Патриция тоже была там, рассерженная, но держала себя в руках. Телекамера сняла их в коридоре спорящими. Как раз в тот момент, когда Джим пообещал, что эту ночь они проведут вместе, приехал судья.

Обвинение вызвало в этот день трёх свидетелей. Первой из них была женщина-полицейский, которая в июне говорила, что не слышала богохульства, но теперь, слушая обвинителя, свидетельствовала иначе, заявив, что за это время она успела послушать запись концерта. Вторым свидетелем был студент университета, который фотографировал концерт, и он сказал, что не видел половых органов. Этот свидетель разочаровал сторону обвинения, но со следующим дело снова пошло как по рельсам. Это был 22-летний рыжеволосый парень по имени Боб Дженнингс, который подписал первоначальную жалобу на Джима, а теперь пространно цитировал монолог Джима на концерте и клялся, что на пять-восемь секунд Джим раздевался. Он был убедительным свидетелем, и единственное, что мог противопоставить ему на перекрёстном допросе Макс, это тот факт, что последние три года свидетель был служащим государственной юридической конторы, в то время как там же работала его мать, а его сестра была секретарём тамошнего судьи. Джим и его друзьябыли теперь убеждены, что за ним стояли люди, работающие на полицию или имеющие к ней отношение.

Иди к себе в комнату, – сказал Джим Патриции после пары бокалов в гостиничном баре. – Я пойду переоденусь и через полчаса буду у тебя.

Через полчаса начался давно обещанный разговор.

Я понимаю, что сейчас не самое лучшее время и место, чтобы просить тебя что-то решать с этим, суд и всё прочее, – сказала Патриция, – но факт остаётся фактом, это случилось, и теперь…

Джим неуклюже улыбнулся и сказал:

Мы справимся.

Пожалуй, меня это тоже не слишком возбуждает, ты знаешь. Но тебе случилось быть единственным мужчиной, которого я могла бы всерьёз представить себе в качестве отца моего ребёнка, и теперь пришло время этому случиться, и я не знаю, что делать. Я думаю, что ты должен мне немного больше, чем чековую книжку.

Джим взглянул на неё, затем отвёл глаза.

Если у тебя будет этот ребёнок, он разрушит нашу дружбу. Ребёнок совсем не изменит мою жизнь, но он страшно изменит твою, навсегда.

Я могла бы подать в суд.

Казалось, он удивился этой идее.

Ещё один процесс? Ну, конечно, ты могла бы сделать это, и это было бы очень похоже на тот процесс, который идёт сейчас. Однако, это займёт много времени. Сначала тебе придётся родить ребёнка; это ещё шесть месяцев. Потом тебе придётся выдержать предварительное слушание, с анализами крови и всем прочим, просто чтобы выяснить, есть ли у тебя реальные факты. А я буду отрицать обвинения, и тебе придётся найти свидетелей, и, возможно, у тебя не будет никаких свидетелей, потому что я перекуплю их всех раньше. И даже если ты в конце концов доведёшь дело до суда, ты не сможешь выиграть его, и это будет невероятная реклама, которую ты будешь ненавидеть. Но даже если бы ты и выиграла в итоге, чего бы ты добилась? Немного денег, немного удовлетворения и массы отрицательных эмоций. Вряд ли ты сама думаешь, что дело того стоит.

Я не могу поверить, что ты это сказал. – Теперь по её лицу текли слёзы.

Ну, а что бы ты хотела, чтоб я сказал?

Я не знаю, чёрт тебя дери! Я думаю, нет разницы, что это наш ребёнок, твой и мой, а не твой и Памелы?

Мне – нет, нет разницы. Я не хочу ребёнка. Никакого ребёнка. Я не могу это себе позволить, и я не хочу ответственности.

Единственная причина, почему ты не можешь себе этого позволить – в области эмоций, бросила ему она.

Даже если и так, не лучше ли было бы тебе иметь ребёнка от того, кто хочет быть его отцом?

– Очевидно. Так что ты предлагаешь?

Это тебя устроит. Если у тебя будет ребёнок, то это будет твой ребёнок. Если ты захочешь сделать аборт, я заплачу тебе за него и приеду в Нью-Йорк, чтобы быть в это время с тобой, я обещаю, что я приеду. Я буду там вместе с тобой, и всё будет прекрасно, вот увидишь. Ты можешь пойти и сделать это в выходные, я буду свободен на процессе и, возможно, мы смогли бы после этого уехать вместе.

Патриция рассматривала свои ногти, кольца, концы длинных – до талии – рыжих волос, а затем посмотрела ему прямо в глаза.

Решено, – сказала она холодным тихим голосом.

Последовало долгое-долгое молчание, затем Джим одарил её одной из своих знаменитых мальчишеских улыбок и сказал небрежным голосом:

Это был бы совершенно удивительный ребёнок, ты знаешь, с гениальностью матери и поэт, как отец.

Очень может быть, – сухо ответила Патриция. – Но едва ли это окажется достаточной причиной, чтобы ему родиться. Это не тот эксперимент, как ты понимаешь, чтобы посмотреть, смогут ли двое выдающихся людей произвести выдающегося третьего. Я вообще не очень люблю детей, и единственная причина, по которой я могла бы его родить, это то, что он твой. И это, возможно, худшая из всех причин, по которой кто-либо имеет детей.

Джим никак на это не отреагировал, но сказал:

Ты знаешь, это никогда раньше со мной не случалось.

Патриция взорвалась.

– Не говори ерунды! Я знаю, что случалось. Мне говорили как минимум о четверых, и я знаю о случае со Сьюзи Кримчиз, и…

Нет, нет, это неправда, всё неправда – это раньше никогда не случалось. Ты не думаешь, что это так же трудно для меня, как и для тебя? Как ты обращаешь внимание, это и мой ребёнок тоже. Ты просто должна быть смелой.

Патриция предпочла не отвечать. В конце концов Джим предложил ей вернуться в гостиничный бар, и она согласилась.

Я только хочу быть уверена, прямо сейчас: я сделаю аборт, ты заплатишь за него и ты приедешь в Нью -Йорк, чтобы быть в это время со мной, так?

Так.

И что мы будем делать после этого?

Наверное, вместе поплачем о нём.

Ну тогда, – сказала она, – пойдём ещё выпьем.

В связи с тем, что в пятницу и в субботу “Doors” должны были играть два концерта в Калифорнии, судья согласился перенести слушание показаний на следующий день, в четверг, а потом сделать перерыв до вторника. Этот день принёс смешанные, но в итоге плохие результаты. Патриция позволила Джиму остаться с ней на ночь, и у них снова всё было хорошо, насколько это возможно. Затем в зале заседаний в качестве улик было представлено 150 фотографий, и ни на одной из них он не делал ничего противозаконного, единственный вызванный свидетель также показал, что ничего не видел. Но затем судья Гудман постановил, что в его зале заседаний не могло бы быть представлено ни одной улики, находящейся в рамках “общественных стандартов”, уничтожая, таким образом, удар защиты Джима.

Когда Джим пробежал глазами двухстраничное постановление, его лицо стало цвета мокрого асфальта. Он спокойно положил бумагу на стол перед собой и бросил взгляд на Макса.

Ваша честь, – сказал адвокат настоятельным тоном, – могут ли присяжные выйти?

Присяжных попросили выйти из комнаты, и Макс стал излагать свои аргументы.

Исключая доказательства, удовлетворяющие общественным стандартам в отношении слов, которые мы свободно употребляем и которые были использованы, – воскликнул Макс, исключая показания экспертов о воздействии этих слов на аудиторию в этот день и век, вы отрекаетесь от справедливого суда. – Макс энергично спорил около получаса, говоря о развитии свободы речи, показывая, как это проявляется в развитии драмы, рассуждая о праве артиста или драматурга иметь свои взгляды. Это было, как спустя несколько месяцев говорил Джим, “блестящее резюме того исторического процесса, но оно не имело никакого эффекта”. Гудман слушал это, опершись подбородком на руки, очки в роговой оправе сидели на кончике носа, а затем без комментариев отверг аргументы Макса и его ходатайство.

Утром в пятницу Джим и его свита вылетели в Лос-Анджелес, где воссоединились с остальными “Doors” – они вернулись раньше на той же неделе – и оттуда автобусом поехали на север, в Бэйкерсфилд на первый концерт, на следующий день – на юг, в Сан-Диего – на второй. Концерты получились сильные, но Джима они утомили.

Видимо, обретя второе дыхание, Джим отправился с Бэйбом пить. “Мы были так измучены! вспоминает Бэйб. – Просто смеялись и

смеялись, катаясь по улице”. Стюардессам, бывшим вместе с Джимом и Бэйбом, было не так весело. Они незаметно ушли. Джим и Бэйб продолжали смеяться. Смеяться и смеяться.

Затем они вернулись во Флориду, и там Джим всю ночь не ложился спать, до восьми утра проболтав под кока -колу со своим другом драматургом Харвеем Перром, который теперь занимался рекламой на “Elektra”.

В 8 утра Джим прервал разговор, заказал из комнаты обслуживания арбуз и съел больше половины его, а затем в отделении “D” снова встретился со своими адвокатами. По расписанию сегодня выступало ещё четверо свидетелей обвинения, все они были полицейскими и агентами в штатском, которые тоже слышали богохульство или заявляли, что видели половые органы Джима. Один из них даже сказал, что член Джима был “в процессе эрекции ”.

В среду Джим, Рэй и Бэйб съездили в “Everglades”, где они покатались на аэролодке и посмотрели на борьбу крокодилов, а также попробовали лягушачьи лапки и употребили немного хэша.

В четверг они снова были в отделении “D”, где прошла ещё одна волна свидетелей обвинения: трое полицейских и одна “гражданская”, которая работала в полиции на коммутаторе и которую на концерт пропустил знакомый полицейский. Все они говорили чтото обвинительное, а в ответ на вопрос Макса: “Если Джим вёл себя столь непристойно, то почему его никто не арестовал после выступления за кулисами?” один из свидетелей заявил, что они боялись недовольства толпы.

Какая толпа? – спросил Макс. – В раздевалке не было никого, кроме “Doors”, их друзей и полиции.

Вопрос остался без ответа и был вскоре забыт, как только обвинение представило в качестве улики запись, сделанную на кассету кем-то из зрителей. Магнитофон поставили на перила скамьи присяжных и включили воспроизведение. В следующие 65 минут зал был заполнен дымчатыми звуками музыки “Doors” и раскатами голоса Джима Моррисона.

Никто не хочет полюбить мою задницу?.. Вы все – скопище трахнутых идиотов! Вы все скопище рабов!… Я не говорю о революции, я говорю о том, что стоит немного повеселиться… Я говорю о любви… Я хочу изменить мир… О, я хочу видеть здесь какоенибудь действие, я хочу видетьздесь какое-нибудь действие, я хочу увидеть хоть несколько человек, которые пришли сюда и веселятся. Нет пределов, нет законов, ну!

Видите, – говорит Харвей Перр, – Джим и Макс согласились на прослушивание записи потому, что они хотели показать, что всё это было в контексте, в ритме. Это было что-то вроде стихов, чувства, и, они говорили, непристойность была их неотъемлемой частью. Когда он сказал “fuck”, он имел в виду “любовь”. “Fuck” означает “любовь”. Я имею в виду, что он действительно говорил публике непристойности – о восстании, восстании против сверхдорогих билетов, восстании против системы, и призывал любить друг друга. Он сказал: “Любите своего соседа”. И всё это было ритмично, почти совпадая с ритмом одного из его стихотворений. Это было похожена большую, скандальную, пьяную поэму, рассказывающую о восстании. Это было похоже на Дилана Томаса.

Вечером в пятницу Джим улетел в Лондон, а оттуда на местном самолёте – на Остров Человека, чтобы присоединиться к остальным “Doors” на единственном концерте, оставшемся от их сорвавшегося европейского турне. Этот концерт был вечером в субботу, и Джим не спал 36 часов. “Doors” вышли на сцену в 2 часа ночи, а после них выступали “Who” – группа, весьма популярная у публики. “Doors” выступали в непривычном месте – на открытой площадке – и в ужасных условиях, с холодным ветром, недостаточным светом и на плохом аппарате. Это было, по описанию одной из британских поп-газет, “всё равно что слушать альбом “Doors” на плохом магнитофоне, который тянет плёнку”. Джиму это совсем не подходило, и весь концерт он слабо “висел” на микрофоне. После этого он несколько часов бродил по территории фестиваля, давая короткие несерьёзные интервью журналистам британских изданий, а в основном – разглядывая публику. Ко времени возвращения в Лондон он принял решение: фестиваль на Острове Человека был его последним выступлением на публике.

Представив ещё двух шокированных богохульством Джима свидетелей, обвинение отложило слушание дела до среды, и затем настала очередь выступать Джиму.

Боб Джозефсберг просил оправдать обвиняемого на том основании, что в самом обвинении возникли противоречия. Судья Гудман небрежно отклонил прошение, а затем установил для защиты ограничения. Он сказал, что будет допущено только 17 свидетелей – столько же было со стороны обвинения – и среди них не должно быть “так называемых экспертов”.

Чтобы восстановить события того дня и всех последующих, Макс и его партнёр по залу суда опросили первых пятерых свидетелей

защиты. Все они показали, что были в непосредственной близости от места событий и не видели, чтобы Джим раздевался. Свидетели были убедительны, но столь же убедительны были и свидетели обвинения, которые утверждали, что что-то видели. В зале поселилась скука, столь же ощутимая, но невидимая глазу, как кондиционированный воздух. Когда в конце дня был объявлен 11дневный перерыв, это было воспринято почти с облегчением. Джим и Бэйб улетели в Нассау, где встретились с Фрэнком и Кэти Лишьяндро, чтобы провести неделю в пьянстве, на солнце.

На очередном заседании суда 14 сентября защита вызвала не менее 10 свидетелей за 2,5 часа, а на следующий день опросили ещё пятерых. (Защита уже исчерпала установленный судьёй лимит в 17 человек, но никто не считал, так как Макс торопился). Это были домохозяйки и студенты, врачи иполицейские, и все они как один повторяли предшествующие показания защиты: они не видели, чтобы Джим раздевался. Это выглядело так, будто большая спорящая часть Майами слушала одну и ту же роль в пьесе, заявления свидетелей звучали очень похоже. Каждый раз судья спрашивал Терренса МакВильямса, желает ли он провести перекрёстный допрос, и каждый раз тот отказывался.

Прохромав больше месяца, теперь процесс стремительно близился к концу. Даже показания Джима и других “Doors” 16-го и 17-го числа не были особо запоминающимися. “Я не должен был давать показаний, – говорил Джим позже, – но мы решили, что это могло бы стать плюсом, потому что присяжные могли бы увидеть, на что я похож, ибо всё, что они могли делать, это смотреть на меня. Я не думаю, что это что-то значило, так или иначе”.

Показания Джима были спокойны и рациональны. Он отвечал на вопросы Макса и Терренса МакВильямса с равной учтивостью и любезностью, медленно и бережно выбирая слова, делая задумчивые паузы, дотрагиваясь кончиками пальцев до своих усов, и говорил спокойно, убедительно, чётко выражая свои мысли.

Наконец, Макс сказал: “Защита удовлетворена”.

Судья Гудман согласился, чтобы суд заседал в субботу – чтобы выслушать заключительные заявления и передать дело присяжным. Перед судом в то утро в майамской газете Джим прочитал, что в Лондоне умер Джими Хендрикс. Он снова громко поинтересовался: “Ктонибудь верит в приметы?”

В своём заключительном слове Макс и Боб Джозефсберг должны были, атакуя обвинение, нападать на “современные стандарты”,

которыми была отвергнута защита. Больше трёх часов Макс анализировал материал и рассматривал противоречивые и спорные показания. Затем ещё более часа Боб Джозефсберг читал текст “Новых одежд Императора” и создал из них современную притчу, а в конце повернулся к обвинителю и, изысканно поклонившись, сказал: “Дальше поезд поведёт мистер МакВильямс”.

МакВильямс произнёс получасовую речь, которая казалась почти апологетической, и сел, не глядя на Джима.

В девять вечера в субботу присяжные начали обсуждение и к 11.30 приняли решение по трём из четырёх обвинений. Джим был, по их заключению, невиновен в первом и четвёртом непристойном поведении (обвинение в симулировании мастурбации / симулировании орального сношения; уголовное преступление) и публичном пьянстве (проступок), но виновен в третьем – богохульстве (тоже проступок). (Когда Джим был на трибуне, его спросили, раздевался ли он. Отвечая, он случайно сознался в одном из обвинений: “Я не помню. Я был слишком пьян”. По иронии, он был оправдан как раз по обвинению впьянстве). Присяжные сказали судье Гудману, что они “застряли” на обвинении номер два: публичное раздевание (тоже проступок), поэтому он изолировал их в гостинице Майами и объявил перерыв в заседании до 10 утра в воскресенье, когда присяжные должны были закончить своё обсуждение.

Утром в воскресенье Джим читал биографию Джека Лондона, написанную Ирвингом Стоуном, “Моряк в седле”, когда в зале суда появились присяжные, и их старшина зачитал вердикт. Он был признан виновным в раздевании.

Приговор должны были вынести в конце октября. Поскольку Джим не мог быть выдан из Калифорнии за проступки, залог был увеличен с 5.000 до 50.000 долларов, чтобы заставить его вернуться.

Фаны увидели его выходящим из зала суда в чёрных джинсах, ботинках, в спортивном свитере с вышивкой, важного, когда Джим остановился поговорить с репортёрами. “Этот процесс и его исход не изменят мой стиль, потому что я утверждаю, что не сделал ничего дурного ”.

Месяцы после суда, казалось, были хуже самого процесса. В Майами Джим ещё замечал время. Теперь он неумолимо двигался к трагедии.

Почти сразу по возвращении из Флориды он впал в отчаянный страх, узнав, что от передозировки умерла Дженис Джоплин. Сначала Джими. Потом Дженис. Как-то в загородной поездке Джим сказал

друзьям: “Вы пьёте с Номером Три”. А потом он так сильно поругался с Памелой, что она ушла от него – всплеснув руками, собрала вещи и улетела в Париж к своему богатому французскому графу.

Последующие дни он проводил в барах, а ночи – в гостинице на Стрип, где Джим и Бэйб занимали соседние комнаты.

Эй, Бэйб, смотри сюда!

Джим свесился с балконных перил в своей комнате “Hyatt House Hotel” наружу на высоте десятого этажа над Сансет Стрип. Он пил и нюхал кокаин.

Я не хочу, чтобы ты это делал, – сказал Бэйб, – ты заставляешь меня нервничать.

Он вышел на балкон, посмотрел на край и на Джима, всё ещё висящего на руках. “Ты собираешь огромную толпу”, – сказал он. Бэйб снова взглянул на улицу и сказал, что на тротуаре стоит управляющий гостиницей и машет руками. Через несколько минут раздался оглушительный стук в дверь. Бэйб помог Джиму забраться внутрь и усадил его, а затем открыл дверь рассерженному управляющему и нескольким полицейским.

Что здесь происходит? Чем, чёрт возьми, вы здесь занимаетесь?

Всё в порядке, – сказал Бэйб, указывая на Джима.

Полицейские вошли в номер. Потом они заявили, что то, что Бэйб широко распахнул дверь, было приглашением войти, а то, что он указал на Джима – “жестом гостеприимства”. Пока они обследовали комнату, Бэйб смог спрятать кокаин, лежавший на туалетном столике в сложенной втрое открытке с надписью “Посетите туалетную комнату”. Но полиция нашла марихуану. Поскольку это было в комнате у Бэйба, Джима не арестовали. Но его переселили в другое крыло гостиницы, выходящее на автостоянку.

Когда журналист из журнала “Circus” Салли Стивенсон спросил его о концерте в Майами, Джим, наконец, заговорил об этом. “Я думаю, что я просто был съеден тем имиджем, который вокруг меня создался и с которым я иногда осознанно, а чаще всего неосознанно сливался. Мне действительно оказалось сложно всё это переварить, и в один прекрасный вечер я просто положил этому конец. Всё свелось к тому, что я сказал публике: они – всего лишь скопище трахнутых идиотов, а не публика. Ведь так или иначе, что они делали? Главный смысл был показать, что в действительности-то они здесь не затем, чтобы послушать несколько песен в исполнении хороших музыкантов. Они пришли сюда за чем-то другим. Почему бы не предположить это и не подыграть этому?”

Он сказал, что воспринимал интервью как “очень важную художественную форму, включающую в себя исповедь, полемику и перекрёстный допрос”. Он говорил и о лосанджелесских полицейских, которые были “идеалистами… почти фанатиками, уверенными в правоте своего дела. У них вся философия – в их тирании”.

В интервью было много рассуждений, и они были ясно изложены. Возможно, Джим впервые публично объявил, что не может жить так дальше. “Я не отрицаю, что хорошо провёл последние три - четыре года. Я встретил много интересных людей и узнал много интересных вещей за короткий промежуток времени – то, что я, возможно, не узнал бы и за двадцать лет жизни. Я не могу сказать, что жалею об этом”. Но, добавил он, “если бы мне пришлось заниматься этим и дальше,… я думаю, что я стал бы спокойным и наглядным примером художника-упорно-работающего-в-своём-саду”. Что случится, если придётся сесть в тюрьму? Он надеялся, что остальные трое “продолжат и создадут инструментальный саунд, который бы не зависел от стихов, ведь они, в любом случае, действительно не являются обязательными для музыки ”.

30 октября Джим вылетел в Майами на встречу с судьёй Мюрреем Гудманом. Прежде, чем огласить приговор, судья сказал несколько слов.

Мысль о том, что ваше поведение приемлемо для общественных стандартов, совершенно не верна. Если допустить, что наша нация принимает в качестве общественного стандарта неприличное раздевание и грубый язык, на котором вы говорили, то придётся допустить и то, что слабое меньшинство, которое изрыгает непристойности, не обращает внимания на правопорядок и выказываеткрайнее неуважение к нашим публичным институтам и национальному наследию, устанавливает свои общественные стандарты для всех нас.

Джим подумал, что это была милая речь в рамках кампании за справедливость – с тем, чтобы привлечь несколько голосов на выборах судьи в следующем месяце. Приговор был тот, которого он и ожидал: максимум. За богохульство ему присудили 60 дней тяжёлого труда в тюрьме “Dade County”, а за раздевание он был приговорён к шести месяцам того же самого, а потом ещё два года и четыре месяца условно. Кроме того, он был оштрафован на 500 долларов.

На первой неделе ноября в Нью-Йорке Патриция Кеннели легла в больницу и сделала аборт. Ребёнок Джима погиб на двадцатой неделе эмбрионального развития. Джим не присутствовал и не звонил.

В течение двух недель после вынесения приговора Макс Финк подал апелляцию в окружной суд США, а “Elektra” выпустила первый перекомпанованный альбом песен “Doors”, запись называлась “13” – по числу песен, взятых из пяти первых альбомов “Doors”.

Отношения “Doors” с “Elektra” стали прохладнее. Джек Холзман ни в коем случае не хотел, чтобы его компания ассоциировалась с майамскими обвинениями; сотрудникам “Elektra” он дал указания по мере возможности избегать этот предмет. Общение оставалось дружеским, но когда “Elektra” попросила “Doors” подготовить к выпуску альбом-антологию, эта просьба была явно формальной. “Morrison Hotel” хорошо раскупался, учитывая обстоятельства, при которых он был выпущен, и то, что он был выпущен без хитового сингла. “Absolutely Live”, который вышел через несколько месяцев, стоил дорого и раскупался плохо, всего 225.000 копий (половина от объёма продажи “Morrison Hotel”). “Elektra” хотела выпустить диск для распродажи к Рождеству, поэтому “Doors” были вынуждены согласиться на выпуск “13”. А Джим даже согласился сбрить бороду для фотографии на обороте обложки.

Джим терпеть не мог обложку “Absolutely Live”. Первоначально предполагалось, что она будет эффектно шероховатой, а на заднем плане – голубоватое фото с концерта группы в театре “Aquarius”, где было записано включённое сюда “Празднование Ящерицы”. Художественное отделение “Elektra” решило, однако, что такая фотография недостаточно бросается в глаза. Квадратом поверх имеющейся фотографии на передней обложке была наложена цветная фотография Джима, сделанная больше года назад в “Hollywood Bowl”, и альбом вышел раньше, чем об этих изменениях узнали в офисе “Doors”. Джим был в ярости.

Ему не понравится и обложка “13”, которая также изображала более молодого Джима Моррисона и уделяла ему значительно больше внимания, чем группе. “Elektra” явно хотелось “милого” Джима Моррисона. Удивительно, что Джим выразил своё недовольство лишь нескольким близким друзьям. Хотя Рэй, Робби и Джон привыкли ко вниманию, направленному на их певца, это не нравилось Джиму.

На следующей после выхода “13” неделе от рака желудка умер старый друг Джима по УКЛА Феликс Винэйбл.

Благодаря репетициям для нового альбома, расписание Джима снова становилось продуктивным, и это несмотря на психологическую травму. Из-за того, что большая часть материала, вошедшего в альбом, была написана значительно раньше, альбом был сведён гораздо

быстрее, чем ожидалось. Зловещая “Машины шипят мимо моего окна” (“Окно начинает дрожать от гудения, / Холодная девочка убьёт тебя в тёмной комнате”) была найдена в одной из немногих сохранившихся венецианских записных книжек. Стихи “The WASP (Радио Техаса и Биг Бит)” входили в оригинальную сувенирную книжку “Doors”, вышедшую ещё в 1968-м году, и тогда же Джим написал стихи для другой песни, названной “Changeling” (Какая – либо вещь или ребенок, оставляемые эльфами взамен похищенного.).

“ Латинская Америка” была записана для “Забриски Пойнт” Антониони.

Новый материал включал в себя и две песни, длившиеся соответственно семь и восемь минут, обе они полностью и поэтически автобиографичны и обе – с сильными стихами и музыкой. Первая из них, “Лос-Анджелесская женщина”, была отчаянным салютом Джима ЛосАнджелесу, городу, который казался ему теперь больным и отвратительным. “Ты – удачливая юная леди в Городе Света? / Или всего лишь ещё один потерянный ангел – в Городе Ночи”. Лос-Анджелес был для Джима “городом ночи” (он взял эту фразу из романа Джона Речи), и в другой строфе он это описывал: “Двигаясь по твоим вольным улицам / Странствуя по полуночным аллеям / Полицейские в машинах, бары с танцовщицами-топлесс / Никогда не замечаешь женщину – / Такую одинокую, такую одинокую.” За этим следовала более страшная мысль: “Мотель деньги убийство безумие / Давай переменим настроение с радостного на грусть”. В следующей строфе он обращался сам к себе с анаграммой слов “Джим Моррисон”: “Mr. Mojo Risin’…” (Jim Morrison – Mr. Mojo Risin'.).

“ Едущие в грозу” не содержали словесных фокусов и были медленнее, джазовее, мелодичнее, чем “Лос-Анджелесская женщина”. Её также обычно считают автобиографической. “Едущие в грозу / В этот дом, где мы родились, / в этот мир, куда мы брошены, / как собака без кости, / актёр, живущий в долг / Едущие в грозу”. Знакомая тема вновь появляется и в другой строфе – крик любви к Памеле: “Мир зависит от тебя / наша жизнь никогда не кончится / девочка, ты полюбила своего парня”. Образ “На дороге убийца” появился в песне под воздействием “HWY”.

“Doors” принесли эти песни Полу Ротшильду. Их отношения с Полом стали ухудшаться в январе по окончании записи “Morrison Hotel”. Обычный для Пола упор на качество, что неизбежно влекло за собой множество дублей при записи предшествующих альбомов и приводило к тому, что очень много концертов было записано вживую,

стал, по словам Джима, “утомлять нас”. Хуже того, Полу не нравился новый материал. “Он был ужасен, – говорит Пол даже сейчас. – Материал был плох, отношение к нему было плохо, подача плохая. После трёх дней прослушивания я сказал: “Всё!” и отменил сессию записи. Мы отправились обедать, и я проговорил с ними целых три часа. Я сказал: “Я думаю, это засасывает. Но мне не кажется, что мир хочет услышать именно это, когда мне впервые в жизни было скучно в студии звукозаписи, и я хотел спать. Напряжение у вас, ребята, феноменальное”. Джиму я сказал: “ Это твоя пластинка, которую хотел записать ты, и поэтому ты добился того, чтобы мы записывали её вместе. А почему бы вам, ребята, не записать её самостоятельно? Я выхожу из этого дела ”.

Критика эта ранила, особенно, когда Пол назвал “Едущих в грозу” “кокаиновой музыкой”. “Doors” согласились, что они не слишком хорошо играли песни и, возможно, они были ещё не готовы к записи, но они не теряли веры в этот материал. После обеда они вернулись в студию со своим звукоинженером Брюсом Ботником, и решили, что он будет продюсером альбома.

Памела оставалась в Европе, и Джим стал искать девушку, которая пойдёт – как говорил Билл Сиддонз – “куда угодно”.

Джим рассматривал вещи со всех сторон, – говорит Билл. – Джим – особенно пьяный Джим будет следовать за развитием действия до конца независимо от того, вело ли его это в пучину ада или на небеса. Это было одной из причин, по которым люди тянулись к нему, потому что они это чувствовали. Моя жена Шери сказала ему, что однажды он захочет быть с женщиной, которая смогла бы идти так же далеко, как и он, с женщиной, которая смогла бы взять его так же глубоко, как умел взять кого-либо он сам.

Джим мог считать, что он нашёл такую женщину в Ингрид Томпсон, большой, добродушной, похожей на Джули Ньюмар скандинавке. 19 ноября, когда её муж уехал по делам в Португалию, Джим переехал в “Chateau Marmont” – ещё одну гостиницу на бульваре Сансет и они стали встречаться.

Ингрид слегка приоткрыла входную дверь, и Джим поставил в щель свою ногу. Он был пьян, снова с отросшей бородой, одетый в мышиного цвета рабочую куртку, и был похож на массивного человека под кайфом. Ингрид открыла дверь шире. “Ты же знаешь, что я всегда любил тебя ”, – сказал ей Джим.

Следующие несколько недель Джим приходил к Ингрид два-

четыре раза в неделю, часто приезжая ещё с какой -нибудь девушкой, которой он сладко говорил, что они едут “домой”, и с которой он обнимался на лестнице у двери, прежде чем войти. Ингрид терпеть не могла этого и выговаривала ему, но Джим лишь пожимал плечами, говоря, что он давал Ингрид столько, сколько мог. В конце месяца он сказал ей, что хотел бы, чтобы она родила от него ребёнка, и театрально бросил в камин её противозачаточные таблетки.

Мы действительно наслаждались, – говорит Ингрид. – Никто из нас этого не ожидал. Он действительно любил жизнь, и я тоже. Единственным минусом был кокаин, который выдувал наши мозги. Он думал, что я ещё ненормальнее его, и хотел посмотреть, насколько.

Джим нюхал кокаин более года, первый раз он всерьёз попробовал его, когда они с Майклом Мак -Клюром взялись за “MGM” и получили 1.000 долларов “исследовательских денег”, пока писали сценарий, и ещё раз, когда Пол Ротшильд записывал с ними “Morrison Hotel”. Однажды Джим и один из администраторов “MGM” купили 30 г кокаина, и Джим сказал: “ Держи его у себя в сейфе и только время от времени давай его мне по чуть-чуть, что бы я ни говорил, ладно?” Патриции Кеннели он как-то сказал: “Если бы у меня в запасе была гора кокаина, я бы употреблял его, просто потому, что он у меня есть”.

Однажды ночью, когда он вернулся к Ингрид, он принёс с собой бутылку шампанского и большую, чем обычно, порцию кокаина в 35-миллиметровой коробке из-под фильма. Вытянув вперёд обе руки, он вошёл в комнату и сел за кофейный столик. Предложив тост за Ингрид, хорошие взгляды, европейский шарм, он одним глоткомопустошил свой стакан. Затем он развинтил коробку из-под фильма и опрокинул кокаин на стеклянный кофейный столик. Медленно, молча, он сложил его в узкие пятисантиметровые полоски своей кредитной карточкой. Затем он взял новую стодолларовую банкноту и тугоскрутил её. Они по очереди вдыхали порошок, расходуя каждый около пятидесяти долларов.

Результат был немедленно. Сердцебиение участилось, температура поднялась, расширились зрачки, покраснели лица. Через несколько минут они оба были болтливы, безостановочны, возбуждены. Они чувствовали уверенность в себе и в чём-то “больше-чем-жизнь”. Они вдохнули кокаина ещё на пятьдесят долларов.

Возбуждение от кокаина коротко и сладко. Но если человек может его себе позволить, он употребляет больше. Джим недавно пробовал гигантские количества наркотиков со Стивом Стиллзом и с кем -то ещё, а теперь он делал то же самое вместе с Ингрид. Через три

часа коробка из-под фильма была почти пуста. Они сняли одежду и стали танцевать в лунном свете. Потом они бросились в кровать. Ингрид начала рассказывать о своей родной земле и о своих странных тамошних друзьях. Она сказала, что иногда пила кровь.

Ерунда! – сказал Джим.

Нет. Это правда, – поклялась Ингрид, горячо кивая головой. – Я делаю это. Иногда…

Хорошо, – ответил Джим, улыбаясь, – давай мы с тобой выпьем немного крови прямо сейчас. – Казалось, он был серьёзен.

Ингрид попыталась обратить это в шутку. Хрустнув пальцами, она сказала:

– Я забыла – кровавый человек сегодня не пришёл.

Давай выпьем сейчас немного крови, – повторил Джим.

Джим вспомнил кровь, которую Патриция взяла у него из запястья и предплечья во время их свадебной церемонии, и это действие, вероятно, способствовало тому, что он тогда потерял сознание. Джим страшно боялся острых предметов.

У тебя есть бритвенные лезвия? – спросил он.

Ингрид поняла, что он просил её вызвать кровь. Она отправилась в ванную искать лезвие. Вскоре она держала его в руке, едва касаясь одним углом мясистой подушечки кожи, где её большой палец соединялся с кистью левой руки. Она нервно ударила себя по руке, закрыв глаза. Когда она их открыла, крови не было. Она опять закрыла глаза и ударила ещё раз.

С пятой попытки кровь забила струёй, и Джим вскрикнул, хватая стакан из-под шампанского, чтобы собрать её. Они занимались любовью и снова танцевали, измазавшись в крови.

На следующее утро, проснувшись на простынях с запёкшейся кровью и с сухими бурыми полосками крови Ингрид почти по всему своему телу, Джим перепугался. Паранойя росла.

Конец ноября и всю первую неделю декабря почти каждый день в комнате “Chateau Marmont” Джима навещал Ларри Маркус и ещё один сценарист, друг Ларри, по имени Сайрус Моттель. Сначала они стучали “условным стуком”, на который Джим выглядывал из окна на втором этаже, чтобы посмотреть, кто там. Наконец, он впускал их к себе в комнату, которая была заставлена книгами, в основном – сборниками поэзии. Хотя в холодильнике было полно пива, там не было никакой еды.

Они обсуждали сюжет задуманного фильма. Было решено (идея Джима) рассказать историю молодого лос -анджелесского

кинорежиссёра, который однажды, бросив работу, жену и детей, исчез в джунглях Мексики – Джим называл это “безумным поиском абсолютного нуля”. Джим и Ларри пожали руки, и с помощью Макса соглашение было подписано. В обязанности Джима входило быть соавтором, сопродюсером и “звездой”, Ларри лично гарантировал ему 25.000 долларов.

По вечерам они иногда ходили в “Cock’n’bull”, ресторан на Стрип. Однажды, вместе с Фрэнком Лишьяндро, Джим затеял словесную пародию на идею сценария и фактически её разрушил, разбив все надежды Ларри и свои собственные. В другой раз, в присутствии только Сайруса и Ларри, Джим за порцией второго выпил три бутылки скотча, а после этого бросился на Сансет регулировать движение, размахивая своим пиджаком, будто бы мимо неслись быки Памплоны.

Ещё раз Джим забрал Ларри Маркуса из студии “Columbia”, чтобы покататься с ним на последней из уродливых машин, взятых напрокат. Не говоря ни слова, он полдня ездил по Лос -Анджелесу. Он даже не включал радио. Ларри сидел в машине молча. Как в ловушке.

Глава 11

6 декабря Джим позвонил по телефону, который дал ему Джек Холзман, и поговорил со звукоинженером, который создавал студию “Elektra”.

– Послезавтра у меня день рождения, – сказал ему Джим, – и я хотел бы записать на плёнку стихи.

8го они были в “Village Recorders”, в двух кварталах от бара, куда Джим частенько заглядывал, учась в УКЛА – “Lucky U”. Прежде, чем войти в студию, он выпил с Фрэнком и Кэти, Аланом Ронеем и шведкой. Когда же они добрались до студии, звукоинженер вручил Джиму бутылку ирландского виски. Джим начал читать стихи и пить.

Как и его “Американская молитва”, большая часть того, что Джим начитал в тот вечер, напоминала по форме заклинания. Четыре часа Джим листал толстую стопу аккуратно отпечатанных листов бумаги, становясь всё более и более пьяным.

Окрылённый этой записью, Джим снова согласился на выступления в Далласе в пятницу 11 декабря и в Новом Орлеане на следующий день.

В Далласе был триумф. За этот единственный вечер “Doors” и Джим доказали себе и своим оппонентам, что они были ещё очень даже в силе, чтобы списывать их со счетов. Они продали билеты на два концерта в шеститысячном зале, и после каждого концерта дважды выходили на бис. Джим был в хорошем настроении, а группа выглядела собранной и сильной. Они представили восхищённой публике “Едущих в грозу”. После второго концерта за кулисами четверо “Doors” провозглашали тосты за успешное возвращение.

Новый Орлеан, тем не менее, оказался трагедией. Если Даллас был хорош, то Новый Орлеан стал концом. Тем вечером Рэй видел, как Джима покинула его душа. “Все, кто был там, это видели, парень. Примерно в середине выступления он растерял всю свою энергию. Он повис на микрофоне, и энергия просто выскользнула. Вы действительно могли видеть, как душа покинула его. Он был истощён”. Будто бросая вызов своей слабости, Джим поднял микрофонную стойку и ещё раз ударил ею о сцену, ещё, ещё и ещё, пока, наконец, не послышался звук треснувшей древесины. Он бросил стойку в оглушённую аудиторию, повернулся, упал на барабанную установку и сел там неподвижно.

Вчетвером “Doors” никогда больше не выступали.

По возвращении в Лос-Анджелес состояние Джима улучшилось, после того, как вернулась из Парижа и Памела. Ей было приятно узнать, что Джим в её отсутствие немного сошёл с ума, но она говорила друзьям, что и у неё не всё было гладко. Она говорила, что была рада вернуться на Нортон Авеню, даже при том, что Джим всё ещё оставался в “Chateau”. Как он говорил, ему нужно было место для деловых встреч. Памела знала, что довольно скоро Джим вернётся и в её постель, и за её стол.

Когда за несколько дней до Рождества Джим явился в офис “Doors”, Кэти Лишьяндро, жена Фрэнка и секретарь “Doors”, сказала, что на столе его ждёт записка.

Записка и в самом деле была. “Я в городе, – прочитал он. – Позвони мне. Патриция”. Записка была приколота к столу ножом.

Джим не видел Патрицию Кеннели после Майами, и не приехал поддержать её, когда она делала аборт. Она оставила номер телефона Дайаны Гардинер, бывшей журналистки “Doors”. Джим узнал этот номер, потому что Памела жила этажом выше Дайаны и, не имея собственного телефона, пользовалась телефоном Дайаны. Патриция остановилась у Дайаны.

Джим позвонил через полчаса. “Doors” решили записывать альбом в репетиционной комнате под офисом, и Джим пригласил Патрицию на запись. Она отказалась, заметив, что запись ей скучна, а почему бы ему не зайти к ней? Он сказал, что придёт, но не пришёл.

Через четыре дня, на Рождество, Патриция сняла трубку телефона Дайаны, звонили Памеле. Патриция решила подняться к Памеле. Она достаточно долго избегала конфронтации. Патриция мельком видела Памелу на вечеринке в гостинице “Hilton” в Нью-Йорке, и после того, как Памела поговорила по телефону, у них начался свой разговор. Памела была уже очень под кайфом, так что Патриция курила за компанию довольномного травы, используя полдюжины наркотиков. Они пили вино и говорили около трёх часов. Не возникало болезненных ощущений, и не было противостояния. Памела сказала Патриции, что они с Джимом не были в действительности женаты – это она редко себе позволяла, разве что близким друзьям, называя себя миссис Моррисон, даже когда звонила в офис “Doors”. Патриция рассказала Памеле про аборт, но не упомянула о колдовской свадьбе.

О, здорово, – сказала Памела, – это замечательно. – Она сделала паузу. – Но было бы даже ещё замечательнее, если бы ты любила

Джима достаточно, чтобы иметь ребёнка.

Патриция отрезала:

Я предпочитаю думать, что я любила Джима, себя и этого ребёнка достаточно для того, чтобы не иметь его.

Да, но если бы у тебя был ребёнок, ты могла бы уехать и жить в деревне. Конечно, Джим никогда не стал бы посылать тебе никаких денег, потому что в этом случае он…

Послышался лай Сэйдж, собаки Памелы. Джим возвращался с прогулки. Патриция вытянулась, а Памела смертельно побледнела, рванувшись наружу, чтобы встретить его со словами:

Джим, Джим, не ходи туда. Не ходи туда. Это только Дайана…

Джим смеялся, поднимаясь по лестнице в квартиру Памелы. Сама Памела вернулась в квартиру Дайаны и безумными глазами взглянула на Патрицию:

Что мне делать? Джим меня убьёт. Он знает, что я была здесь и говорила с тобой, он знает, что это была ты.

Затем она отправилась наверх вслед за Джимом.

Джим спустился вниз один и обратился к Патриции с обаянием и благосклонностью, налив ей вина, говорил с чувством и кивал, извиняясь, когда она заметила ему, что в Майами он заставлял её чувствовать себя как группи. Он сказал ей, что это было просто неудачное время, из-за суда и всего остального.

Но ты одна из всех это поймёшь, – сказал он. – Ты была там…

К тому времени, когда вернулась Памела, в комнате было полно людей. Дайана привела с собой гостей. Джим и Патриция сидели на полу, сильно пьяные, шумно играя в карточную игру “War”. Джим раздал и Памеле, и обыграл их обеих двадцать раз подряд.

Через некоторое время Памела попыталась забрать Джима с собой наверх. Он сказал “нет” и остался там, где был. Конфликт привёл всех в замешательство. В конце концов Дайана дала Памеле немного амилнитрата и отвела её наверх с полудружеской - полуюношеской опекой.

Позже, когда все остальные отправились спать, Джим просил Патрицию поехать с ним в “Chateau”. Потом он передумал, сказал, что слишком пьян, чтобы вести машину, что он снова любит её, и предложил спать на полу. Патриция пожала плечами. Они нашли какое-то одеяло, завернулись в него и уснули посреди комнаты.

В десять утра Памела спустилась вниз и постучала в дверь Дайаны. Дайана вышла из своей спальни, приоткрыла дверь и сказала Памеле: “Я не собираюсь отрицать, что он здесь”.

Памела вошла внутрь и встала над Джимом и Патрицией, которые всё ещё спали, обнажённые, под одеялом Дайаны. Это выглядело как французский фарс – так нелепо, так противно и так смешно одновременно, что никто не знал, то ли смеяться, то ли плакать, то ли кусаться и рычать.

Я могу сказать тебе только одно, – нараспев произнесла Памела, – и я скажу это перед всеми этими людьми: Джим, чёрт тебя побери, ты испортил мне Рождество. Ты портишь мне его каждый год. Это уже четвёртый год, как ты это делаешь. Я просто не могу больше это терпеть!

Джим усмехнулся; Патриция, которая сразу поняла, что этот момент – одна из высших точек её жизни, прикусила губу, чтобы не рассмеяться, и попыталась быть тактичной.

Памела, это не то, на что это похоже, я тебе обещаю…

Теперь перебила Дайана.

Памела, что тебе нужно, так это несколько витаминных таблеток и апельсиновый сок. Пойдём со мной на кухню.

Памела покорно последовала за ней, и Джим стал натягивать штаны.

О Господи, – проворчал он, – я никогда не мечтал услышать конец этого…

О, пожалей меня, Джим, – сказала Патриция, смеясь над ним. – Ты хотел, чтобы это случилось. Чья была идея остаться здесь?

Да, да. Ты права – как обычно.

Когда Памела и Дайана вернулись с вином, они все вместе сели, скрестив ноги, и снова напились.

Не переживай из-за этого, – сказал, наконец, Джим Памеле, обняв её за талию. – Это всё семейное.

В итоге преданность и терпение Памелы склонили его на её сторону, и большинство ночей в январе и феврале 1971-го года Джим провёл в постели Корсон. Казалось, он наконец-то стал получать удовольствие от домашнего спокойствия.

Той зимой он работал одновременно над четырьмя большими проектами в четырёх интересовавших его жанрах искусства: поэзии, кино, музыке и театре. Во всех четырёх проектах Джим был не только автором, но и исполнителем. Макс Финк вёл переговоры с “Elektra” о небольшом авансе на запись альбома со стихами. Возобновились встречи с Ларри Маркусом, сценаристом, который хотел теперь видеть Джима на киносъёмках в Италии. Он встречался также и со своим другом, “Филармоническим Фредом” Майроу, обсуждая спектакль, в

котором Джим должен был играть вьетнамского военнопленного.

Наиболее успешным проектом был новый альбом “Doors”, который записывался у них в офисе в репетиционной комнате, обозначенной как “Мастерская “Doors””. Они делали этот альбом сами, с помощью своего давнего звукорежиссёра Брюса Ботника.

Наконец-то, – говорил всем Джим, – я записываю блюзовый альбом.

Это была правда. Вернулись песчаные, грубые “Doors”, с их брехтианской остротой и кошмарной карнавальностью ранних “Doors” времён их работы в “Whiskey”.

Группа борцов с наркотиками из общества “Сделай Это Сейчас” всю свою энергию направляла на замедление, если не на прекращение тревожащего роста злоупотреблений наркотиками (амфетаминами) в Америке. Для выполнения этой задачи они привлекали различных молодёжных лидеров, которые давали согласие публично выступить в радиопередачах из серии “Амфетамин убивает”, в том числе Фрэнка Заппу и некоторых других “именитых” рокеров. Джим несколько месяцев не обращал внимания на просьбы этого Общества, покаоднажды, отвечая в офисе “Doors” на телефонный звонок, он не узнал, что в этот день согласился записать своё выступление против наркотиков. Присутствовавшие при разговоре удивились, когда Джим дал своё согласие.

Ну, а почему нет? Амфетамин – как червь в ваших ушах. Я знаю эту цацу, которая считает, что может разговаривать с вами без голоса – я не хочу, чтобы мои фаны слушали мою музыку и воспринимали её обесцвеченными и отравленными мозгами.

Было, однако, понятно, что Джим никогда не позволил бы использовать себя, чтобы влиять на своих почитателей – любым образом, в любое время и по любым причинам. Почему вдруг такой неожиданный поворот?

Я подумал – ты говорил, что хотел бы, чтобы твои фаны думали своей головой, Джим? спросил Денни Салливан. Денни всё ещё занимался фанатской почтой Джима, и стал поистине фиксатуаром в офисе. Джим раньше говорил Денни о вреде сильных наркотиков.

Да, чёрт возьми, но из-за этого дерьма они не могут думать. Это всё жуткий яд. Кроме того, кто назначил тебя распорядителем моих дел? – Джим шутил, но он одновременно был и серьёзен. Амфетамин был большим злом, и он это знал.

Когда, наконец, приехал представитель “Сделай Это Сейчас” с магнитофоном, чтобы сделать 60-секундную запись, Джим сел за стол

и любезно предложил ему место напротив, в углу. Репортёру явно хотелось понравиться.

Итак, мы хотим, чтобы ты сказал так, – начал репортёр, волнуясь. – “Это Джим Моррисон из “Doors””, а потом просто… м-м-м, своими словами скажи им, что амфетамин убивает.

Джим немного подумал и согласился.

Ну хорошо, он стоит на начале? Проверь, проверь… Ты лучше перемотай его назад, убедись, что он работает. Мне бы не хотелось всё это сделать, а потом обнаружить, уже слишком поздно, что ты упустил свой единственный шанс.

Магнитофон перемотали, проверили и снова перемотали на начало.

Готов, Джим?

Готов.

– Ну, теперь поехали.

Джим немного подумал и начал говорить.

Привет, ваши задницы высунулись наружу, слушая радио, вместо того, чтобы заниматься домашними делами, это Джим Моррисон из “Doors”…

Представитель “Сделай Это Сейчас” остановил магнитофон. Джим подмигнул Денни.

Что ты делаешь? – спросил он репортёра. – Я ещё не закончил!

Пожалуйста, Джим, мы сможем уложиться в минуту, если ты будешь говорить проще. Помни, что это запись публичного выступления.

Джим внимательно его выслушал и кивнул.

Кажется, понял. Я могу попробовать ещё?

Магнитофон снова включили на запись.

Эй, как поживаете? Это ваш старый приятель Джим Моррисон, я пою в группе, которая называется “Doors”, вы, должно быть, её слышали. Мы сделали несколько песен, но я никогда не написал ни одной песни под амфетамином, вот чертовски пьяным – это да-а-а…

Рассерженный представитель сказал Джиму:

Пожалуйста, ты должен понять, что нам нужно. Фрэнк Заппа шутил. Ты тоже можешь шутить, но ты должен и быть серьёзным.

Джим, казалось, понимал его.

Хорошо, так. Включай технику. На сей раз всё получится. Я обещаю. Привет, это Джим Моррисон из “Doors”. Я только хочу вам сказать, что вкалывание амфетамина вредно, поэтому нюхайте его.

Магнитофон был выключен, а репортёр сидел неподвижно. В

комнате была полная тишина.

В чём дело? Всё нормально?

Репортёр только покачал головой. Джим встал и положил руку ему на плечо.

Эй, парень, мне очень жаль, давай, перемотай его назад. Мне действительно жаль. Я сделаю всё проще, для тебя. Честно.

Репортёр взглянул на Джима.

Ты обещаешь?

Джим был серьёзен.

Обещаю.

Магнитофон перемотали и включили на запись.

– Привет, это Джим Моррисон. Не колите амфетамин. О Господи, ребята, курите траву.

Репортёр поднял глаза.

Я думаю, мы приблизимся к цели, Джим, если ты заменишь последние несколько слов.

Я точно знаю, что ты имеешь в виду, – уверил его Джим. – Ещё раз, давай.

На этот раз Джим формально представился, предупреждая, что вкалывание амфетамина “не такое горе, вкалывание амфетамина убивает идиотов, если вы вколете идиоту целую ампулу амфетамина, этот идиот навсегда съедет с катушек”.

Человек из “Сделай Это Сейчас” окончательно потерял терпение и был почти в слезах. Джим упрашивал его:

Давай, парень. Мне жаль, я просто шутил, ты знаешь, на этот раз мы всё сделаем правильно, я обещаю.

Я не знаю, Джим, – репортёр покачал головой. – Я не могу просидеть здесь весь день.

Один последний раз, – настаивал Джим.

Хорошо, но если ты и на сей раз не сделаешь всё правильно, то всё.

Извини. Это будет идеальный дубль – ты знаешь, что такое идеальный дубль?

Джим бережно держал в руке микрофон. Он сделал паузу и начал:

Привет, это Джим Моррисон из “Doors”, я хочу вам кое-что сказать. – Джим улыбнулся репортёру, который с надеждой улыбнулся в ответ. – Не колите амфетамин. Амфетамин убивает. Пожалуйста, не колите амфетамин, попробуйте транквилизаторы, да, транквилизаторы, барбитураты, транквилизаторы, барбитураты, они гораздо дешевле,

и…

Магнитофон всё ещё крутил плёнку, но репортёр уже дошёл до ручки. Он встал, надел пиджак и, схватив магнитофон, вышел из офиса. Комната взорвалась от смеха. Джим записал своё выступление таким образом, что его невозможно было отредактировать.

Что с ним случилось? – спросил Джим. – Я слышал, Элис Купер сказал, что, если бы ему попался кто -нибудь, кто колет амфетамин, он повесил бы этого слабака. Я не сказал ничего подобного.

Общество “Сделай Это Сейчас” так никогда и не смогло сделать запись выступления Джима Моррисона против наркотиков.

Джим целую вечность не появлялся в местной прессе. Даже больше – с тех пор, как дал местным журналистам согласие на эксклюзив.

Джиму нравилась “Los Angeles Free Press” своей непринадлежностью к истэблишменту, и ещё потому, что, как он считал, она была “частью жизни каждого” – он посвятил музыкальному обозревателю газеты Бобу Корушу достаточно времени, чтобы тот сумел взять хорошее интервью, а сам он ещё раз продемонстрировал свои интеллектуальные способности. Когда его спросили о мятежности ранних концертов “Doors”, Джим сказал, что рок-концерты тогда были формой “человеческого столпотворения, передающего неудобства давки”, большего, чем в среде насекомых и подобных видов животных. “Я ещё не до конца в этом разобрался, убеждённо говорил он, – но, я думаю, что-то из этой области”. Некоторые из его ответов были афористичны: “Я думаю, что в искусстве, и особенно в кино, люди пытаются утвердить своё собственное существование”, и о Чарли Мэнсоне: суд был “для общества способом показать ужасное событие ”.

Тема выпивки всплыла случайно, когда Джим сказал, что он пропустил много хорошей музыки с тех пор, как его и Бэйба выкинули из “Troubadour”. Журналист задал вопрос. Джим сделал паузу, поднял голову, подкручивая кончиками пальцев свои пышные усы.

Я пережил время, когда много пил, – наконец сказал он. – У меня было много неприятностей, и я не мог справиться с их давлением. – Джим снова сделал паузу. – Я думаю также, что пьянство – это способ выдержать существование в толчее окружающего мира, а ещё это продукт скуки. Я знаю, что часто люди пьют от скуки. Но я получаю от этого удовольствие. Выпивка делает людей менее застенчивыми и порой способствует хорошему разговору. И это…, я не знаю, это как авантюра какая-то. Понимаешь? Ты всю ночь пьёшь и незнаешь, что

будет с тобой к концу следующего дня. Это может быть к лучшему, а может оказаться гибельным. Это как игра в кости. Все курят траву. Я думаю, ты не считаешь это больше наркотиком? Но три года назад была волна галлюциногенов. Я не думаю, что кто-то в состоянии всю жизнь выдерживать подобные эксперименты. Затем ты привыкаешь к наркотикам, один из которых – алкоголь. Вместо того, чтобы думать, ты пытаешься убить мысль – алкоголем… героином и транквилизаторами. Они убивают боль. Я думаю, это то, к чему привыкают люди.

Джим говорил как человек, наблюдавший американское общество начала 1970-х, но он должен был говорить также за себя и за Памелу. До сих пор она держала в тайне от него то, что периодически употребляла героин, но он знал – то, что она называла “транквилизаторным капризом ”, было примерно тем, что он называл алкоголизмом. Хотя “Free Press” он сказал, что уже перестал сильно пить, его знакомых поражало количество употребляемого им алкоголя.

Разговор о пьянстве Джим закончил даже ещё более небрежно, чем начал.

Мне нравится алкоголь, – сказал он, – потому что он традиционен, а, кроме того, я ненавижу глубокие последствия. Понимаешь? Я терпеть не могу этот грязный сексуальный инстинкт у людей под действием наркотиков, поэтому я никогда этого не делал. Вот почему мне нравится алкоголь. Я могу спуститься в любой магазин на углу, это прямо через дорогу.

В самом деле, все дела шли так хорошо, что Джим больше не пил от скуки. Как в юности, он пил до одури. Он пил, чтобы напиться пьяным.

Однажды он явился в магазин к Памеле, горланя что есть мочи “Человека чёрного хода”, в компании двух собутыльников, с которыми он только что познакомился, взглянул на Денни, который помогал в магазине Джуди, сестре Памелы.

Продай молодым людям что-нибудь из одежды, – невнятно произнёс он и повернулся к покупателям. – Что бы вы хотели? У нас много прекрасных тканей и несколько превосходных готовых изделий, разработанных нашей собственной фабрикой пигмеев в Швейцарии. Можете быть уверены, что их умелые руки и зоркие глаза создают великолепную продукцию.

Вдруг он рухнул на стул, голова свесилась на грудь. Голос превратился в храп.

Когда Джим проснулся, пришли его друзья, и с ними старшая

сестра Денни. Денни представил её.

Это твоя сестра? – спросил Джим. – Ты никогда не говорил, что у тебя есть такая сестра. Урррр-а-а! Посмотрите на эти сиськи!

В этот момент в магазин вошла замужняя женщина лет пятидесяти, с хорошей фигурой. Решив, что замечание Джима относилось к ней, она бросилась на него со своей дамской сумочкой и стала гонять его вокруг прилавка с ювелирными изделиями, и отстала от него только после того, как дала ему две или три затрещины.

О Господи, – вздохнул Джим после инцидента. – У меня не было подобной тренировки с тех пор, как отец гонял меня бейсбольной битой по кухне.

В другой раз Джим завалился в магазин, врезался в одежную вешалку, повалил её и сам рухнул на рубашки. В этот раз здесь оказалась Памела и, конечно, она разозлилась:

О Господи Иисусе, чёрт, Христе! Он пьян! Чёрт тебя побери, Джим Моррисон, сукин ты сын!

Пьян? – сказал Джим, медленно поднимаясь и невинно улыбаясь. – Нет, мадам. Я споткнулся. Это было случайно.

Затем в магазин зашёл Бэйб и увёл Джима пьянствовать в “Palms”.

Той же ночью в “Chateau Marmont” Джим проделал акт Тарзана. Он залез на крышу и попытался влезть в окно своей комнаты с водосточной трубы. “Единственное, почему он не разбился, – говорит Бэйб, – он упал на крышу сарая, который примыкал к задней стене его коттеджа. Это нужно было видеть, парень”.

Джим пил всё подряд: джин – виски вчера, виски и напоследок стакан пива сегодня, “Black Russians” завтра, “Singapore Slings” или какой-нибудь другой тропический фруктовый напиток, когда бывал голоден. Только результат был один и тот же: полное опьянение.

Здоровье у него было не в порядке. От случайных сигарет, подаренных ему на концерте, он доходил до трёх пачек “Marlboro” в день. У него был резкий кашель. Однажды, как он рассказывал Робби, кашель с кровью.

Его голос ещё сохранял свою грубоватую хриплую сексуальность, но был непоправимо испорчен. Джек Холзман, услышав первые рабочие записи “Лос-Анджелесской Женщины”, подумал: ”Я слушаю последний альбом Джима-вокалиста”.

Он пил, и весил 80 кг – на 18 кг больше, чем в то время, когда первые рекламные фотографии подчёркивали его гибкое тело. Ел он плохо, поглощая большое количество калорий с алкоголем. Теперь у

него было обрюзгшее тело пьяницы.

В декабре бросил пить Майкл МакКлюр, и он написал об этом Джиму, предложив ему попробовать сделать то же самое. Джим так и не ответил. Когда он пригласил на ланч Майкла и его помощницу Сильвию Романо, Сильвия объяснила правила игры:

Я думаю, – сказала она, – мы все согласимся с тем, что, независимо от того, сколько нам лет на самом деле, внутри, глубоко внутри, мы чувствуем определённый возраст и думаем, что все люди видят нас именно такими.

Майкл сказал, что он никогда не был старше одиннадцати.

Сильвия призналась, что в душе она всегда считала себя девятнадцатилетней.

Джим, которому всего несколько недель назад исполнилось двадцать семь, мрачно заметил, что он чувствовал себя на сорок семь.

На первой неделе января 1971-го года Джим как-то сидел у себя за столом, читая “Rolling Stone”. Он с удивлением обнаружил, что одному из ведущих критиков журнала понравился последний альбом “Doors”, “13”.

Этажом ниже остальные “Doors” продолжали запись. Вместе с ними в студии находились также басист Элвиса Пресли Джерри Шефф и ритм-гитарист Марк Бенно. Джим убивал время, ожидая сигнала, что всё готово для записи вокала. В качестве вокальной будки он собиралсяиспользовать крошечную ванную комнату. На большинстве песен Джим пел живьём вместе с остальными. Всё шло легко. Через десять дней всё уже было положено на плёнку, и только в двух из девяти песен (десятой была “Л’Америка”, записанная несколько месяцев назад для “Забриски Пойнт”) вокал Джима накладывали отдельным дублем.

Материал был хорош и разнообразен, предоставляя всем членам группы равную возможность проявить себя. Джим решил спеть один из блюзов Джона Ли Хукера, песню из раннего репертуара “Doors” “Ползущая королевская змея”. В другом – новом – блюзе “Машины шипят мимо моего окна” Робби ввёл характерную гитарную линию в стиле Джимми Рида, а Джим заимствовал вокал из чёрных блюзов, и в конце песни создал голосом вполне приличное впечатление блюзовой гитары. Странное чувство юмора Рэя проявилось в середине “Гиацинтового дома”. После того, как Джим спел абсурдную строчку “Я вижу, в ванной комнате светло”, Рэй сыграл мелодическую фразу из Шопена, известную как “До конца времени ”. “Едущие в грозу” получились песней чистой и яркой, мрачной и полной надежды. “

Люби её безумно”, песня Робби, которая выйдет на их первом сингле ровно через год, оказалась праздничной и карнавальной, напоминающей более ранних, более неопытных, но и чрезвычайно коммерческих “Doors”.

Стихи Джима снова стали лучше, особенно в длинных песнях – “Лос-Анджелесской Женщине ”, “Едущих в грозу” и в долго писавшейся “The Wasp”:

Негры в лесу,
С ярко раскрашенными перьями;
Говорят:
“ Забудь ночь.
Живи с нами в лесах
Лазурных. Вне
Этого места
Нет звёзд; вне
Этого места
Мы окаменели – незапятнанные”.

И потом, в той же песне: “Я скажу тебе это: нет такой награды, что восполнит нам потерю рассвета ”.

Каждая из этих песен показывала всё возрастающее желание Джима сбежать, исчезнуть.

Джим заявлял, что Mr. Mojo Rising’ в “Лос-Анджелесской Женщине” был не только анаграммой его имени, но и именем, которое он будет использовать для контактов с офисом после того, как “уедет в Африку”. Никто не воспринял это всерьёз.

“ Так долго был в депрессии” имело своим заглавием и припевом: “так чертовски долго был в депрессии, / Что это казалось мне весельем” из книги Ричарда Фаринья с примерно таким же заголовком и содержало в себе немного мужского шовинизма:

Я сказал: Baby, baby, baby,
Не падёшь ли ты на колени?
Давай, милая малышка,
Давай, отдай мне свою любовь.

Это же самое мужское превосходство появилось и в песне Джона Ли Хукера:

Давай, ползи,
Давай, ползи,
Выйди отсюда на четвереньках, baby,
Ползай по мне всюду.

По настоянию Денни Джим своим крупным, как у ребёнка,

неразборчивым почерком составил для Дэйва Марша из “Cream” описание альбома, а затем коснулся и автобиографических моментов. Он назвал альбом своим видением Лос-Анджелеса как микрокосма Америки. Он сказал Дэйву, что изначально приехал в Лос-Анджелес снимать фильмы и случайно оказался в музыке. Он описывал многие из своих проектов, было и длинное эссе о процессе в Майами. Своё письмо он закончил так:

Я не сумасшедший. Меня интересует свобода.

Удачи, Дж. Моррисон.

Одинокая полноватая фигура в мятом потрёпанном пиджаке и джинсах с большой головой и бородатым лицом медленно двигалась по голливудским улицам. День за днём Джим гулял, рассматривая оштукатуренную страну чудес будто в последний раз, возвращаясь всё время в квартиру на Нортон Авеню. Большинство ночей и много дней в январе и в первой половине февраля было проведено “дома” с Памелой – Джим читал, Памела придумывала модели одежды для “Themis”. Иногда Джим садился на пол и начинал выть вместе с их собакой.

М-м-м-м-м-м-а, х-м-м-м-м-м-м.

Сэйдж отвечал в полной гармонии:

М-м-м-м-м-м-м-м-м-м-м-м.

Джим повторял, и Сэйдж снова брал нужную ноту.

К ним присоединялась Памела, и Джим жаловался, что она нарушала гармонию. Иногда они спускались вниз к Дайане Гардинер и говорили с ней о поездке во Францию. Они решили.

Они действительно решили это осуществить – пожить, как изгнанники, в Париже месяцев шесть или больше. Памела была в восторге. Даже Джим казался успокоенным.

Отъезд Джима из Лос-Анджелеса был неизбежен и, возможно, поэтому он собирался в Париж. Последний альбом “Doors” был уже почти закончен, и больше ни им, ни “Elektra” он не был ничем обязан. Это было слишком резко, но он отчаянно хотел сменить направление, и пришёл к выводу, что слишком долго оставался в Калифорнии, с людьми и в местах, с которыми ему так долго было хорошо – хотя всё это останется главной силой в его жизни. У Джима не было настоящих врагов – ему приходилось бежать от своих друзей.

Париж был естественным выбором. Алан Роней постоянно говорил об этом городе и ежегодно его посещал. Фред Майроу тоже жил там и тоже рассказывал Джиму романтические истории. Важным

фактором была также и сохранившаяся любовь Джима к Рембо, Селину и Бодлеру. Кроме того, Париж был традиционным выбором американских писателей и влюблённых. “У него была своя идея по поводу Парижа, которая действительно казалась невероятной, – говорит журналист Салли Стивенсон, который видел его перед отъездом. – Он думал, что это было такое место, где он мог быть самим собой и где не было людей, преследующих его и превращающих его жизнь в цирк, загоняющих его в тот образ, которым он не был ”.

Его не задерживал ни один из работающих проектов. “HWY” то ли находил себе покупателей, то ли нет, но присутствие Джима в Лос-Анджелесе дела не меняло; с этим мог справиться Фрэнк. Решение обложки для книги его стихов можно было прислать по почте. Ларри Маркус, казалось, почти вздохнул с облегчением, когда Джим предложил приостановить работу на шесть месяцев; Маркус получил заказ на написание сценария для Артура Пенна. Альбом со стихами мог подождать, или же его могли закончить остальные “Doors” в его отсутствие, как они заканчивали без него другие альбомы.

В Париже Джим надеялся продуктивно творить, писать, и, думая об этом, он просил своих литературных агентов выяснить, заинтересуется ли кто-нибудь, по их мнению, импрессионистской автобиографией. Его просили положить кое-что на бумагу, хотя бы в форме письма к издателю.

Джим сказал Памеле, чтобы она как можно скорее ехала в Париж и искала там жильё.

Ну, Джим! Ты не можешь ехать в Париж, когда ты выглядишь как старик-горец.

Дайана Гардинер говорила о густой бороде Джима. Она, Памела и Джим пили вино в квартире Дайаны. Памела согласилась, что без столь мощной растительности Джим выглядел бы симпатичнее.

Нет, – сказал Джим, – я… я не хочу этого делать. Так я чувствую себя лучше. – Он, ссутулившись, сидел на стуле.

Ну, – сказала Дайана, – Памела так не думает, и если ты не доверяешь мнению Памелы, то чьему ты можешь доверять?

“ Он всё-таки залез на мой обеденный стол, – вспоминает сегодня Дайана, – Памела подрезала бороду и усы, и теперь он действительно отлично выглядел”.

В последние дни перед отъездом Памелы они посетили её родину, городок Вид, проехав в мерседесе восемьсот миль на север к родителям Памелы в Оранж, и там оставили Сэйджа. 14 февраля Джим

отвёз Памелу в аэропорт. На следующий день в холодном, дождливом Париже она остановилась в “Georges V Hotel”, в том самом отеле, который, по рассказам Джима, напоминал “бордель из красного плюша”.

Теперь ты можешь приехать, – сказала в телефонную трубку Дайана. – Она уехала.

Дайана говорила с Патрицией Кеннели, которая две недели назад приехала в Лос-Анджелес и мельком видела Джима. Теперь она остановилась у подруги. Дайана сказала, что Джим только и ждал отъезда Памелы, чтобы позвонить ей – почему бы ей не приехать и не встретиться с Джимом?

Ну, – сказала Дайана после того, как приехала Патриция и на стол поставили бутылку вина, наша дорогая подруга Грэйс Слик говорит, что ты получила больше, чем кто-либо. Только подумай о Джиме как о мужском воплощении Джастины.

Вскоре приехал Джим и поднялся в квартиру Памелы. Вся мебель была упакована, кроме тюфяка, битком набитого книжного шкафа, телевизора, маленького стеклянного столика и большого пурпурного кресла. Патриция выждала лишь несколько минут и постучала в дверь. Когда Джим открыл, она сказала:

У меня есть бутылка вина, которую я не могу открыть, и я подумала, что, может быть, ты…

Он обнял её, и она осталась на неделю.

Патриция вспоминает последний день. “Это был чистый ад. Всё началось в четыре часа в каком -то стриптиз-баре, где мы выпили так много текилы и пива, что каждую третью порцию бармен наливал бесплатно. Последняя, которую я ещё помню, была четырнадцатой. Затем мы поехали на запись с Джимом и ещё одной подругой, которая стала заигрывать с Джимом. Я была в бешенстве и сказала ей: “Меня не волнует, что будешь делать после того, как я уеду домой, но, по крайней мере, было бы вежливо этого дождаться””.

Джим, однако, привык к полигамии, а подруга была весьма соблазнительна, так что ему легко было поддаться. Они находились в “Poppy Studios”, где микшировали альбом “Doors”, и подруга была там вместе с ними. Через пять минут Джим ушёл. И ещё через пять минут Патриция нашла их обнимающимися на уличном газоне.

Встать! – рявкнула Патриция, – стоя над ними.

Джим снизу вверх взглянул на неё, полусонно улыбаясь.

Ну! Встать! Оба! Встать!

Подруга потянулась и свалила Патрицию на землю. Несколько

мгновений три тела боролись и толкались. Наконец, Патриция взяла себя в руки и твёрдо сказала:

Позволь мне поговорить с Джимом наедине.

Подруга ушла, и Джим сказал:

Послушай, милая, ты знаешь, я слишком пьян, чтобы сегодня трахаться, просто позволь мне спать с ней.

Но, – сказала Патриция, – это мой последний вечер в Лос-Анджелесе. Завтра я уезжаю домой и, возможно, я никогда больше тебя не увижу.

Джима рассердило её собственничество.

Я не собирался провести с тобой ещё одну ночь.

Прекрасно. Но ты достаточная сволочь, чтобы не вздумать провести её с ней.

Вернувшись домой, Джим начал рыться в буфете и выдвижных ящиках на кухне. Девушки спросили, зачем.

О, – сказал Джим, – я ищу ножи и ножницы, а то вы кастрируете меня. Одна получит мой член, другая – моё тело.

Кто получит твою душу, Джим?

О, её я оставлю себе, если вы не против.

Девушки наблюдали, как Джим собрал все острые вещи, положил их под кушетку в комнате. Потом он лёг на неё и уснул.

“ Он казался восковым, страшно неподвижным, – вспоминает Патриция. – Он казался уже мёртвым, лёжа на кушетке, которая обрамляла его как гроб. Я знала, что никогда больше не увижу его живым”.

На следующий день Патриция вернулась в Нью-Йорк, а после восьми месяцев пребывания в Лондоне вернулся Том Бэйкер. С тех пор, как Джим и Том виделись в последний раз, прошло по меньшей мере столько времени. Теперь они встретились почти как братья, и к концу дня Джим стал опять так пьян и противен, что их выставили из какого-то клуба на бульваре Санта -Моника.

Пока Памела была в Париже, Джим играл роль беспечного холостяка. Он вернулся к проститутке, которую называл “Лос-Анджелесской женщиной”, чтобы несколько раз с нею попрощаться. Он стал бывать в новом клубе Маршалла Бревитца, в “Palms” и в “Phone Booth”, как правило, вместе с Томом, Бэйбом и Фрэнком.

Скорость увеличилась после того, как Джим встретил одну из своих старых подруг, сделавшую аборт (он просил, чтобы она оставила ребёнка, но она отказалась), и провёл следующие четыре ночи по одной ещё с четырьмя подругами; он также позвонил по всем

телефонным номерам, которые обнаружил, разбираясь на своём столе в офисе “Doors”.

3 марта “Elektra” устроила вечер по поводу открытия в Лос-Анджелесе своего расширенного офиса, и, появившись там чисто символически (“Я заплатил за вход и тоже могу поприсутствовать ”), Джим отправился к Фреду Майроу, где они пили и разговаривали, снова и снова обсуждая идеи своего спектакля.

Мы хотели выразить в определённой форме и запечатлеть, – вспоминает Фред, – переходный момент, когда мы все очень остро ощущаем себя в Лос-Анджелесе конца шестидесятых начала семидесятых. Как сказал Хаксли: “Между вечнозелёными и гаражами есть что-то тайное ”. Это было фатальное окружение. Лос-Анджелес – какое бы дерьмо он ни означал – это именно то, что мы собирались сделать темой нашего спектакля. Лос-Анджелес в мыслях военнопленного с порядком съехавшей крышей и достаточно развитой подкоркой, чтобы охватить сразу тайное и явное, очевидное и менее очевидное в этом городе, который не был городом. Основа спектакля была такова: как будто вы видите что-то хорошо знакомое, вернувшись после долгого отсутствия, будто вернувшись из смерти.

Они небрежно написали наброски спектакля, занявшие четыре страницы. Джим по-прежнему утверждал, что ему надо ехать в Париж.

Послушай, – сказал он в конце концов, когда Фред опять стал настаивать, чтобы Джим остался, – завтра я еду либо в Париж, либо в Каталину.

Джим и Бэйб на той же неделе уехали из дома в лодке “Doors”, совершив однодневный круиз вдоль берега в Палос Вердес. 4 марта с двумя девушками они поехали в Каталину. “Вся поездка была очень тяжёлая, – писал Бэйб в своём дневнике. – Ни наркотиков, ни алкоголя. Следующее утро было замечательное, ясное, а окна нашего гостиничного номера выходили на Авалонский залив. Мы отправились в “Big Mike’s” и отменно позавтракали яичницей, колбасой, ветчиной, сардинами, мясом с чесноком и зеленью, картошкой, красным перцем, холодной вырезкой, жареным хлебом и пивом! пивом! пивом!”

Джим провёл с Бэйбом и последующие дни, однажды он прекратил начавшуюся в бассейне драку, посетил боксёрский поединок Мухаммада Али-Джо Фрэзьера, а больше – гулял по венецианскому пляжу. На пляже они как-то зашли на пирс Санта-Моника, чтобы перекусить и, как писал Бэйб, “дурачились по всей галерее, а затем вернулись в город”.

На следующий день Джим уехал в Париж.

Глава 12

Памела впоследствии идиллически рассказывала историю их краткого пребывания в Париже. Удалось избавиться от давления, которое загоняло Джима всё дальше в тупик. Он почти перестал пить. Он писал множество новых, волнующих стихов, книгу о процессе в Майами (или автобиографию – она рассказывала по-разному), а кроме того, они слушали оперы, симфонии. Джим и Памела чувствовали себя будто молодожёнами, им было хорошо вместе, как никогда раньше.

Это – фантазия Памелы.

Одну историю она особенно любила рассказывать – об их путешествии в Марокко. “Однажды утром я проснулась и увидела в гостиничном бассейне симпатичного человека, разговаривавшего с двумя молодыми американцами.

Я сразу же влюбилась в него. Потом я поняла, что это Джим. Я не узнала его. Он рано встал, сбрил бороду и, потеряв много веса, он был такой худой – он казался другим человеком. Это было так здорово – опять влюбиться, заново, в человека, в которого я уже была влюблена”.

“ Дома” в Париже, иногда в “Georges V Hotel”, чаще – в трёхэтажном домике на Правом Берегу, было прежде всего спокойно. Основную массу времени они проводили в большой солнечной квартире в Ле Марес – старом известном жилом районе около площади Бастилии. Они взяли её в субаренду и платили 300 франков в месяц.

Эту квартиру снимала молодая французская фотомодель Элизабет (Зозо) Ларивьер и её друг, американский телепродюсер, но они собирались вскоре уехать – он возвращался в Америку, где у него была семья, она собиралась ехать на юг Франции, чтобы сниматься в кино – так что они предложили Памеле одну из двух свободных спален, сказав, что после их отъезда она и Джим смогут поселиться в квартире как минимум на два месяца.

Две недели, до 10 апреля, Зозо оставалась в квартире, наблюдая за этой странной парой, привыкающей к Парижу и заново приспосабливающейся друг к другу. Зозо их отношения казались странными. Когда бы она ни разговаривала с Памелой, Памела говорила только о Джиме и о том, какой он удивительный, “всё было Джи-и-им, Джи-и-им, Джи-и-им”. Но потом, когда Памела оставалась ночевать у кого-нибудь из своих французских друзей, например, у богатого графа, утром по телефону она умоляла Зозо солгать: “О,

пожалуйста, скажи Джи-и-иму, что я всю ночь была у твоей подруги и вернусь к двенадцати”. Она всегда использовала меня, чтобы сказать это "Джи-и-иму”.

Джим молча готовил завтрак для себя и Зозо, относил его ей в постель и оставался поболтать за едой. Иногда по утрам он отправлялся в самую маленькую из трёх спален в квартире, куда он передвинул маленький столик Зозо, сидел там и писал – или рылся в одной из картонных коробок с бумагами, записными книжками, плёнками, газетными вырезками, фотографиями, фанатской почтой, рукописями, которые он привёз с собой, рылся в реликвиях и пластинках своего прошлого, пытаясь точно определить, чего это стоит. В конце дня, когда начинало темнеть, он иногда переходил со своими записными книжками за обеденный стол. Иногда же по утрам он уходил и подолгу гулял в одиночестве.

Часами он бродил по парижским улицам, сначала по одной, потом по соседней – точно так же, как он делал это в Голливуде. Он отправлялся на север по своей улице – узкой, без деревьев улице Ботрейлис – в квартале жилых домов, мимо агентства новостей, книжного магазина, трёх маленьких ресторанов, клуба дзю-до, мужской парикмахерской; затем на запад по улице Св.Антуана, мимо мясного рынка под открытым небом с висящими кроликами, россыпью красной вишни, переполненными лотками с рыбой и креветками, цветной капустой размером с баскетбольный мяч; так он медленно приближался к одному из тысячи привлекательных и знаменитых мест в городе. Джиму особенно нравилось в Лувре – это было следствием его юношеской любви к искусству.

По утрам он также часто отправлялся на юг по улице Ботрейлис и всего через пять кварталов попадал в Иль Сент -Луи, который стал одним из его самых любимых районов во всём Париже. Это там, на Ке д’Анжу, он посетил гостиницу “Hotel de Lauzun”, ставшую когда-то местом встреч любимого Бодлером и Готье Гашишного клуба.

Там так здорово, – говорил он Зозо или Памеле, вернувшись домой. – Они выбросили светокопию после того, как сделали этот город.

Но вопреки фантазии Памелы Джим всё ещё пил – и сильно. С превеликим удовольствием он открыл для себя два наиболее распространённых во Франции типа баров: винные бистро и кафе на тротуаре. Ещё Голливуд, Хемингуэй, Фитцджеральд проявляли к Парижу дружелюбие иностранцев. Остановиться в бистро или кафе было не просто естественно, это было de rigueur; и совсем не для

богохульного тоста.

Своё богохульство Джим проявил однажды на первой неделе апреля в “Astroquet”, маленьком клубе на бульваре Сен-Жермен. Он получил своё название от французского слова “troquet” (кафе) и американского слова, обозначающего космическое пространство (вне земной атмосферы) “astro”; интерьер был выдержан в духе карикатуры на “Buck Rogers”.

Джим пил один, когда его внимание привлекли несколько молодых людей, которые вошли с гитарными чехлами. Через какое-то время он подошёл к их столику.

Ребята, вы американцы?

– Да. Ты откуда? – Его никто не узнал.

– Из Калифорнии.

Я тоже. Ты где учился?

Хм… в УКЛА.

Здорово, я тоже! А когда?

Джим немного подумал и сказал, что в 1964-м и 1965-м. Молодой американец снова сказал:

Здорово, я тоже! На каком факультете?

Хм, кинематография.

Молодой американец сделал паузу. Это была игра “Двадцать вопросов, или Чем я занимаюсь?”

Хм… хм… ты поёшь? С группой?

Джим согласился.

О, здорово, Господи, я в растерянности, я даже не…

Джим купил им спиртного, крепкого виски с пивом – то же самое, что пил он сам. Молодой человек представился.

Фил Трэйнер. Эти ребята – мои друзья, у нас группа “Clinic”, мы все американцы, мой отец работает здесь в американском посольстве.

Несколько часов они пили, а ближе к рассвету достали гитары, и Джим спел “Ползущую королевскую змею”. Он рассказал своим новым друзьям, что эта песня записана на новом альбоме, который на этой неделе выходит в Америке. Он постоянно курил, и его голос был тяжёлым и грубым. Между песнями они говорили о музыке и “звёздах”. Джим сказал им, что он взял отсюда всё, что мог взять. Они поразились, когда он сказал, что 250 раз употреблял кислоту. Ещёраз Джим произвёл на них впечатление, рассказав о ночи, когда он разгромил студию звукозаписи. Он сказал, что действительно любит остальных “Doors” и считает, что Робби Кригер никогда не удостаивался такого внимания, какого он заслуживал.

К рассвету ушли все, кроме Джима и Фила. Джим много курил и так глубоко затягивался, что у него начинался бронхиальный кашель. Фил тоже был певцом, и он говорит об этом так: “Казалось, Джим разрывал грудь и горло. Он курил с сигаретами такие сильные наркотики, Боже мой, парень, если бы мне пришлось описывать его образ того времени в моих глазах, то это глубокая затяжка, и потом – кх, кх, кх”.

Оба они были страшно пьяны; когда ранним утром они, шатаясь, вышли из клуба, Джим расстегнул штаны и стал мочиться. “Трахни испуганную курочку, – сказал Джим, – трахни испуганную курочку”. Потом, застегнувшись, он предложил поймать такси и поехать поискать Памелу. “Трахни испуганную курочку”.

Когда выяснилось, что Памела не вернулась домой в Марес, Джим знал, куда идти – к Лотену Картеру, женскому фотографу. Он позволил себе войти (он знал, где ключ) и обнаружил, что Памела спит с фотографом, после чего напал на запасы спиртного. Сначала водка. Потом ром. Потом всё подряд, прямо из бутылки, не запивая, не смешивая. Через час он отправилФила разбудить Памелу.

В ближайшем кафе Памела заказала Джиму на завтрак спагетти и стакан молока, чтобы наполнить его желудок. “Ты ведь не будешь больше пить, да, Джим?” Памела начала уговаривать его: “Джим?”

Джим сидел молча, глядя на оживлённый бульвар. “Трахни испуганную курочку”, – сказал он наконец.

Через несколько дней они наняли машину и отправились на юго-запад по французским винным районам – через Орлеан, Тур, Лимож и Тулузу, переехали через Андорру в Испанию, посетили в Мадриде Прадо, где Джим нашёл “Сад наслаждений” Иеронимуса Босха, авторскую работу мастера – с таинственным портретом, о котором думали, что это автопортрет самого Босха. Оттуда они поехали на юг в Гранаду, где наибольшее впечатление на Джима произвели Альхамбра, Муришский дворец, который считают наиболее значительным образцом сохранившихся по сей день остатков западной Мохаммеданской архитектуры: крепость с освещёнными солнцем арками и изысканными голубыми изразцами.

Джим и Памела жили хорошо, почти так же хорошо, как она потом хвасталась. Совместное времяпровождение в течение долгого времени в машине и в небольших гостиничных номерах вызывало мелкие ссоры, но раздражение возникало часто и по совершенно непостижимым поводам. Даже когда их на сотню долларов обманул англоговорящий араб, пообещавший им большую порцию хэша, ни

Джим, ни Памела сильно не расстроились.

Из Танжера они поехали вдоль атлантического побережья на юг в Касабланку, затем вглубь материка, в Марракеш. Они хорошо ели, пили местные вина и снимали всё на кинокамеру “Super-8”, которую купили перед отъездом из Парижа. Сдав машину, на первой неделе мая они прилетели обратно в Париж после трёхнедельного отсутствия.

Несколько дней их квартира была занята, и поэтому они переселились в “L’Hotel”, прекрасную гостиницу на Левом Берегу, двадцать пять шикарно обставленных номеров которой пользовались большим спросом у приезжих рок-звёзд, которых привлекало то, что однажды здесь останавливался Оскар Уайльд. Вскоре последовали рассказы ещё одного собутыльника Джима и падение из окна“L’Hotel”. Вероятно, он приземлился на крышу машины, один раз подскочил и, отряхиваясь, будто ничего не произошло, пошёл по улицам в поисках места, где можно выпить.

Жизнь на Левом Берегу, таким образом, возвращала Джима на бульвар Санта-Моника, где находились все знаменитые бары. “Cafe de Flore” и “Deux Magots”, где однажды пили Сартр и Камю. “La Coupole” с работами Пикассо, Кле, Модильяни, и ещё больше у колонн (“Art Deco heaven”), где однажды останавливались Скотт и Зельда. (Джим говорил, что тамошняя кухня напоминала кухню Рэтнера в нижней части Нью-Йорка – на Восточном Побережье). Для французской толпы “au courant” недавно были открыты самые хипповые “андеграундные” клубы “Le Bulle” и любимая Джимом серия подвальчиков под названием “Rock’n’Roll Circus”.

Шесть из восьми предыдущих месяцев “Circus” был парижским клубом подобно лосанджелесскому “Whiskey”: громкий, с хорошими группами и хорошей аппаратурой, со спиртными напитками, который посещали “низы шоу-бизнеса”. Но уважаемые “Led Zeppelin”, Ричи Хэйвенс и Джонни Уинтер играли здесь джем, так же, как и участники “Beach Boys”. К весне 1971-го года, однако, клуб стал местом торговли героином, которое часто посещали профессионалы “дна”: проститутки, воры, сутенёры. Диск-жокей, который в начале года крутил записи в клубе, а затем перешёл в “Le Bulle”, американский эмигрант по имени Камерон Вотсон, описывал “Circus” как “остывшую индейку на танцплощадке”. Джиму это, конечно, нравилось. От мнимой до реальной грязи. Для Джима это не всегда было шагом вниз.

В конце первой недели мая, в пятницу 7-го числа, Джим был в “Circus” – пьяный, агрессивный, яростный, он бросался подушками и ломал мебель. Его, очевидно, не узнали схватили и выставили за дверь.

Молодой французский студент по имени Жиль Йепремьян увидел Джима, когда тот пытался перекричать клубного вышибалу.

Не-е-егр-р-р…

Джиму надоело кричать, и он пошёл ловить такси. Машина уехала. Он подошёл к другой машине, но ему снова отказали. Он снова начал кричать. Жилю, который почти не понимает по -английски, показалось, что Джим кричал “Я хочу мяса! Я хочу мяса!”

Жиль узнал Джима и подошёл к ещё одному такси, уговаривая взять их. Но как только машина переехала Сену, Джим заставил их выпустить его. Ему захотелось искупаться. В предрассветном тумане прогуливались двое полицейских, их накидки и шляпы выглядели до боли знакомым силуэтом.

Ё… свиньи! – плюнул Джим. Затем он крикнул: – Ё… свиньи!

Полицейские продолжили свой обычный путь, не реагируя, а Жиль впихнул Джима в другое такси и отвёз его на квартиру своего друга, Эрве Мюллера, который жил в семнадцатом аррондисменте рядом с Этуалем. Таксист остался недоволен чаевыми, и Джим бросил ему пригоршню монет. Когда они одолели пять лестничных пролётов, Джим сказал: “Ш-ш-ш-шш… Пора бы остановиться”.

Приятная миниатюрная эмигрантка из Чехословакии по имени Ивонна Фука открыла дверь.

Да?

Я привёл тебе одного типа, которого встретил у “Rock’n’Roll Circus”, – сказал Жиль.

Ивонна мимо Жиля всматривалась в помятую фигуру, перевесившуюся через перила. В то время она была художественным редактором одного из ведущих французских журналов “Best”. Её друг Эрве, с которым она жила в этой большой однокомнатной квартире с кухней и ванной, был журналистом того же издания. Она узнала Джима и разрешила Жилю ввести его в квартиру.

Джим, шатаясь, вошёл в дверь, его голова слабо раскачивалась из стороны в сторону, ударяясь обо всё подряд, в поисках кровати. Над кроватью он опять покачнулся и упал. После этого он проспал почти до полудня, тогда все и познакомились.

В холодильнике было почти пусто, так что Джим предложил всем остальным быть его гостями в одном из известных ему ресторанов. Это был “Alexander” рядом с “Georges V Hotel”, с подходящей кухней. Джима узнали как постоянного посетителя, который всегда расплачивался и свободно давал чаевые, но сказали, что в ресторане не готовят завтрак. Может быть, они подождали бы ланч?

Ланч Джима начался с двух порций “Blood Mary”, а потом он заказал бутылку шотландского виски “Chivas Regal”. Через час он был пьян и оскорблял слух окружающих французских бизнесменов репликами на языке, который они, к счастью, не понимали:

Вы похожи на идиотов… Скажите мне, вы – motherfuckers? Вы – задницы?

Он пил вдвое больше других, – грустно говорит Эрве. – К концу ланча у нас осталось две бутылки коньяка, и мы спросили его, какую он хочет. И он просто схватил одну из них, сорвал крышку и поднёс горлышко ко рту. Потом он стал просить Ивонну найти ему девушку. “Ты не можешь найти мне курочку?” Через какое-то время он расплатился за всё кредитной карточкой. Нас было пятеро, и это обошлось в 700 франков.

Они направились к машине; Джим шёл, тяжело опираясь на Ивонну.

Ты должна увести меня отсюда, – настойчиво говорил он ей, – ты должна увести меня отсюда.

Всего через пятьдесят метров он сказал, что не может идти дальше, что ему нужно отдохнуть. Они посадили его на скамейку, и Эрве пошёл искать машину.

Джим пришёл в ярость, когда Эрве вопреки его воле втащил его на пятый этаж. На пол-пути он упал и стал сопротивляться тому, чтобы его тащили выше.

Оставьте меня! – говорил он, сидя на какой-то лестничной клетке. Потом он замычал: – Вы motherfucking не-е-егр-р-р-ры!

В конце концов Ивонна и Эрве доставили его в свою квартиру и положили на кровать, где он сразу же уснул. Было три часа дня в субботу.

Эрве и Ивонна потом ещё раз встретились с Джимом. На этот раз он был с Памелой. Они обедали у Эрве и Ивонны и говорили о поэзии и кино. Джим сказал, что он привёз с собой во Францию копии “Праздника друзей” и “HWY” и хотел бы показать им. Он также подарил Эрве экземпляр “Американской молитвы”, и Эрве спросил, нельзя ли ему перевести её на французский. Ивонна сказала, что хотела бы сделать иллюстрации. Джим заинтересовался таким возможным сотрудничеством.

Чуть позже тем же вечером, выпив немного вина, Джим объяснял Ивонне, почему он в Париже.

Меня так тошнит от всего. Люди продолжают считать меня звездой рок-н-ролла, и я не хочу ничего с этим делать. Я не могу

больше это терпеть. Я был бы так рад, если бы люди меня не узнавали. Кто такой, по их мнению, Джим Моррисон, так или иначе?

На следующей неделе Джим и Памела уехали на Корсику. Сначала они улетели в Марсель, где Джим потерял свои водительские права, паспорт и бумажник, из-за чего им пришлось вернуться в Париж, чтобы получить дубликаты в американском посольстве. Потом они снова прилетели в Марсель и, наконец, в Аяччо – главный порт острова и его столицу, родину Наполеона. Корсика известна также огромным количеством рекрутов, которые обеспечивали мощь парижской полиции; своими высокими красными выступами скал, изящными деревушками у подножия гор, таких же пугающих, как и любая часть Скалистых гор или горной страны Французских Альп; заплаканными глазами рыбацких вдов в чёрных одеждах; нехваткой молодых людей; острым запахом корсиканского maquis – травы, которую ест скот и которая затем проявляется в мясе, сыре и молоке. Джим и Памела путешествовали по острову десять дней. Все дни, кроме одного, шёл дождь. Памела говорила, что это была идиллия.

“Doors” официально расстались с “Elektra”, отношения с которой длились 4 года и 10 месяцев. На той же неделе были выпущены последний альбом Джима “Лос-Анджелесская Женщина” и предпоследний сингл “Люби её безумно”, и тот, и другой стали быстро подниматься в чартах. Фотография на обложке “Лос-Анджелесской Женщины” изображала группу, уделяя при этом равное внимание каждому из её участников. Фактически, Джиму отказали в попытке сделать так, чтобы уделить ему меньше внимания, чем другим! Кроме того, поскольку никому не удалось уговорить Джима побриться, он в первый раз появился на обложке альбома с густой бородой и демонической, хитрой улыбкой на лице. Джим отыгрался за обложки “13” и “Absolutely Live”.

Критики были единодушны, расхваливая “Лос-Анджелесскую Женщину”. Это было продолжение реакции критики на “Morrison Hotel”. Сомневающиеся и критикующие были повержены – “Doors” определённо вернулись. Со временем альбом достигнет пятого места, а сингл – седьмого. Индустрия грамзаписи распространяла сведения о том, что “Doors” ведут переговоры с “Atlantic” и “Columbia Records” о беспрецедентной сумме денег. Джон, Рэй и Робби время от времени играли джем в репетиционной студии (пел Рэй), нарабатывая материал к предстоящему возвращению Джима.

Это было примерно в то время, когда Джим, который мало что знал, если вообще знал об этих успехах, позвонил в офис и сказал

Биллу Сиддонзу, что у него в голове снова крутится новая музыка, но он хочет отдохнуть ещё. В конце той же недели он позвонил Джону Денсмору и спросил его, как продвигаются записи. Когда Джон сказал, что альбом и сингл хорошо продаютсяи что прессе записи очень нравятся, Джим пришёл в восторг. “Если им нравится это, что же будет, когда они услышат то, что крутится у меня в голове для следующего диска”, – сказал он Джону.

Джим выглядел несколько более здоровым, чем обычно. Он был чисто выбрит, немного потерял в весе, а кроме того, изменился его гардероб. В его отсутствие Памела выбросила его привычные джинсы и видавший виды пиджак, толкая его в университетское прошлое. Теперь он носил рубашки с кнопками, штаны цвета хаки и свитер с V-образным вырезом. Остались лишь изношенные, почти сгнившие ботинки.

По возвращении с Корсики он нанял частного секретаря – высокую стройную блондинку из Канады, которая бегло говорила по-французски – Робин Вертль. Робин была хранителем документов, агентом и стилистом модного фотографа. По её воспоминаниям, они познакомились, когда фотограф на пару месяцев уехал из Парижа, “что освободило меня, так что я согласилась работать. Ни Джим, ни Памела не говорили по-французски, так что им было порой трудновато”.

По плану работа включала в себя “наблюдать за квартирой – от обеспечения прихода уборщицы до подготовки писем, звонков в Америку, покупки мебели, найма машинистки, попыток заключения Джимом договоров на показ одного из его фильмов”.

Джим, казалось, делал определённые сознательные шаги, чтобы разрешить старый конфликт двух демонов – звёздности и самости. Но шаги эти были медленными и трудными, и он, по возможности, старался об этом не думать.

11 июня Эрве с Ивонной пришли, чтобы вместе с Джимом и Памелой сходить на ”Взгляд глухого ” – пьесу почти без диалогов, большинство персонажей которой были глухонемыми. Когда Эрве и Ивонна пришли в квартиру на улице Ботрейлис, Джим сказал, что Памела не пойдёт – вместо неё он пригласил своего дорогого друга из Америки. Этим другом, который был сейчас у них в гостях, оказался Алан Роней.

Тем вечером Памела ушла с так называемыми minets – молодыми бисексуальными французскими денди, которые носили тёмные очки и белые парусиновые штаны и которые редко и снисходительно разговаривали по-английски. Памеле они нравились. Джим их

ненавидел и выражал Памеле своё недовольство тем, что она встречается с ними.

Время шло. Он часто виделся со своими старыми друзьями Агнессой Варда и Джеквисом Деми. Давно, ещё в 1968-м году, Джеквис пытался перешагнуть границы “Doors” и уговорить Джима оркестровать его первый американский фильм “Модельный магазин”. В то время он был преуспевающим режиссёром благодаря его удостоенным наградой “Шербурским зонтикам ”. Агнесса, его жена, называла себя бабушкой Новой Волны и однажды попыталась включить Джима в свой импрессионистский документальный фильм “Любовь Львов”.

Эти трое стали близкими друзьями, и Джим искренне полюбил Агнессу. Это была миниатюрная женщина, всего 158 см ростом, высокоинтеллектуальная, с сильным голосом и выраженной индивидуальностью. Она сильно симпатизировала рабочему классу, осторожно водила недорогой автомобиль и открыто восхищалась молодыми радикалами за их отказ от ценностей среднего класса.

Джим встретился также с Роури Флинн, очаровательной дочерью Эррола, которая была одной из первых группиз “Doors” ещё в “Whiskey” в 1966-м году. Теперь Роури была моделью. Они позавтракали без спиртного.

Приходил друг Памелы, встретивший её в “Cafe de Flore”. Потом, в квартире в Марес, Джим говорил этому другу, что ему предложили участвовать в киноверсии “Схвати Мою Душу” музыкальной адаптации “Отелло”, которая была поставлена в Лос-Анджелесе с Джерри Ли Льюисом в роли Яго. Он сказал, что кроме него в фильме будут участвовать Тина Тёрнер, Джо Фразир и Мелани. Он также сказал, что ему, вместе с Робертом Митчумом, предложили роль в аллегорическом рассказе аляскинского охотника на медведей “Почему мы во Вьетнаме?” Нормана Мейлера.

Я отказываюсь от пьесы, – сказал Джим, – и вряд ли буду участвовать в кино, потому что это отнимет слишком много времени, когда я мог бы писать.

Они обедали в “Le Coupole” и по дороге домой стали свидетелями студенческого бунта в районе Св.Мишеля. Такие бунты со швырянием камней происходили каждые выходные, как отголосок национальной забастовки и студенческих волнений 1968-го года. Несколько недель назад во время одного из них Джим и Памела были арестованы. Все согласились, что бунт им ужасно интересен, но решили не останавливаться и не смотреть.

Для журнала “Crawdaddy” подруга Пэм написала следующее:

Джим выглядел лучше, чем был недавно, определённо лучше, чем во время процесса в Майами. Он говорил о том, чтобы бросить пить, значительно потерял в весе, но французская пища брала своё, и он не вполне вернулся в образ любящей выпить, затянутой в кожу мрачной тени, бродившей по улицам Лос-Анджелеса как Король Ящериц.

Был первый день июля, в Париже было удушающе жарко. Джим погрузился в трясину страшного и ужасающего отчаяния. Он сильно пил, а теперь пытался бросить раз и навсегда. Он пытался писать, пытался справиться с наваливающейся депрессией и переплавить её во что-то творческое, но безуспешно. Ссутулившись, он сидел за обеденным столом, ожидая, что слова придут. То немногое, что он записывал, не дотягивало до уровня Моррисона, и он знал это. Раз-другой он вставал на несколько минут перед зеркалом, вглядываясь в свои собственные глаза, пытаясь найти ответ. Алан Роней никогда не видел его таким подавленным, Памела была напугана. Они пытались его отвлечь, но безрезультатно. Наконец, вечером в пятницу 2-го июля Алан предложил им втроём пообедать в кафе под открытым небом недалеко от квартиры Моррисона. Джим не стал обременять друзей своими условиями. Он оставался необычно спокойным, пока шум от приёма пищи заменял разговор.

После ужина Джим смог показать, что эмоционально держит себя в руках, послав телеграмму Джонатану Долджеру, своему редактору, по поводу бумажной обложки издания “The Lords и Новые творения ” в “Simon and Schuster”. Он хотел заменить фотографию “молодого льва” Джоэла Бродски на более романтичное фото Эдмунда Теске, где он был с бородой. Потом он отвёз Памелу домой и один отправился в кино, которое ему рекомендовал Алан (“Преследуемый” с Робертом Митчумом).

Куда поехал Джим после кино и ходил ли он вообще в кино – тема догадок. Рассказы друзей о том вечере сильно расходятся. Одни говорят, что он пришёл в “Rock’n’Roll Circus” в такой сильной депрессии, что купил героина и в клубном туалете принял смертельную дозу, а потом его вынесли через чёрный ход и дома положили в ванну. Другие говорят, что, покинув Алана и Памелу, он направился прямо в аэропорт, и его видели на борту самолёта. А может быть, он просто гулял всю ночь. Или же из кино он вернулся домой, вскоре пожаловался на плохое самочувствие и отправился принять ванну. Эта последняя версия получила наибольшее

распространение, но, что бы ни случилось вечером в пятницу, утром в понедельник 5 июля пошёл слух, что Джим умер.

В понедельник национальные газеты в Лондоне принялись звонить в английские офисы “Elektra Records”. Там никто не мог подтвердить, что Джим жив. Газеты сообщали о слухах, что его нашли мёртвым в парижской квартире. Откуда пошёл этот слух и был ли он правдой на сей раз? Клайв Селвуд, обращавшийся в английское представительство “Elektra”, позвонил и во французский офис. “Elektra France” вообще не знала, что Джим во Франции. Тогда Клайв позвонил в американское посольство и в парижскую полицию. Ни там, ни там не знали о смерти американца по имени Джим Моррисон.

Клайв решил забыть об этом, вероятно, сочтя, что это всего лишь ещё один ложный сигнал тревоги. Он почти убедил себя в этом, когда ему позвонили сразу из двух английских рокеженедельников, буквально один за другим. Клайв рассказал им то немногое, что было ему известно. Потом он решил позвонить в Лос-Анджелес Биллу Сиддонзу. Из-за разницы во времени он разбудил Билла.

Билл, – сказал он, – у меня нет никаких доказательств, но мы получили сведения, что Джим умер.

Билл почти рассмеялся:

О, да ну, Клайв!

Он сказал, что будет спать дальше. Но когда он не смог снова заснуть, то решил позвонить самому Джиму. Трубку взяла Памела, которая сказала Биллу, что ему лучше бы приехать прямо туда, как будто бы для этого Биллу нужно было всего лишь завернуть за угол. Памела не очень любила Билла, но она знала, что он позаботится обо всем. Билл позвонил в аэропорт, чтобы заказать билет на ближайший рейс. Потом он позвонил Рэю и разбудил его.

Послушай, Рэй, Джим, может быть, умер. Я не знаю, в самом ли деле это так на сей раз. Я только что разговаривал с Пэм, и она не сказала ни да, ни нет. Она хочет, чтобы я сейчас же приехал туда. Я хочу немедленно всё выяснить.

О Господи, – пробормотал Рэй. – Давай, лети туда и сразу же нам сообщи, как только чтонибудь узнаешь.

Билл пообещал Рэю, что он так и сделает, и попросил позвонить остальным, но при этом сказать им, что, возможно, это только ещё один ложный сигнал тревоги.

Я улетаю ближайшим рейсом, – сказал Сиддонз.

О, Билл, – добавил Рэй, – я не хочу, чтобы это звучало безнадёжно, но, пожалуйста, заверь меня…

– Заверить в чём, Рэй?

Я не знаю, просто заверь.

Сиддонз прибыл в Париж во вторник 6 июля. В квартире его встретила Памела, закрытый гроб и подписанное свидетельство о смерти. Похороны были организованы быстро и тайно. 7 июля Памела представила свидетельство о смерти в посольство США, определив Джима как Джеймса Дугласа Моррисона, поэта. Она сказала, что у него нет живых родственников. В качестве официальной причины смерти был записан сердечный приступ.

Сиддонз всё организовал, и в среду днём гроб был опущен в землю на “Pere La Chaise”, кладбище, которое ещё недавно Джим посещал, разыскивая могилы Эдит Пиаф, Оскара Уайльда, Бальзака, Бизе и Шопена. На похоронах присутствовали пятеро: Памела, Сиддонз, Алан Роней, Агнесса Варда и Робин Вертль. Они положили на могилу цветыи произнесли прощальные слова.

Билл помог Памеле упаковать вещи, и в четверг они вернулись в Лос-Анджелес, где Билл рассказал то немногое, что он знал. Памела, как говорят, была в шоке и отдыхала.

Спустя почти десятилетие всё ещё остаются вопросы: действительно ли умер Джим Моррисон? И как он умер?

Даже до того, как он умер – если считать, что он умер, – Джим был из тех немногих людей, слухи о смерти которых возникают часто. Когда Джим Моррисон был на пике своей славы, он “умирал” почти каждую неделю: как правило, в автокатастрофе, иногда – в результате падения с гостиничного балкона, где он красовался перед друзьями, иногда – от передозировки алкоголя, наркотиков или секса.

Как он умер? За эти годы появилось бесчисленное множество версий, некоторые из которых возникли просто от разочарования в такой его судьбе. Многие доказывали, приводя веские причины, что это совершенно в характере Джима – умереть так, как об этом говорил Билл Сиддонз – от сердечного приступа в ванной.

Официальная версия вторит ему: Пэм и Джим были в квартире одни (где-то после полуночи в субботу 3 июля 1971-го года), когда Джим начал кашлять с кровью. Это случалось с ним и раньше, и, хотя она и заволновалась, но не испугалась по-настоящему. Джим сказал, что с ним всё в порядке и что он хочет принять ванну. Памела снова заснула. В пять часов она проснулась, увидела, что Джим так и не вернулся в постель, пошла в ванную комнату и нашла его в ванне: руки лежали на фарфоровых бортиках, голова откинута назад, слипшиеся длинные мокрые волосы, на чисто выбритом лице –

мальчишеская улыбка. Сначала Памела подумала, что это он так мрачно разыгрывает её, но потом вызвала реаниматоров из пожарной охраны. За ними прибыли врач и полиция, – говорит Памела, – но всё было слишком поздно.

Одним из факторов, дающих много причин для изначального недоверия, было время. Билл выступил в прессе через целых шесть дней после того, как Джим умер, через два дня после похорон.

“ Я только что вернулся из Парижа, где присутствовал на похоронах Джима Моррисона, говорил Сиддонз в подготовленном заявлении для прессы (выпущенном одной из ЛосАнджелесских рекламных фирм). – Джим был похоронен просто, без пышных церемоний, в присутствии только нескольких близких друзей. Первоначально известия о его смерти и похоронах держались втайне, потому что те из нас, кто близко его знал и любил как человека, хотели избежать всей дурной славы и циркоподобной атмосферы, которая окружала смерти таких рок-звёзд, как Дженис Джоплин и Джими Хендрикс.

Я могу сказать, что Джим умер тихо и естественной смертью: с марта он был в Париже со своей женой Пэм. В Париже он посещал врача по поводу проблем с дыхательной системой, и он жаловался на эти проблемы в субботу, день своей смерти…”

В последующие дни Сиддонз не добавил никакой информации, потому что её не было.

Другим фактором, служащим большой причиной для недоверия, был тот факт, что Сиддонз никогда не видел тела. Всё, что он увидел в квартире Джима и Памелы, был закрытый гроб и свидетельство о смерти с подписью одного врача. Не было отчётов ни полиции, ни врача. Не было вскрытия. Всё, что у него было – это слова Памелы о том, что Джим умер.

Почему не было вскрытия? “Просто потому, что мы не хотели этого делать. Мы хотели оставить Джима одного. Он умер тихо и с достоинством”.

Кто был врач? Сиддонз не знал, Памела не помнила. Но подписи можно было подделать или купить.

Во всяком случае, это – официальная версия того, как умер Джим Моррисон. Все другие версии звучат более странно. И, может быть, более правдоподобно.

Парижане называют причиной его смерти героин. Джим был регулярным посетителем “Rock’n’Roll Circus”, французского ночного клуба, известного тогда места тусовки героинового подполья. Джиму

всегда нравилось вращаться среди дегенератов, он получал удовольствие от того, что несло в себе их общество. Он посещал skid row (Районы, где живут "отбросы общества".) в Лос-Анджелесе и иногда в Нью-Йорке. Он регулярно наведывался в “Circus”, тамошняя публика знала его. Однако, интерес Джима был здесь больше любопытством зрителя, чем участника. Он пил в skid row, но едва ли он колол в “Circus” наркотики. Кроме того, у него был старый и прочный страх – вводить иглу под кожу. Если в ту ночь он принял в Париже героин, то это было бы впервые, хотя, возможно, раньше он нюхал героин. Кроме того, Джима ведь нашли вванной – не это ли первое место, куда кладут жертву передозировки, чтобы попытаться её оживить? Разве некоторые из надписей на его могиле на “Pere La Chaise” – “Спасибо от наркоманов” и “Shootez” – не подтверждают предположения о том, что это была передозировка, а не сердечный приступ?

Если бы Джим принял сверхдозу, врач, вероятно, заметил бы следы от иглы. Однако, если он курил героин, то это можно было бы обнаружить, только взяв анализ крови. Без вскрытия мы этого никогда не узнаем. Возможно, это так. Смертельная доза вдыхаемого героина значительно уменьшается, когда он смешивается с алкоголем. То и другое вместе парализуют центральную нервную и дыхательную системы, приводя к быстрой и безболезненной смерти.

Среди друзей Джима бытует и множество других версий. Одни считают, что его убили, выбив ножом глаза (объясняя: “чтобы освободить его душу”). Другие предполагают, что его убила своим колдовством по международному телефонному разговору из Нью-Йорка отвергнутая любовница. Есть версии, согласно которым Джим стал жертвой политического заговора, имевшего целью дискредитацию и уничтожение хиппи (Новых Левых), стиля жизни контркультуры (фактически, здесь предполагают, что существовала гигантская, всепроникающая, связанная в единое целое серия заговоров, включавшая в себя выстрелы на Кент Стэйт и Джексон Стэйт, восстание в Айла Виста, бомбардировки в Витхермене, строгие приговоры к длительному заключению в отношении Тимоти Лири и чикагской восьмёрки, убийц Чарли Мэнсона – не говоря о смертях Хендрикса, Джоплин и более чем двух дюжин Чёрных Пантер). Джим, конечно, был достаточно популярен и, что ещё хуже, достаточно остроумен, чтобы побудить заинтересованные силы предпринять какие-либо действия для предотвращения его гибельного влияния. Конечно, власти относились кнему настороженно, а именно – ФБР

вело глубокое расследование его прошлого, последовавшее за арестом в Майами.

Другие, менее склонные к заговорам, полагают, что Джим принял сверхдозу кокаина, особенно любимого им наркотика, менее опасного, чем героин, даже когда его употребляют в огромных количествах. Говорят также, что Джим умер от “естественных причин”, но Памелы не было в квартире, когда он умер. Возможно, она уехала на выходные с графом и, вернувшись только в понедельник, обнаружила Джима мёртвым, что объясняет и задержку с объявлением о смерти. Некоторые просто пожимают плечами и говорят, что, не считая версий об убийстве, неважно, как именно он умер – принял ли сверхдозу чего-то, был ли у него сердечный приступ или же он просто напился до смерти (как очень многие предполагали с самого начала). Последняя версия говорит ещё о “суициде”. Так или иначе, Джим умер от самозлоупотребления, и выяснение того, как именно – всего лишь определение калибра мифического пистолета, который он разрядил в свою голову.

Наверняка правду о том, как умер Джим Моррисон, не знает никто. Если был когда-либо человек, который был готов, способен и хотел умереть, то это был Джим. Его тело состарилось, а душа устала.

С другой стороны, есть и те, кого не устраивает ни одна из этих версий. Джим Моррисон не умер, – говорят они. Эта идея не настолько уж притянута за уши, как это может показаться. Если был когда-либо человек, который был готов, хотел и мог исчезнуть, то это тоже был Джим. Это весьма соответствовало его непредсказуемому характеру – инсценировать свою собственную смерть, что означало бы – избавиться от жизни на публике. Он устал от имиджа, из которого он вырос, но который не мог искупить. Он добился признания как поэт только для того, чтобы подчеркнуть эти попытки своей привлекательностью в образе культурного героя. Ему нравилось петь, и он действительно любил тот талант, который воплощали собой “Doors”, но он также и отчаянно искал освобождения от давления, которое было следствием “звёздности”. Возможно, в выходные 3-4 июляон не сделал ничего больше, кроме как выпал из поля зрения, чтобы обрести покой, чтобы писать и чтобы стать анонимно свободным.

Конечно, семена такой мистификации были им посеяны: в Сан-Франциско ещё в начале 1967го года, когда у “Doors” ещё не было своего хита, Джим предложил выкинуть смертельный трюк, чтобы привлечь к группе общенациональное внимание. Был также и его

комментарий об имени Mr. Mojo Risin’: это имя для контактов с офисом после того, как он “уедет в Африку ”. Кроме того, обоим авторам этой книги он в разное время говорил, что вполне представляет себя круто сменившим карьеру и превратившимся в бизнесмена при костюме и галстуке. Стив Харрис, ассистент Джека Холзмана, ясно помнит, что после смерти Брайана Джонса Джим спрашивал его, что будет, если он вдруг умрёт? Джим хотел знать, как это отразится на бизнесе. Что скажет пресса? И кто в это поверит?

Эти зёрна были посеяны в его жизни даже раньше. Когда Джим изучал жизнь и поэзию Артюра Рембо, его поразил тот факт, что Рембо все свои стихи написал в возрасте 19 лет, а потом исчез в Северной Африке и стал контрабандистом оружия и работорговцем. С Мэри Фрэнсис Вербелоу Джим подолгу рассуждал о том, как Дисципль украл тело Христа из склепа, шутя о “Пасхальном Воровстве”, но относясь к этому совершенносерьёзно и логически.

Все самые близкие друзья Джима соглашаются (и некоторые настаивают), что это та самая выходка, которую мог бы проделать Джим…, а с помощью преданной Памелы он мог на самом деле – невероятно! – это осуществить.

Агнесса Варда и Алан Роней молчат. Робин Вертль и Эрве Мюллер клянутся, что не знают ничего особенного. Сиддонз знает только то, что он видел, и то, что рассказала ему Памела. А Памела унесла тайну с собой в могилу, когда умерла через три года после Джима.

Прошло уже десятилетие, но всё ещё нет вестей от Mr. Mojo Risin’.

Послесловие

Поэт Блэйк сказал: “Дорога излишеств ведёт во дворец мудрости”. Джим Моррисон понял это, и он был чрезмерен во всём. Каждый поэт достигает мудрости, если он действительно поэт, или же он никогда не достигает её, если он – только божественный дурак. Это одно и то же.

Другая пословица из творения “Свадьба Рая и Ада” Блэйка: “Благоразумие – богатая уродливая старая служанка, соблазнённая Неспособностью”. Джим не был благоразумен, и из этого следует, что он редко знал неспособность. Джим был метафорическим героем, который возбуждал нас своей энергией и смелостью. Он доверял своим чувствам в восприятии мира и изменял их алкоголем (посвящённым Дионисию, богу драмы и интоксикации), кислотой и

внутренним эликсиром его собственного возбуждения и изобилия. Джим был одной из ярчайших душ, которые я когда-либо знал, и одной из наиболее целостных – ведь все мы млекопитающие бытия, состоящие из мяса и нервов, вынужденных быть единым целым.

Джим был очарован опытом своих чувств и постоянно наслаждался изменениями в своей нервной системе. Когда он перестал быть затянутым в кожу певцом – секссимволом “Doors”, он стал замечательной развалиной, которая расцвела в толстого блюзового певца.

Что мне нравится в его биографии – Джим знал, что он поэт. Это было основой моей дружбы с ним и нашего братства. Авторы книги также показывают, что, несмотря на заработанные доллары, Джим не был материалистом, как многие другие художники рок-н-ролла. Модульность, которую любил Джим, – опыт и действие. Он хотел сверх-доказательства природы материи в золоте неудовлетворённого восхищения.

Мы с Джимом встречались в Лондоне, чтобы обсудить фильм по моей пьесе “Борода”. Джим встретил меня в аэропорту, и я рассказал ему об образе романтических поэтов, летящих на самолёте через ночное небо. Я показал ему новую поэму о Билли и Кид, и он спонтанно написал стихотворение для Джина Харлоу в моей записной книжке.

Мы совершили поэтическую экскурсию по городу – по узким местам Сохо и в музей Tate, а затем ночью при лунном свете с поэтом Кристофером Логом съездили посмотреть больницу, построенную на том месте, где когда-то жил Блэйк. Мы ненадолго стали завсегдатаями музыкальных клубов, “The Bag of Nails” и “Arethusa’s”, где мы видели Кристин Килер, кинозвёзд, стаканами пили “Courvoisier” и вели философские беседы с кинорежиссёрами.

В Лондоне я в первый раз прочёл стихи Джима. В ясном, похожем на мескалин свете похмелья я нашёл на кофейном столике в его квартире в Белгрэвии рукопись “Новых творений” и был взволнован тем, что читал.

Я не знаю лучшего поэта из поколения Джима. Мало кто из поэтов был такой общественной фигурой или развлекателем (возможно, Маяковский в России в двадцатые и тридцатые), и ни у кого не было такой быстрой и мощной карьеры.

Все слышали музыку “Doors” и знают официальную легенду, но Джим чувствовал, что, возможно, его стихи прочтут только потому, что он – рок-звезда. Он охранял свои стихи вдумчиво и заботливо,

работая над ними в тайне.

Когда я увидел в Лондоне рукопись его “Новых творений”, я предложил, чтобы Джим издал их для друзей за свой счёт, а потом, если захочет, отдал книгу коммерческому издателю. Вот что произошло. Джим – это два художника в одном человеке, страстный и пылкий певец (я видел, однажды Джим пел так долго, что публике приходилось ложиться на пол, чтобы его слушать) и спокойный одарённый молодой поэт от Бога. Он был Mr. Mojo Risin’ – и Джеймс Дуглас Моррисон, поэт шотландско-американского происхождения.

Мы с Джимом устраивали поэтические чтения, и я видел, как он нервничает, но полон решимости быть услышанным на этом уровне. Я слышал Джима, уже после его смерти, на записи в игорном доме, бывшем немецком форте в Восточной Африке. Всякий раз я слышал художника.

Когда я читаю Джима, я чувствую, что это друг, которого я потерял. Я чувствую Джима как брата, с которым я разговариваю.

Как сказал Джордж МакДональд:

Одна только смерть может спасти от смерти.

Любовь – это смерть, и это так смело.

Любовь может заполнить самую глубокую могилу.

Любовь любит под волной.

Жизнь Джима и его искусство создали резонирующую волну, а он сам стал ярким поющим изваянием в светопредставлениях и увеличении. Но его стихи и песни по-прежнему изящно доказывают, что “одна только смерть может спасти от смерти”. Майкл МакКлюр Август 1979 года.

Об авторах

Джерри Хопкинс: Джерри писал о популярной музыке со времени окончания Университета Вашингтона и Ли в 1957 году. В десятке изданий он работал в качестве внештатного корреспондента, опубликовал несколько книг, посвящённых рок-музыке. В 1971 г. Джерри опубликовал первую, до сих пор остающуюся лучшей, биографию Элвиса Пресли “Элвис”. Эта книга была посвящена, в частности, Джиму Моррисону – “за идею”. После объявленной в 1971 г. смерти Джима, Джерри лучше понял суть посвящения, и следующим его проектом стала биография Джима. Джерри познакомился с Джимом, когда брал у него интервью для “Rolling Stone”, а потом ещё раз встретился с ним во время поездки “Doors” в Мексику – он писал об их концертах за южной границей.

С 1971-го по 1975-й год Джерри изучал жизнь Джима. Во время подготовки этой книги Джерри впервые встретился и побеседовал с Дэнни Шугермэном, другом и деловым партнёром Джима.

Сегодня Джерри Хопкинс живёт с двумя детьми на Гавайях. Он освещает музыкальную сцену Гавайских островов и остаётся внештатным корреспондентом “Rolling Stone”.

Дэнни Шугермэн: Дэнни двадцать четыре года, он живёт в Беверли Хиллз, где успешно управляет фирмой по менеджменту и связям с общественностью. Кроме того, он является доверенным лицом и помощником оставшихся в живых “Doors”, особенно Рэя Манзарека, карьерой которого после распада “Doors” руководил Дэнни. В лучшие времена “Doors” он был помощником по менеджменту и неотъемлемой частью “Семьи Doors”. С лёгкой руки Джима Моррисона Дэнни начал писать, когда ему было 13 лет, сначала о концертах “Doors”, а потом, с большей глубиной, о печально известном судебном процессе Джима в Майами. Они сблизились, и после смерти Джима в Париже Дэнни продолжал освещать рок-музыкальную сцену в разнообразных изданиях США и за границей.

После того, как Джерри Хопкинс начал своё исследование и сделал два первых черновика, Дэнни принял участие в их редактировании и подготовке окончательной рукописи, пытаясь сделать Джима настолько реальным для читателя, насколько это мог бы сделать только тот, кто близко знал Джима.